

к/х
LE MESSAGE

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- Спасение в Ветхом Завете
- Брак и Евхаристия
- Вопросы Церкви
- Неизданное письмо В. И. Ленина
- Неизданные стихи: Н. Гумилева,
О. Мандельштама, Б. Пастернака.
- О Солженицыне
- Судьбы России
- Жизнь Движения

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 98

TRIMESTRIEL

IV . 1970

LE MESSENGER*périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes*

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, В. А. Водов, проф. прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов.Америка: Архиеп. Сильвестр Монреальский и всея Канады, проф. прот.
Александр Шмеман, проф. прот. Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. Раевская.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15°. Tél.: BLO. 53-66

ВЕСТНИК Р. С. Х. Д.**ПОВЫШЕНИЕ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ**В виду увеличения объема **Вестника** почти вдвое, мы
вынуждены начиная с 1971 г. повысить подписную плату:

Во Франции	35 фр.
с целью поддержки	60 фр.

8 долларов
10 долларов
15 долларов

плата за 1971 год,

0 франков.

35,—
10,—

ить только на почтовый
des Etudiants Russes,
s-15°.

ne des Etudiants Russes,
s-15°. France.

ОТ РЕДАКЦИИ**НАЗРЕВАЮЩИЕ ПЕРЕМНЫ ВО ВСЕЛЕНСКОМ
ПРАВОСЛАВИИ**

Смерть патриарха Алексея Московского, наступившая через 4 дня после подписания им указа об Автокефалии Американской церкви, болезнь патриарха Афинагора, раздор в Греции между сторонниками экуменической деятельности Вселенского патриарха и ее противниками — это все признаки того, что грядущая смена руководства церковью будет стоять перед огромной ответственностью за будущий облик православия в современном нам мире.

В Москве многое будет зависеть от самой процедуры выборов нового патриарха. В 1945 году на соборе патриарх Алексей был единодушно избран открытым голосованием. Тем же способом было принято и новое Церковное Уложение — без дебатов. Если избрание при таких условиях было все же «принято» всем православным миром, то это оказалось возможным только потому, что ничего лучшего нельзя было ожидать при Сталине и также потому, что митрополит Алексей был наиболее подходящим из всех возможных кандидатов: возведенный в сан епископа в 1913 году, близкий советник патриарха Сергия и достаточно гибкий по характеру, чтобы действовать в условиях советского режима — он явился как бы символом опасной и трудной политики сохранения Церкви при наличии коммунистической диктатуры. В 1970-1971 гг. такого явного кандидата не существует. С другой стороны, Московский Патриархат сейчас находится гораздо более на виду у всех, чем в прошлом.

Согласно теперешнему Статуту русской церкви патриарх должен избираться собором епископов, духовенства и мирян. Но текст не указывает ни способа выборов делегатов от духовенства и мирян, ни процедуры наречения и избрания кандидатов в патриархи. Это дает возможность полного произвола. Но никто, ни западное общественное мнение, ни различные международные и экуменические организации, членом которых является Патриархия, ни остальные православные Церкви, ни сами русские православные верую-

БИБЛИОТЕКА-ФОНД

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001424 K1X

щие не примут избрания без гарантий хотя бы минимума свободы выбора. При современной обстановке эти минимальные условия состояли бы из тайного голосования и хотя бы некоторого относительно свободного представительства на самом соборе. Духовенство и миряне должны были бы являться подлинными представителями епархий, а те семь или восемь епископов, которые в 1961-1963 г. поддержали архиепископа Гермогена Калужского в его обличении администрации патриарха, должны были бы активно участвовать в выборах.

Собор назначен теперь на 28 мая 1971 г. Длительность междуцарствия была бы понятна только если бы она означала подготовку к настоящему представительному собору. Если же, наоборот, за это время все живые и независимые силы внутри русской церкви постепенно подвергаются нейтрализации, тогда избрание нового патриарха потеряет всю свою подлинность. Миллионы русских православных верующих нуждаются в наших молитвах и в нашей поддержке гораздо больше теперь, чем когда-либо раньше. Различные православные центры, находящиеся вне Советского Союза могли бы помочь поднять мировое общественное мнение в защиту большей религиозной свободы в СССР. Но, увы, и у них есть немалые трудности.

Неизвестно, позволит ли Турецкое правительство избрать нового патриарха в Константинополе после ухода патриарха Афинагора. Греческая пресса свободно обсуждает различные кандидатуры на патриарший престол, но все эти рассуждения могут оказаться напрасными в виду того, что по Лозанскому договору сохранение патриархата в Турции зависит от числа греков в Константинополе, которых должно быть свыше 20 000. Повидимому этого условия больше не существует. Турецкое правительство в течение последних десятилетий систематически высылало греков из своих пределов.

Если б Вселенский Патриарх был вынужден покинуть Константинополь, ему пришлось бы, вероятно, обосноваться на той части греческой территории, которая канонически входит в его юрисдикцию (северная Греция и острова). По нашему мнению, это решение могло бы с одной стороны оказаться опасным, с другой — иметь благоприятные последствия. Опасность заключалась бы в зависимости патриархата от Греческого государства — это уже и теперь так — но эта зависимость сделалась бы еще более

сильной и более очевидной: от этого чрезвычайно пострадал бы мировой престиж патриарха и его роль объединяющего центра среди православных Церквей. Другая, положительная сторона заключается в том, чтобы осуществить мысль, которую часто предлагали — в частности румынская церковь — организовать около патриарха постоянный все-православный синод или совещание. Конечно, нет и речи о том, чтобы это обратилось в новый Ватикан и чтобы патриархат, даже в этом новом виде приобрел власть над церквами. Но если бы ближайшие сотрудники патриарха состояли из представителей всех православных церквей, а не только греческой, как теперь, то это, конечно, дало бы ему возможность играть большую роль в действительном и активном свидетельстве обо всем православии. Православная церковь безусловно нуждается в мировом центре для соборования, но не для власти над церквами. По совершенно ясным причинам таким центром не может быть ни Москва ни Вашингтон! Будем надеяться, что грядущий Православный «Великий Собор» найдет в себе смелость и провидение — с содействием Святого Духа — отрешиться от давно устарелой системы, выработанной еще Византийской Империей, до сих пор еще номинально определяющей организацию мирового православия, в пользу реалистического и постоянного пути, обеспечивающего то, в чем нуждается Церковь: единства и любви.

Прот. Иоанн Мейендорф.

ПОНЯТИЕ СПАСЕНИЯ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Спасение означает избавление от угрозы гибели. О спасении говорят все религии. Уже язычество допускало, что боги имеют силу спасать человека от всякого рода опасностей и бед: от болезни, от преждевременной смерти, от угрозы со стороны врагов или природных стихий. Все эти аспекты спасения дарованного свыше не отрицаются в богооткровенной религии. Но когда в последней идет речь о спасении, то под этим главным образом и почти всегда подразумевается освобождение Богом человека от греха и его последствий: зла, проклятия и смерти.

Что такое грех? О грехе говорится на каждой странице Священного Писания. Грех есть нарушение воли Божьей. Он включает в себя самый акт нарушения воли Божией и тоже виновность в этом нарушении, с которым связано также нарушение установленного Богом порядка. Порядок же, установленный Богом в мире как его Творцом, составляет норму его бытия. И потому грех как нарушение установленного Богом порядка есть не только вина перед Богом, но тоже отпадение и человека и мира в недолжное состояние, которое есть то, что называется злом.

Проклятие является одним из выявлений этого состояния. Это есть удаление от Бога, утрата общения и связи с Ним. Это удаление от Бога, который есть источник всякой жизни, влечет за собой еще большее усиление ненормальности состояния, в котором оказался человек вследствие греха. Неудивительно, поэтому, что это состояние выражается тоже в том распаде сложного духовно-телесного состава человека, который составляет смерть. А что касается воли человеческой, то не утрачивая полностью своей свободы, она все же утверждает и как бы закрепощается в своем недолжном самоопределении. У человека появляется вкус ко злу. Это составляет греховность, делающую человека рабом греха.

Зло не есть сущность, а только всего состояние тварного бытия, в которое оно впало виною человека. Но если Бог зла не сотворил, то слово Его откровения выявляет и вину человека и его бессилие перед грехом. Это есть то, о чем свидетельствует апостол Павел в Рим. 8,2-4, где он говорит о роли закона. Последний обличает грех, но не избавляет человека от греха. Этим самым он показывает, что человек от своего недолжного пребывания в грехе может быть освобожден только в порядке спасения.

Спасение может быть совершено только через божественное вмешательство и божественное содействие.

Спасение есть основная тема новозаветного благовестия. В Новом Завете говорится о сущности спасения, о том, как оно совершилось и каким образом человек призывается его унаследовать. Весть о дарованном Богом в едиnorodном своем Сыне спасении человечества составляет главный предмет Евангелия, то есть благой вести о новом порядке, установленном Богом и определяющимся как Царство Божие или Царство Небесное. Услышание этой вести о дарованном Богом спасении было причиной массового обращения к Христовой вере, о которых свидетельствуется в книге Деяний Апостольских.

Хотя полнота откровения о спасении находится в Новом Завете, однако надо искать в Ветхом Завете указание причины, по которой спасение явилось необходимым. Богооткровенный ответ на вопрос: «откуда зло, смерть, страдания, болезни, грех, тяжесть труда человеческого и т. д.?» дан в 3-ей главе книги Бытия, в известном рассказе о грехопадении прародителей. На этот же вопрос, как это показывает сравнительная история религий, пытались ответить и находящиеся вне откровения религии, выражая свои ответы в образных мифологемах. Автор Бытия III в своем рассказе использовал тоже такие же образы, ставшие привычными для той среды, культуры и эпохи, к которым он принадлежал. Но он исправил языческие представления о происхождении болезней и смерти в свете богооткровенной религии. Он дал древним образам новое содержание, получившее вечное значение благодаря божественному откровению...

Бытие III показывает, что зло в человеческий мир приходит из сверхприродного мира. Вводило его в наш мир сверхприродное существо в образе змея. Об этом змее говорится, что он был сотворен Богом (ст. 1). Следовательно, для Бытия III, соблазнитель был существом тварного происхождения. Однако, в библейском рассказе как будто не делается никакого различия между этим змеем-соблазнителем и обыкновенным, зоологическим змеем. Тем не менее, вчитывание в Ветхий Завет показывает, что для древнеизраильского сознания очень часто не существовало границ между зоологией и мифологией, т. е. в конечном счете — демонологией. Это особенно явствует из сопоставления еврейского текста XIII-ой главы книги Исаии с греческим переводом этой главы, принадлежащим так называемой версии Семидесяти, составленной для эллинизированных александрийских иудеев в III—II столетии

до Р. Х. Эта глава предсказывает о разрушении Вавилона. Она описывает состояние, в которое будет приведен этот город, некогда могучий и гордый. Его дворцы, блистающие своей роскошью, будут покинуты и станут обиталищем всякого рода диких зверей и пресмыкающихся, населяющих пустынные места. Греческий перевод, перечисляя этих животных, называет их именами всякого рода мифологических и демонических существ. (Русские читатели могут прочитать этот текст по славянской Библии, переведенной не с еврейского, а с текста Семидесяти). Вполне вероятно, поэтому, что уже для первых читателей Быт. III змий был образом демонической силы, тем более что в самом рассказе он выступает как некая личность, обладающая сверхчеловеческим умом и знанием, к тому же движимая во всех своих высказываниях и действиях враждою к Богу и желанием нанести вред всему его делу.

Змей своим соблазном заставляет человека сперва судить Бога, а затем отпасть от Его воли и тем самым от Него Самого. Но не один змей несет вину за зло. За него тоже ответствен сам человек, который поддается соблазну и актом свободной воли впадает в грех. Однако, грех и зло выразились не только в акте восстания против Бога, в котором оказался виновным человек: они вызвали тоже искажения всей природы, как человеческой, так и стихийной. Человек должен будет возвратиться в землю, от которой он был взят (ст. 19). Появляется в человеке греховное влечение (ст. 16) и стремление укрыться от Бога (ст. 8-10). Земля становится непокорной перед усилиями человека; и мужчина и женщина поражаются в том, что составляет их основное призвание на земле (ст. 16-19). Все творение, таким образом, отпадает от нормы бытия, которая была ему определена Богом в акте творения, которая составляла для него оптимальный образ его существования, образ, который оно призывалось свободно принять и жизненно осуществлять. Зло, как падшее состояние мира, оказалось, таким образом, глубже области чистой эмпирии и, потому, оно непреодолимо самим человеком. Мир и человек нуждаются в восстановлении подлинного образа их бытия. Это возможно только в порядке спасения. Последнее должно заключаться как в преодолении вины человека за грех, так и в упразднении всех губительных его последствий в природе человека и мира.

Элементы учения о спасении или, по крайней мере, надежда как дарование, находится тоже будто в той же главе 3 книги Бытия. В приговоре, обращенном к змею, Бог говорит о вражде, которую Он положит между семенем его и семенем жены. Семя

жены будет поражаемо семенем змея в пята, но оно змея будет поражать в голову (ст. 15). Зная, что змей семенем жены будет поражаем в голову, толковали этот текст как свидетельство о конечной победе над диаволом и об упразднении его державы. В церковном предании это место стало, поэтому, рассматриваться как мессианское, как содержащее первое обетование людям о грядущем в мир Спасителе, благодаря чему оно получило название Протоевангелия или Первоевангелия. Один из первых намеков о мессианском понимании этого текста мы можем найти в уже упомянутом переводе Семидесяти. Передавая слова о семени жены и о том, что оно будет поражать змея в голову, греки отнесли к слову семя, слову среднего рода в греческом языке, как и в русском, личное местоимение мужского рода единственного числа Он («той» — в славянской Библии). Семя, таким образом, в эпоху, когда составлялся этот перевод, в некоторых иудейских кругах понималось не в общем смысле потомства, но в значении личности того, кто одержит окончательную победу над виновником зла и освободит мир и человека, иначе говоря личности самого Мессии, помазанника Божия, через которого Бог уничтожит все враждебные Ему силы и установит Свое Царство в мире.

Однако, надо указать, что все богословское содержание как и значение рассказа 3-ей главы книги Бытия в пределах Ветхого Завета было усмотрено не сразу. До вавилонского плена в ветхозаветной письменности мы не встречаем никаких следов богословского влияния этого рассказа. Что же касается письменности последней эпохи, то, как это было выше отмечено, первые возможные следы мессианского истолкования Бытия 3,15 мы находим лишь в переводе Семидесяти, т. е. около III—II века до Р. Х. Свидетельство же о состоявшемся восприятии богословия Бытия III относительно происхождения греха и смерти мы находим только в книге Премудрости Соломона. Вот что в ней можно прочитать по этому вопросу: «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия своего; но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие уделу его». Книга эта является по времени написания самой последней ветхозаветной книгой. Она была составлена на греческом языке в иудейском рассеянии в I веке до Р. Х. Ее тезисы о происхождении зла и смерти будут восприняты и развиты в Рим. 5,12 и сл., Ио. 8,44, I Ио. 3,8 и Апок. 12,9. Но чем объясняется такое позднее осмысление учения о грехопадении?

Объяснение надо искать в характере самого откровения, подаваемого в Ветхом Завете. В отличие от новозаветного откровения, которое было подано во всей его полноте в таинстве боговоплощения и Пятидесятницы, ветхозаветное откровение было частичным, но возрастающим и переходящим от меры в меру. Хорошо известна его характеристика, содержащаяся в начале 1-ой главы послания к Евреям: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, которого поставил наследником всего, через Которого Он и веки сотворил» (Евр. 1,1-2). Это означает, что в Ветхом Завете истины о Боге, о человеке, о взаимоотношениях Бога и человека открывались и также воспринимались народом Божиим частично и постепенно. Бог воспитывал свой народ, подготавливая его к принятию новозаветной полноты, подавая ему откровение отрывочное, возрастающее от меры боговедения более низкой к более высокой. Это касалось всех религиозных истин, доступных только в порядке откровения. Это особо сказалось в отношении богооткровенного учения о спасении человека.

Можно ли проследить по священным книгам Ветхого Завета, как постепенно нарастало до пришествия Христова божественное откровение о спасении, как постепенно учение о спасении человека от греха, смерти и прочих последствий греха постепенно осознавалось и выявлялось в Ветхом Завете? Тщательное исследование священной истории израильского народа, пророческих писаний и учительных книг обнаруживает действия Божии, которые показали ветхозаветному человеку, в чем должно заключаться подлинное спасение, и подготовили человека к восприятию новозаветного благовестия об избавлении его от греха, проклятия и смерти. Бог действовал через историю. Он не только ее направлял, но именно через ее посредство Он преподавал свое откровение. Этим образом Он вводил ветхозаветный Израиль в тайну готовящегося спасения.

Откровение о спасении в Ветхом Завете часто принимало свое начало от конкретных случаев Божественного вмешательства в развивающиеся исторические события для дарования народу Божию избавление от чисто земных действий, опасностей или угроз. Главные из этих случаев хорошо известны. Бог рукою крепкою вывел Израиль из Египта, освободил его от рабства, потопил в море преследующее его фараоново войско, затем хранил и питал Израиль во время его странствования в пустыне. После

его вхождения в Ханаан Бог помогал Израилю в поселении в этой стране, а затем защищал его от различных врагов, теснящих его и ставящих под вопрос самое обладание им обетованной землей. Затем, в эпоху монархии, Бог неоднократно спасал Израиль от всеразличных угроз со стороны то Египта, то Ассирии, двух гигантов, борющихся за гегемонию и стремящихся подчинить либо своему политическому влиянию, либо своей военной мощи страны Сирии и Палестины. При каждом таком случае дарования помощи, спасения или избавления Бог тоже касался религиозной жизни Израйля и давал ему познавать и иную неизвестную ему до этих пор духовную действительность. Так, события Исхода, избавление Израйля от Египетского рабства, его переход через море и дальнейшие события у Синая и в пустыне послужили духовному рождению Израйля как народа Божия: после всех этих событий Израйль увидел себя воистину принадлежащим призвавшему его Богу и познал всю исключительность своей исторической судьбы перед лицом всех прочих народов. Избавления, даруемые Богом при Иисусе Навине и при судиях, открыли Израилю, что спасение есть тоже восстановление в правах, дарованных самим же Богом, то есть в том, что имеет отношение к определенному Богом для Его народа конечному призванию и назначению. Помощь Божия, оказанная Давиду, который завершил завоевание обетованной земли и совершенно устранил от Израйля опасности со стороны филистимлян и других враждующих против него народов, породила в Израйле, особенно через пророчество Нафана (II Цар. 7) о неотъемлемости престола Давида от его потомства, идею о славном и праведном Царе, потомке Давида, через которого Бог установит на земле не только вожделенный мир, но тоже правду и боговедение (Ис. 7,14; 9,1-7; 11,1-9; ср. Амос 9,11-15; Мих. 5,1-5). А в эпоху ассирийской опасности, которая была и той эпохой когда раздавалась проповедь Амоса, Осии, Исаии, Михея, Софонии и Наума, было открыто Израилю о спасающем значении веры, которая всегда начинается с доверия к Богу и к данным Им обетованиям. «Если не веруете, не устоите», — говорит Исаия в 7,9. А пророк Аввакум, продолжавший пророческую проповедь тогда, когда угроза нависала уже не от Ассирии, а со стороны второй Вавилонской империи, изрек знаменитое свое речение: «праведный будет жить, благодаря своей вере» (Аввак. 2,4), на которое ап. Павел ссылался, когда развивал новозаветное учение об оправдании верою (Рим. 1,17). Одновременно с опытным постижением спасающей силы веры пророки стали развивать учение о праведном остатке

Израиля, который, в силу неложности обетований, данных Богом своему народу, выйдет спасенным из исторических катастроф, чтобы дать начало будущему мессианскому царству (Осия, Михей, Исаия и Софония).

Новые, очень важные стороны учения о спасении были открыты ветхозаветному народу Божию в эпоху Вавилонского плена. Катастрофа эта разразилась над Иудейским царством в 586 г. Иерусалим был взят войсками Навуходоносора, храм и весь город были разрушены, почти все население было уведено в Вавилонию. Плен официально кончился в 538 году декретом персидского царя Кира, взявшего Вавилон и завоевавшего всю его империю. Иудеи получили право возвращаться к себе на родину, им был дан даже особый статус, но политическая независимость была ими утрачена. Их территория оказалась последовательно частью персидской империи и сменивших ее империй македонской, египетской, сирийской и римской. Плен был воспринят как наказание, ниспосланное Богом своему народу за его неправедность, за религиозную неверность. На этом настаивали в своей проповеди сперва Иеремия, потом Иезекииль. Эта проповедь привела к обострению в народе чувства греха. Но оба эти пророка в то же время свидетельствовали, что испытания, связанные с пленом, являются очистительным действием Божиим. Спасение стало все более и более восприниматься, как спасение от греха. Пророк Иеремия первый заговорил о Новом Завете. Согласно его слову, содержащемуся в гл. 31,31 и след. его книги, Новый Завет будет заключаться в том, что закон будет вложен во внутренность людей и написан на сердцах их. Продолжая проповедь Иереми, Иезекииль в 36,24-28 говорит о сердце новом и духе новом, которые Бог даст своему народу, обещая также сделать и то, что он будет ходить в оправданиях Его, сохранять и выполнять повеления Его. Тот же пророк Иезекииль, говоря об обновляющей силе Духа Божия, представляет ее как силу, могущую воскресить сухие мертвые кости (Иез. 37). События, связанные с вавилонским пленом и подаваемое через них божественное откровение, подвели таким образом ветхозаветный народ Божий к порогу новозаветного учения о спасающей и обновляющей благодати.

Но это еще не все. Испытания, которые народ принял и смог пережить, не утратив веру в благость и любовь Божию, привели его к получению откровения уже не только об очистительной, но и об искупительной силе страданий. Пророкам и религиозным вождям было открыто, что можно понести страдания за то, чтобы

были прощены и очищены грехи других, что страдания праведных искупают грехи грешников. Вершина этого откровения находится в так называемых песнях Раба Господня, относящихся к моменту окончания Вавилонского плена и содержащихся во второй части книги прор. Исаии (Ис. 42,1-7; 49,1-9; 50,4-9; 52,13-53,12). Они дают образ Мессии уже не торжествующего, но страдающего. Он, подобно пасхальному агнцу, является заместительной жертвой: «он мучим за беззакония наши и изъязвлен за грехи наши» (Ис. 53,7), «он взял на себя наши немощи и понес наши болезни» (ст. 4), «наказание, подающее нам мир, было на нем, ранами его мы исцелились» (ст. 5). Евангелисты, описывая страдания Господа и Его крестную смерть, видели в них исполнение всего сказанного в книге Исаии о страждущем Рабе Господне. С учением о страдающем Мессии к традиционному представлению о спасении, понимаемом как избавление в плане чисто историческом, прибавилось и другое понимание. Израиль продолжал ожидать от Бога избавления от притесняющих его врагов, но его религиозные вожди стали все больше и больше говорить о спасении, как о получении от Бога избавления от греха и его последствий. Этому высшему пониманию спасения суждено было в богооткровенной религии сделаться преобладающим.

Послепленная эпоха истории Израиля была тоже полна испытаний. Новые империи, возникающие на Древнем Востоке, продолжали вести борьбу и ниспровергать друг друга. Палестина, при этом, переходила из одних рук в другие. Народу Божию во II веке до Р. Х. выпало перенести религиозные преследования и вести героические войны в защиту отеческих преданий (Маккавейские войны, заполнившие вторую и третью четверти II века). Вследствие этих войн ему даже удалось обрести на краткое время государственную независимость (период иудейского государства, возглавляемого Асмонеями династией). Но эта независимость в 63 году до Р. Х. у него была отобрана Римом. Учение о спасении было через эти испытания дополнено новым откровением, которое было запечатлено в писаниях послепленных пророков и пришедших им на смену апокалиптиков и авторов книги о Премудрости. Спасение все больше и больше стало пониматься как получение примирения с Богом, прощения грехов и избавления от них, как обретение благодатного мира и, наконец, как воскрешение мертвых (об этом определенно говорится в 12-й главе книги Даниила и в 7-ой главе II книги Маккавейской). По мере того, как приближался Новый Завет, почти все элементы божественного плана о

спасении мира были, таким образом, предназначены в многочастном и многообразном откровении, подаваемом Богом в Ветхом Завете. Это дало последним ветхозаветным писателям возможность осмыслить все богатства религиозного содержания рассказа Быт. 3.

Божественный план о спасении получил свое исполнение во Христе Иисусе. Спасительный подвиг Христа и новозаветное благовестие о дарованном спасении от греха, проклятия и смерти, заслонили в сознании верующих память о ветхозаветных исканиях постижения тайны спасения через подаваемое до Христа многочастное и многообразное откровение. Но для христианского богословия эти искания и эти частичные ответы не утратили своего значения. История богословия о спасении показывает, как часто последнее понималось односторонне. Если остановиться хотя бы на тайне искупления, то в течение истории богословы очень часто сводили искупительный подвиг Спасителя к одному какому-нибудь аспекту и упускали из внимания все его остальные стороны. Ориген, например, учил, что выкуп Христом дан был диаволу, Ансельм Кентерберийский свел учение об искуплении к истории сатисфакции, а наш отечественный богослов митрополит Антоний Храповицкий — к делу одной только Божественной сострадательной любви. Ветхий Завет свидетельствует, что спасение имеет множество сторон, которые все получили свое исполнение во Христе и которые новозаветная богословская мысль призывается осознать и уяснить.

Сохраняет все свое значение и вся ветхо-заветная священная история божественных вмешательств в историю вообще и воздействий на судьбы человеческие. Человечество как целое во Христе перешло от Ветхого Завета к Новому. Но встреча со Христом и личный переход от Ветхого к Новому Завету лежит в религиозном пути каждого человеческого индивида. Очень часто эта встреча и этот переход являются плодом испытаний веры, подобным тем испытаниям, которые, до явления полноты Откровения, пережил в своих религиозных судьбах ветхозаветный народ Божий. Ветхозаветные писания показывают, что вера испытываемая, вера долго проявляющая себя в подвиге доверия к Богу, рано или поздно приводит к вере, как знанию и проникновению в тайны Божии, в частности в тайну о совершившемся, об уже дарованном спасении. И тут, конечно, боговдохновенные свидетельства Ветхого Завета, Священные Писания об ответах Божиих на подвиги веры всегда являются источником как назидания, так и утешения для всех ищущих спасения, а также верным для них указателем путей к обретению спасающей веры во Христе Иисусе.

Архиепископ Иоанн ШАХОВСКОЙ

Угли пустынные

“Стрелы Сильного изошрены со углями пустынными”.

Пс. 119.

Ничем не меряйте Христа. Все меряйте Христом.

Костром в пустыне, где остались только чистые угли, пусть будут слова человека.

«Будьте как дети». Это значит, **не имейте прошлого**. Настоящее, это уже вечное. Мы полны Богу не отданных минут. Сын Человеческий в нас «не имеет где преклонить главу».

Покаяние освобождает от греха, как неблагоприятного прошлого. В Царство Божие входят лишь **легкие**, освобожденные для вечности, не богатые, а бедные временем. Только им «легко на душе».

Смерть мгновенно касается нас. Все падает в мире Силоамская Башня и давит «18 человек». «Или вы думаете, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете» (Лук. XIII). Шум падающей Башни слышен во всякой авиационной и другой катастрофе. Человечество соединено всею **хрупкостью** этого мира. Надо хвататься **за ризу Христову**. Хотя бы дотрагиваться до нее (как женщина кровоточивая).

На чикагском убийце, убившем сразу 8 девушек, найдена татуировка: «born to raise hell» (рожден — вызывать ад). Демонический дух в мире реален. А психологи все мелко возятся около бесовских феноменов, выискивая разные «комплексы» и «травмы».

Человеческая любовь не имеет силы освящения... Многие этого не понимают. Только Божий Дух, бросая «соль» в человеческую любовь, вводит ее в вечность. «Брак честен и ложе не-

скверно». Да, если в Боге. Иначе, и брак — блуждание в косных стихиях.

На людей идет дождь мелких дел, на которых им бывает легко объединяться друг с другом. Через этот (малоценный, в сущности) круг житейских дел, люди могут глубоко единиться друг с другом и — зреть для вечного, высшего общения... Я вошел в лавку и купил какую-то мелочь. Но чрез это я вошел в общение с другой бессмертной душой. Это уже **не мелочь**.

По мере нашего духовного созревания, все труднее нам бывает единиться с другим человеком в чем-то «третьестепенном». Сердце ищет глубоких единений. Остальное пресно. Близость к Богу сперва ведет человека к особому одиночеству, освобождая от всяких поверхностных единств. А потом из этого одиночества открывается дверь в более высокую любовь. Так может быть и в браке.

Одни смиренные могут быть счастливы на земле и на небе, так как они все принимают, как им данное сверх меры.

Небо — вечная молодость мыслей, свежесть желаний, незаходимое Солнце истины.

«Плоть» и «мир» (комплекс неистинных ценностей) ищут себя и в церковной ограде. И в святом месте, они хотят себе вечных благодарностей за каждую копейку.

Область религии надо все более освобождать от бытового материализма. Тогда философию материализма можно будет легче оторвать от ее псевдо-фидеистических основ.

Религия делается слишком институционной, экзекутивной, связанной с внерелигиозной психологией общества. А материализм, чтоб жить, показывает ложное одухотворение.

Понимание Церкви часто бывает сухим и скучным. Радостнейшая Тайна тайн, Вечного Бытия во Христе, превращается в смутный теизм, в эстетическую эмоцию, или национальное переживание. Как много скучного за века накопилось в «делах религиозных».

Смысл истории один — явление нового человека. Это и есть «тысячелетнее Царство Христово» (Откр. XX, 4). «Тысяча лет» Апокалипсиса — не отрезок земного времени и не историческая эпоха, а начавшийся уже приход Духа Святого в мир, Царство Господа уже приходящее в явлении внутреннего человека. Царство это уже сошло и все сходит к нам из вечности. Оно реальнее всех исторических событий.

В религии, как в любви, нет уже времени и пространства. Религия, это благодать общения вблизи и чудо любви вдали. Агапэ... Тут видишь всю неистинность учения о «перевоплощении», нырянии одной личности в другую от дурной бесконечности времени и космического пространства. Учение это несоответственно истине человека, убийственно для его личности неповторимой.

Человеческое совершенствование было бы ничтожно, если бы оно обуславливалось только волей человека во времени. Но человек безмерно выше и чудесней самого времени. Сам же себя улучшить не может. Этого не чувствовали Рудольф Штейнер и Блаватская.

Благодарность Богу — самое драгоценное состояние. Оно есть литургическое измерение человека, в благодарении «о всех и за вся». А после причастия оно переходит в благодарение за дар благодарения.

Ни в растительной, ни в животной, ни в псевдо-духовной жизни нет богоблагодарности. Только человек носитель ее духа. И когда дух этот начинает пульсировать в человеке, человек ищет все новых поводов для благодарности. Радость для него выискивать все новые предлоги для благодарения. Пьянея благодарностью, человек и входит в рай. Это есть вера в Бога.

Чувственным трудно богоблагодарение. От своих земных трапез они не воскресаются, а отваливаются. Лишь по мере своего утончения, душа, только взглянув на Божии дары (и даже не ей данные) начинает уже славословить.

Душа неблагодарная только увидит приятный кусок жизни,

как начинает вожделевать его. И гложет в ней благодарение... Тут можно понять смысл поста, его технику и философию. Освобождение от суеты и выход из животности, — начало истинной любви.

Воздержание, это парус. Но он имеет смысл только при ветре любви. Любовь неверная себя сужает, а любовь истинная все время расширяет себя и не может существовать не расширяясь. Оттого природа истинной любви к человеку, вещам и явлениям, есть начало любви к Богу.

От греха до святости — маленький шаг. И от святости до греха.

Есть благословение в скудости, как и в богатстве, в таланте и бесталанности. В таланте — дар ответственности. В бесталанности, (неразумности и бедности) — дар не-ответственности. Благодать есть и в болезни, и в здоровье, в жизни и смерти. Все поистине богато благословением и «хорошо зело», как в первый день творения.

Некоторые кощунствуют, когда слово Бог пишут с малой буквы. А другие, когда пишут это великое слово с большой буквы, (в неподобающих случаях, или не вкладывая трепета в слово).

Иночество есть любовь ко всякой минуте, как последней.

Психология «своей колокольни» заглушала и заглушает в истории колокола Церкви.

Что-то есть бесчеловечное в наших звонках. Это большое напоминание о нашей нечуткости. Истина не производит таких ударов по сознанию. Ей отворяют в тишине.

Ум человека, это неудовлетворенность никакими этикетками, штампами, формулами. А цивилизация вся стоит на этом. Вода есть H₂O (будто бы ничего больше!). Мир наполнен такими ложно-безошибочными истинами. Человечество к ним привязалось, так как они легки и ничего от человека не требуют. Эта истина не требует ни любви, ни правды. Отсюда серость жизни.

Способность и необходимость уходить за пределы всех горизонтов и ясностей есть ум. Мера осознания человеком своей неразумности есть мера ума.

Покаяние (в котором религиозная жизнь) выражается именно в невысокой оценке человеком своей мудрости и ясном понимании своего несовершенства. Человеку надо непрестанно усматривать свою зависимость от Высокого. Мера понимания этой своей зависимости есть мера веры.

Поэзия «отпускается» нам, чтобы мы понимали прозаическое.

Общий восторг пред Богом это Церковь.

Праведные люди — огненные столпы истории. Иногда они кажутся в истории облачными. Озаряющие ночное сознание человеческое, слова их и дела кажутся «дневному», практическому сознанию туманными.

Люди женятся иногда на калеках. Тут ощущается ветер свободы, вызов комплексу неистинных ценностей.

Неприятен в человеке, особенно в церковной жизни, привкус личной, или коллективной гордости. Достоинство легко смешивается с гордыней. Религиозные антагонизмы уступают в наши дни место любви или равнодушию.

У ребенка много глаз и ушей, он так жадно смотрит на все... А старому человеку надо терять зрение, притуплять слух. Мудрому надо ходить ощупью, еле видеть мир.

Богатство отдаляет от Бога. И более всего всегда отдаляет от Бога праведность (потом власть, знание, здоровье, материальное имущество). Один епископ в соловецкой ссылке так сказал: «единственно, кого не будет в Царствии Божием, это праведников». Это православие.

Быть со Христом, значит отчаливать от всякого берега.

Смирненными бывать мы умеем, но только, когда нам хочется и пред чем хочется.

Все в мире явление вторичное. Один Господь — Первичное. Отовсюду к Нему выход: «Exit». Спасение от пожара.

Можно ли изобразить грех пластически? Попробуем: люди, на ходу скорого поезда свешиваются с подножки вагона к земле, чтобы подобрать красивую щепку или блестящее разбитое стекло.

А спасение от греха, это, когда человек отпрянет назад, «в вагон». Или кондуктор (ангел) схватит и втащит человека «внутри вагона», внутрь души, внутрь истины.

Помочь другому можно лишь большей верой.

В братских встречах христиан, признающих друг во друге благодать крещения, надо рассматривать им друг друга со стороны оправдания, а не осуждения. Любовь «не мыслит зла» (I Кор. XIII, 5). Пусть же преобладает кроткая воля. Ее нет у сектантов и у фарисеев. Господь — Оправдание, Радость Спасения, а не радость Суда в этом мире. Православные должны быть нежны к инославным. Иначе не выразить православие.

Христиане разучились говорить о Боге тихо.

Мы кричим в церквях, мы шумим святыми словами. И на богословских коллоквиумах (да еще в клубах табачного дыма).

Понимание удачи Божьего творения и дела Христова совершается в тайне свободы. Только в свободе своей (а не в мешанине исторических феноменов) человек может увидеть великую победу Истины.

Христианство это не просто вера во Христа; это радостное принятие Его как Победителя **уже**. Победителя не только «потом», а сейчас уже, когда Он только приоткрыл Свое дело в истории. Вера во Христа есть видение Христа как Победителя. Физические глаза человека такого Света в истории увидеть не могут. «Блаженны не видевшие и уверовавшие».

Терпеливо ждет Бог принятия человеком Его света, не подавляя никого очевидностями. Не на грубых победах строится Его истина. Неправы ждущие Мессию — не Христа Иисуса, а

другого, будто бы могущего подавить человечество материальными очевидностями.

Не видящие Христа в мире оправдывают свое неверие тем, что «христианство не удалось», Мессия, будто бы, не воцарился и не поправ Своих врагов. Такие люди (не видящие сущности своей свободы) должны были бы утверждать, что и все творение Божие «не удалось». Но они этого не говорят, понимая, как монотеисты, что Бог выше логических связей. Но к делу Христову прилагают свою низшую логику. И готовы признать Мессией мира только социально-политического победителя. Христос есть уже Победитель и непременно признать надо Христа Победителем. Истинный Победитель есть именно победитель, таящийся от грубых взоров и поверхностных оценок человеческих.

История нашего человечества есть история утробного, еще не родившегося, еще во тьме живущего человечества. История есть сверх-компьютерно-точный результат всех наших отдельных человеческих нравственных решений.

«Если Сын освободит вас, воистину свободны будете». Если... если... Вот без чего нет свободы! (большая задача социологам).

«Блуд» — неистинное обладание человеком, или неистинная отдача себя — вне Божьей воли.

Надо отдавать себя только Богу и лишь в Боге — человеку. Тут вся сущность брака. И жизни.

БРАК И ЕВХАРИСТИЯ

(окончание) *

XI. СЕМЬЯ И ДЕТИ

Сам Христос, в своей последней беседе с учениками, на последней «Тайной Вечере», где Он установил таинство Евхаристии, упоминает о радости чадорождения: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Ио. 16,21). И все мы знаем, что «скорбь», о которой мы быстро забываем после рождения ребенка, это — не только физические страдания, но и все человеческие беспокойства о деньгах, о жизненных условиях, о крыше и куске хлеба, которые неизбежны при численном увеличении семьи. Все эти беспокойства исчезают, когда в семье появляется новое «свое» существо, нуждающееся в ежеминутной любовной заботе. Нет большей радости, чем появление новой человеческой жизни!

Вспомним также отношение Христа к детям. «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». (Матф. 18, 2-3). Возможно-ли вполне понять смысл этих слов, если отказаться сознательно от радости деторождения? Где как не в своих собственных детях можно испытать смысл этих потрясающих евангельских слов: «Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»?

Истинно-христианский брак невозможен без прямого и ясного желания, у обоих родителей, испытать эту радость. Брак, в котором дети — нежелательны, основан на эгоистической, плотской, а следовательно и несовершенной форме любви. Человеческая жизнь вся исходит от Бога, поэтому и человек, носящий в себе «образ и подобие Божии», обладает потрясающей способностью давать жизнь другим. Отказываясь от этой силы и от ответственности деторождения, человек отвергает свое богоподобие, отвергает своего Творца, и, тем самым, искажает свою собственную человечность. Без «образа и подобия Божиих» нет и истинной че-

*) «Вестник» № 91—92, стр. 5—15; № 93, стр. 8—15; № 95—96, стр. 4—15.

ловечности: нет ее и без сознательного стремления подражать Богу Жизнедателю. В этом один из основных смыслов брачного союза, залог истинного брачного счастья, и подлинно-христианской семейной жизни, а следовательно и путь к спасению (I Тим. 2,15).

Но если деторождение и есть величайший дар Божий и высшая радость, оно не является единственной «целью брака». Брак не оправдывается только деторождением. В христианском понимании тайны брачного единства и брачной любви нет утилитаризма: единство мужа и жены, по образу Христа и Церкви, не есть только средство для деторождения, но и цель в себе. В этом, как мы видим выше, основная разница между ветхозаветным и христианским пониманиями брака. Ни в Новом Завете, ни в писаниях Святых Отцов, мы не находим утилитарного учения о браке, как о «средстве» деторождения. В известном «Слове 20», на Послание к Ефессянам, св. Иоанн Златоуст говорит о браке как о «союзе» и о «таинстве», и только вскользь упоминает о деторождении.

Современная христианская мысль на Западе полна противоречий в этом вопросе. С одной стороны, модный «секуляризм» склонен принимать без оговорок самые спорные утверждения фрейдизма, сводящие все потребности человеческой жизни к его половым инстинктам и, следовательно, отвергающие не только религиозные, но и социальные императивы, препятствующие половой распушенности. С другой стороны, католическая Церковь испытывает большие трудности в своих попытках оторваться от основных предпосылок, руководивших ею в течение веков, и восходящих к бл. Августину (IV - V вв.). Как известно, бл. Августин считал половой инстинкт основным проводником греховности: элемент греховности был, по его мнению, неизбежным и в брачных отношениях, а поэтому сам брак мог быть оправданным только благодаря деторождению. Следовательно, при искусственном ограничении деторождения, брак считался неотличимым от блуда.

Православная Церковь, как и католическая, чтит память бл. Августина, но его авторитет, в области вероучения, не пользуется у нас такой же исключительностью, как на Западе. Правда, Восточная монашеская литература часто отождествляет половые отношения с грехом, но эта несомненная односторонность объясняется самым характером этой литературы, направленной к оправданию особого монашеского призвания, о христианских достоинствах которого будет сказано ниже. Церковь в целом твердо осудила гнушение браком (см. особенно каноны Гангрского собора). Она никогда не считала, что половые отношения, как таковые, являются про-

водником греха, хотя церковное предание и признает, что, в греховной, падшей человеческой жизни, греховность часто проявляется и в них, как и в других явлениях человеческой жизни. Отношения между мужем и женой благословляются Церковью, преобразуются благодатью Святого Духа, превращаются в вечный союз любви: Церковь, конечно, не благословляет греха, но спасает человеческую природу, воспринятую Сыном Божиим, и искупленную на Кресте. В этом смысл брака как таинства.

Если бл. Августин был прав, отождествляя брачные отношения с грехом, то ясно, что единственным христианским идеалом может быть только безбрачие, а брак есть всего лишь поущение, допустимое ради деторождения, без которого человеческий род перестал бы существовать. Именно этим подходом и объясняется резкое осуждение так называемых «искусственных форм ограничения рождаемости» в католической Церкви.

Правда, последняя энциклика папы Павла VI по этому вопросу («*Humanae vitae*») не ссылается прямо на учение Августина, а скорее подчеркивает положительный смысл человеческой жизни, т. е. настаивает именно на тех великих истинах христианского учения о человеке, о которых мы говорили в начале настоящей главы. Но есть ли в этих истинах достаточное основание, чтобы решительно осудить **всякую** форму ограничения рождаемости? Не очевидно ли, что если бы современная католическая Церковь не была связана своей прошлой зависимостью от Августинизма, — определившей ее вековую практику и дисциплину, — она бы проявляла больше гибкости в этом вопросе. Тем более, что все статистики указывают, что только меньшинство современных католиков фактически следуют решительным указаниям Церкви в области ограничения рождаемости.

Православная Церковь никогда не выносила общего и определенного суждения в этом вопросе. Это не значит, конечно, что «семейная планировка» является вопросом религиозно-безразличным, или что суждения христианской совести не должны на него распространяться. Повторяем:

- деторождение есть естественное, святое и непереносимое условие достижения полноты брачной жизни;
- передача жизни выражает образ Божий в человеке и, тем самым, его собственную человечность.

Но всем также известно, что неограниченная рождаемость ставит перед человеческой — а тем самым и христианской — совестью другие вопросы. Например: «жизнь», дарованная родителя-

ми детям, должна быть **полной** жизнью, предполагающей не только физическое существование, но и родительскую заботу, образование и нормальные условия жизни. Рождая детей, родители берут на себя ответственность за их воспитание. Имеют ли они право это делать, если нет налицо хотя бы самого элементарного обеспечения нормального человеческого развития для детей или если существует очевидная опасность, что дети будут жить не только в физической, но — что особенно важно — в душевной и психологической нищете?

Подобные опасности существуют сейчас и, конечно, существовали и в прошлом. Существуют также и всегда существовали способы «ограничения рождаемости», известные всем людям. Само собой разумеется, что все формы аборта, или сознательного прекращения уже зародившейся человеческой жизни, всегда почитались Церковью равносильными убийству, и осуждались как таковые. Является ли тогда воздержание от брачных отношений единственно приемлемой формой «ограничения рождаемости»? И не является ли, собственно, подобное воздержание также формой ограничения Богом дарованной задачи передавать жизнь детям? Между тем, и Священное Писание и предания Церкви допускают воздержание как приемлемую форму ограничения рождаемости. Недавнее католическое законодательство предлагает, — как допустимую форму ограничения, — периодическое воздержание, запрещая при этом «искусственные» способы, как то: «пилюлю», и пр. Но существует ли подлинная разница между «искусственными» и «естественными» способами? «Естественно» ли воздержание? Не «искусственно» ли всякое медицинское средство руководства человеческими функциями? Следует ли христианам отвергать медицину? И наконец, серьезный богословский вопрос: всякая ли «естественность» — доброкачественна? Ведь даже Апостол Павел знал, что чрезмерное «воздержание» приводит к «разжиганию» (I Кор. 7, 5-9). Условия «падшей» человеческой жизни никогда не бывают вполне «естественны» после повреждения грехом самой природной ткани человеческой жизни. Функция науки, и в частности медицины, не заключается ли именно в том, чтобы «очеловечивать» как деторождение, так и другие проявления жизни, путем контроля над человеческими функциями?

На все эти вопросы ответить невозможно, если безусловно и безоговорочно исключить, как несовместимые с христианской верой, все способы «ограничения рождаемости». Во всяком случае, Православная Церковь никогда не прибегала к точным и обще-

обязательным определениям в областях, требующих прежде всего ответа личной совести. Есть способы «ограничения рождаемости», которые могут оказаться приемлемыми в одних случаях и прямо греховными в других. Основная опасность современного распространения во всем Западном мире легких и, как будто, общепризнанных способов «ограничения рождаемости» заключается в том, что при этом стали с одинаковой легкостью забываться основные принципы христианской семейной жизни. Только на основании этих принципов, каждая чета, прибегая, когда возможно, к совету духовника, может решить все вопросы, связанные с деторождением. Только при **предельно-серьезном** отношении к этим принципам, т. е. к самой вере, жизненные решения самых интимных вопросов жизни могут иметь смысл. Правильное решение предполагает признание того, что «не хлебом единым будет жив человек» (Матф. 4,4; Лк. 4,4) и что не следует «собирать себе сокровища на земле» (Матф. 6,19),

— что дети радость и дар Божий,

что любовь, ограничивающаяся плотским наслаждением, не есть истинная любовь.

Только при условии безоговорочного принятия этих основных евангельских истин может быть поставлен по-христиански вопрос и об ограничении рождаемости.

ХП. БРАК ДУХОВЕНСТВА

Из книг Нового Завета, мы знаем, что некоторые апостолы — напр. апостол Петр — имели жен, и что брак не почитался препятствием для вступления в церковный клир: «Епископ должен быть непорочен, **одной жены муж**, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, ... хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякой честностью (I Тим. 3. 2-4).

Единственное требование, упомянутое в канонах, это согласованность брака клириков с христианским учением о браке: «кто, по святом крещении, двумя браками обязан был, или наложницу имел, тот не может быть епископ, ни пресвитер, ни дакон, ни вообще состоять в списке священного чина» (Апост. кан. 17). Второй брак является, для мирян, всего лишь допущением; для клириков это допущение невозможно, поскольку проповедь христианской Истины, являющаяся их прямой обязанностью предполагает, что они сами, в своей личной жизни, исполняют ее, и эта Истина включает учение о едином браке, по образу Христа и

Церкви. То же требование распространяется, в канонах, и на жен клириков: «Взявший в супружество вдову, или разведенную, или блудницу, или рабыню, или актрису (*) не может быть ни епископом, ни священником, ни диаконом...» (Апост. кан. 18).

Все это, в сущности, вполне совпадает с христианским идеалом абсолютной моногамии, которая является требованием для клириков, поскольку, как мы видели выше, только первый брак, как норма, освящался церковным таинством и запечатлевался общим евхаристическим причащением. Второй брак не благословлялся в Церкви.

Но само собою разумеется, что это требование не относится к гражданским бракам, заключенным «до крещения», т. е. до вступления в Церковь. С точки зрения Церкви, эти браки вообще не являются браками и не могут служить препятствием к рукоположению, если кандидат женился вновь церковно, после своего крещения.

Древнее церковное предание, признавая вполне законным вступление в клир для лиц, состоящих в брачном союзе, запрещает брак **после** рукоположения (Апост. прав. 26). Правда, в четвертом веке, Анкирский собор еще разрешал брак диаконов в тех случаях, когда, при рукоположении, они заранее сообщают епископу о своем намерении жениться (прав. 10). Это правило было формально отменено сначала императором Юстинианом (новелла 123), а затем Трулльским («Шестым Вселенским») Собором.

«Поскольку в Апостольских правилах сказано, что из производимых в клир безбрачных, только чтецы и певцы могут вступать в брак, то и мы, соблюдая это, определяем: отныне, ни иподиакон, ни диакон, ни пресвитер не имеют позволения, после совершения над ними рукоположения, вступать в брачное сожителство. Если кто дерзнет сие учинить, да будет извержен» (правило 6).

Это запрещение брака после рукоположения несомненно отражает общее церковное требование, чтобы клирики были вполне зрелыми и стабильными людьми. В древности и еще в средние века, строго выполнялось и другое правило, исключавшее рукоположение в пресвитеры до тридцатилетнего возраста (Шест. Всел. Соб. прав. 14). В отношении «канонического возраста», Церковь, в

*) В древнем мире, когда писался этот канон, состояние рабства и театральная профессия почти автоматически предполагали вольную или невольную безнравственность.

наши дни, перестала быть требовательной, поскольку рукоположение совсем молодых людей допускается повсеместно, но принцип духовной зрелости очевидно не может быть поставлен под вопрос. Человек, желающий жениться и ищущий жену, каков бы ни был его возраст, лишен стабильности: он стремится переменить образ жизни. Это стремление и есть то, что несовместимо с ответственностью за души других людей, с пастырской заботой о всем теле Церкви. Поэтому, только те, кто твердо и окончательно сделал выбор между браком и безбрачием, могут быть допускаемы к рукоположению.

Запрещение клирикам вступать в брак после рукоположения основывается на соображениях пастырских и охраняет чистоту пастырского служения, не затрагивая его сущности. Как и всякое другое дисциплинарное правило, оно может, в принципе, быть изменено Вселенским церковным решением. Другое дело — вопрос о второбрачии: канонические требования, требующие абсолютное единобрачие и самого кандидата в священство и его жены, относятся к самой сущности догматического учения Церкви о браке. Основная причина, почему вдовый священник не может вступить во второй брак (каковы бы ни были связанные с этим запрещением личные трагедии и трудности), есть то, что Церковь признает **полное** сакраментальное значение только за одним браком, и что священнослужители не могут сами нарушать учение, предлагаемое другим. Каково бы ни было снисхождение, оказываемое мирянам, вступающим во второй брак, Церковь не может не требовать от тех, кто исполняют служение учительства и проповеди, соблюдения новозаветной **нормы** в отношении единства брака.

Сравнительно позднее и чисто дисциплинарное развитие канонического права установило не-женатый епископат. Древняя Церковь знала многих женатых епископов. Они упоминаются в 40-м Апостольском правиле. Св. Григорий Нисский, брат св. Василия Великого (IV век), состоял в браке. Женатый епископат был упразднен «новеллой» императора Юстиниана (VI век), подтвержденной 48-м правилом Трулльского (Шестого Вселенского) собора. Собственно говоря, собор не исключает женатых кандидатов в епископы, но требует, чтобы, в случае избрания, они разошлись с женами: «Жена производимого в епископское достоинство, предварительно разлучась с мужем своим, по общему согласию, по рукоположении его в епископа, да вступит в монастырь, находящийся далеко от местопребывания епископа, и да пользуется содержанием от епископа» (правило 48).

В наше время, развод по общему согласию, ради получения мужем епископского сана, стал — к счастью — редким явлением. Сорок восьмое правило Трулльского собора, стоящее в явном противоречии с Писанием («что Бог сочетал, человек да не разлучает»), почти никогда не применяется: современный православный епископат пополняется из среды монашества или вдовых священников.

Императорское и соборное законодательство, упраздняющее женатый епископат, было установлено в эпоху, когда не было недостатка кандидатов из монашества и когда монашество составляло подлинную элиту христианского общества. Взгляд на епископство как на мистический брак с Церковью, требующий полного отказа от мирских забот, также способствовал изменению древне-церковной практики. Было бы ошибочно думать, однако, что допущение женатых священников к епископскому званию обеспечило бы само по себе лучший выбор кандидатов в епископы. Печальный опыт русского «Обновленчества» в двадцатых и тридцатых годах показал обратное и, видимо, надолго компрометировал саму идею подобной реформы в Православии. Во всяком случае, только новый Вселенский Собор мог бы внести соответствующую поправку в наше современное каноническое право.

Каковы бы ни были пастырские и дисциплинарные ограничения, наложенные Церковью в отношении брака священнослужителей, общий смысл Православного учения о браке остается неизменным: брак благословлен Богом и вполне совместим с пастырским служением в Церкви. Гангрский собор (правила 4 и 13) решительно осуждает тех, кто презирал бы женатых клириков.

XIII. БРАК, БЕЗБРАЧИЕ И МОНАШЕСТВО

В Новом Завете и в учении Церкви существует лишь одно понятие Царства Божия, предвосхищаемого христианским опытом и верой. Это предвосхищение и этот опыт возможны и в браке и в безбрачии.

Мы пытались показать выше, что специфически-христианский брак заключается в преображении естественной взаимной любви мужа и жены: естественная любовь становится **вечным** союзом, не расторгимым даже смертью. Брак есть таинство, в котором осуществляется радость будущего Царства, брачный пир Агнца (Откр. 19, 7-9), единство Христа и Церкви (Еф. 5,32). Не плотское удовлетворение, не социальное благополучие и даже не обес-

печение потомства являются конечным смыслом брака, а предвосхищение вечной радости Царства Божия.

Но безбрачие и, в частности, монашеская жизнь находят, в Священном Писании, то же самое оправдание и тот же смысл. Сам Христос сказал, что «когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут как ангелы на небесах» (Марк. 12,25). Мы указывали выше, что этот евангельский текст не отрицает, что **христианский брак**, по образу Христа и Церкви, потеряет свою реальность в Царстве Божием, но указывает на то, что человеческие отношения не будут больше «плотными». Эта «бесплотность» будущей вечной жизни и может предвосхищаться в монашестве, которое и почитается, в православном предании, как «ангельское житие». «Есть скопцы, говорит Христос, которые из чрева матерного родились так;... и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Матф. 19,12). Бесчисленный собор святых и преподобных, вслед за Иоанном Предтечей, Апостолом Павлом и «ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли» (Откр. 14,3), угодили Богу безбрачием и монашеской жизнью.

В первые века христианства, Святые Отцы и церковные писатели часто призывали к безбрачию и монашеству. В этом раннехристианском превозношении целибата, может быть, сыграла роль вновь осознанная очевидность несовместимости христианской этики с нравственной распущенностью древнего мира: стать христианином означало — выход из мира, разрыв со всеми его ценностями. Безбрачие было, для многих, самым наглядным и верным способом осуществить в личной жизни надмирный и эсхатологический порыв христианства. Но, несмотря на частое и иногда одностороннее превозношение монашества, как высшего христианского пути, древняя Церковь всегда сохраняла сознание положительной ценности брака. Она признала повсеместно, что брак есть «таинство», тогда как монашество признавалось «таинством» только некоторыми церковными писателями.

И брак и монашество являются жизненными путями, в которых возвещаемое в Евангелии Царство Божие должно стать преобразующей силой, предвосхищающей явление последнего дня. Церковь благословляет как брак «во Христе», запечатленный Евхаристией, так и безбрачие во имя Христово, являющее образ «ангельской» жизни. Она отнюдь не поощряет ни брак, если он заключен только как временный договор, или как удовлетворение плотских потребностей, ни безбрачие, основанное на эгоизме и самооборотительной безответственности.

Христианский брак предполагает жертвенность, семейную ответственность, зрелость тела и души. Так и христианское безбрачие невозможно без молитвы, поста, послушания, смирения, любви и подвига. Современная психология не впервые открыла факт, что безбрачие несовместимо с «нормальной» человеческой жизнью; между христианским пониманием человека и заключениями психоанализа есть только одна разница: они по разному определяют **норму человечности**. Для Христианства, эта «норма» не в падшем эмпирическом человечестве, а в прославленном и преображенном Человеке, явленном в Христе, и эта норма достигается освященной веками монашеской дисциплиной и подвигом. При этих дисциплине и подвиге плотская чистота и безбрачие становятся возможным и радостным образом жизни. Без них безбрачное состояние не может быть ничем иным, как ненужным и противоестественным бременем.

Святые отцы знали — лучше иногда чем многие современные психологи, что человеческий инстинкт, влекущий его к любви и деторождению, не может быть выделен из всей совокупности человеческого образа жизни. Его нельзя упразднить, а можно только преобразить и очистить, превращая его в любовь к Богу и ближнему, через молитву, пост и послушание.

Трагедия современного католичества, в связи с вопросом о женатом священстве, заключается как раз в том, что целибат остается обязательным, тогда как вся вековая духовная дисциплина, дававшая ему весь его смысл, целиком отбрасывается. Ежедневное исполнение литургического круга («бревиарий»), ежедневное служение мессы, особая «священническая» духовность, изолирующая священника от мира, соблюдение постов, все это отброшено. Ежедневная жизнь священника ничем не отличается — ни в еде, ни в питье, ни в форме заработка, ни в молитвенной дисциплине — от жизни рядового мирянина. Пастырская ответственность все больше определяется как включение («engagement») в борьбу за социальные, политические и, вообще, «мирские» ценности. Все это делается из самых добрых чувств и намерений, но, очевидно, исключает традиционное католическое представление о священстве и связанные с ним духовные ценности.

Но в православии, целибат, практикуемый ради карьерных соображений — как ступень к епископству, — был и есть еще большая духовная опасность. Предание Церкви единодушно утверждает, что подлинное безбрачие и чистота достижимы только в рамках монастырского устава. Только отдельные, особо сильные личности способны осуществить монашеский идеал, живя в миру,

да и то при условии, что они обладают самой высшей и трудной из добродетелей — смирением.

Утверждая нормальность женатого священства, Православная Церковь всегда признавала монашество, как высочайшее свидетельство о силе Царства Божия в человеческой жизни. Вслед за ветхозаветными пророками и мучениками («матрирами» — «свидетелями») раннего Христианства, монашество всегда понималось как победа человека над злом, как освобождение его от рабства плоти, как высшее служение Богу. Являя образ светящейся, радостной, осмысленной жизни, служа Богу и людям, святые монахи были живыми свидетелями того, что Царство Божие действительно наступило. Именно им удавалось показать, что в Христианстве заключена тайна мира, не только лучшего, но поистине **нового**, радикально иного. Истинное монашество есть, может быть, как раз то служение, в котором — больше чем в чем-либо другом — нуждается современный мир. В русской церкви, монашество — если бы оно не было насильственно упразднено — несомненно переживало бы расцвет: об этом свидетельствуют многие попытки оживления монашества после революции, а также неофициальные, подпольные или полуподпольные общины, существующие и сейчас во многих частях России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Брак есть таинство. В каждом таинстве Церкви, определенные моменты жизни ставятся перед лицом Божиим и приобретают новый смысл: рождение, духовный рост, принятие церковного служения, лечение болезней. В таинствах крещения, миропомазания, рукоположения, елеосвящения, эти звенья человеческой жизни становятся реальностями Царства Божия: человек рождается вновь, растет в Духе, приобщается к вечной жизни, где нет болезни и страдания. Но таинство не есть магия: дар Святого Духа всегда обращен к **свободному** человеку, у которого остается возможность отвергнуть дар Божий и жить только «по плоти». Благодать таинства не упраздняет свободы, а открывает перед человеком двери духовного роста и преображения всей жизни.

Каждое отдельное «таинство» имеет смысл только в полноте жизни Тела Христова — Церкви. Крещение есть вхождение в Церковь; миропомазание есть включение личности в жизнь Св. Духа; священство есть ответственность за единство и созидание Тела Церкви; елеосвящение приобщает к жизни «Нового Адама», где

уже нет болезни и смерти. Но все эти отдельные таинства соединены в Евхаристии, т. е. в самой Тайне Церкви — в том Таинстве, в котором Церковь действительно становится Телом Христовым. Вне Тела и вне Церкви, нет Таинства.

Смысл брака, как таинства, содержится в этом же «евхаристическом» контексте. Юридическая, психологическая и общественная сторона брака имеют, во Христе, иной и высший смысл постольку, поскольку они связывают воедино двух членов Тела Христова. Вот почему, в древние времена и вплоть до XV века, церковный чин бракосочетания был неразрывно связан с таинством Тела и Крови Христовых: либо сам чин совершался в составе евхаристической литургии, либо, после венчания, новобрачные причащались Св. Даров. Конечно, причастие было возможно только в случае первого брака, и предполагало, что обе стороны понимали таинство как вечный неразрушимый союз.

Но святость брака, поскольку реальная человеческая жизнь проходит в условиях падшего мира, всегда требовала охранительных мер — в этом смысле канонической дисциплины и формальных правил. Эти правила, как мы видели выше, не рассматриваются Церковью как самоцели: они только указывают те внешние условия, при которых христианский идеал брака легче всего выразить и сохранить. Они также определяют те формы снисхождения к несовершенным формам брака (второй брак, смешанные браки, и т. д.), которые остаются допустимыми для мирян, но не для клириков.

Все это показывает, что Церковь, предлагая людям абсолютные евангельские нормы, стоит не за абстрактные утопии, а за истинную человечность. Христианская вера не есть только Истина о Боге; она есть также Истина о человеке: о падшем человеке, к которому Божественная любовь всегда снисходит и которого Церковь призвана спасать, и об истинном, прославленном человеке, образ которого был раз навсегда явлен в Лице Господа Иисуса Христа, и который есть норма и цель христианской жизни.

О ЕДИНСТВЕ ХРИСТИАН ВО ХРИСТЕ И В ЕВХАРИСТИИ

“В первый день недели (т. е. в День Господень) ученики были собраны для преломления хлеба”. (Де. XX.7).

Евхаристия есть мистический брак — Завет Христа с Церковью, брачный Пир Господа со своим народом: «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета» (Мт. XXVI, 28). «Тайна брака велика, — говорю я это в отношении Христа и Церкви» (Еф. V, 32).

Причастие Телу Христову — святым Дарам, не может быть без причастности Телу Христову — Церкви. Поэтому можно сказать, что причастие есть **таинство соборности**.

Все таинства, конечно, «церковны» (соборны), то есть основаны на благодати Божией, дарованной «всеобщему царственному священству всех христиан» (1 Петра II, 5-10), и Православие учит, что в этом общем священстве всех христиан специальный священнический дар Божий имеет лишь функциональное, а не онтологическое значение, что «священник» не над Народом Божиим, но из Народа Божия, что всякое священнодействие священника подразумевает его бытие в этой соборности, но священнодействие Евхаристии самым сильным и явным образом свидетельствует о связности Тела Христова — Церкви с Телом Христовым — причастием.

«Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело, ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор. X, 16-17).

«Как хлеб сей был рассеян по холмам и, будучи собран, стал единым, так да будет собрана Церковь Твоя от всех концов земли в Твое Царство» (Евхаристическая молитва из «Дидахэ»).

Христианское единство есть основа Тела Христова — Церкви (Еф. IV, 4,16; V, 2,30; 1 Кор. XII, 12,27...). И все Тело в опасности, когда члены его теряют связь друг с другом, замыкаются или игнорируют друг друга. «Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны».

Все члены должны заботиться друг о друге (1 Кор. XII, 21,25). Единство христиан есть основной дар Божий, основное качество и признак Церкви: «Отче Святыи, соблюди их во Имя Твое, которых Ты дал Мне, чтобы они были едино, как мы» (Ио. XVII, 11). Наша вера во Христа подразумевает нашу веру в единство церковное: «Верую... во **едину**... Церковь». Без веры в Церковь, без веры в ее единство (количественное и качественное), без веры в «Невесту Христову» (Ио. III, 29; Откр. XXI, 9; П.П. IV, 9) нет христианства, но есть религиозная абстракция, фантазия и фикция.

Однако, Единство Христовой Церкви, будучи данным, есть вместе с тем и нам заданное: «Славу, которую Ты даровал Мне, Я даровал им, **чтобы** они были едино, как Мы едино» (Ио. XVII, 22), то есть наше единство во Христе есть для нас и заповедь: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга, как Я возлюбил вас, и вы да любите друг друга. По этому узнают все, что вы — Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ио. XIII, 34-35).

О христианском единодушии и единомыслии, о сохранении единства духа в союзе мира, о единстве надежды и любви постоянно пишет ап. Павел (Рим. XV, 5-6; 2 Кор. XIII, 11; Еф. IV, 3,13; Фил. II, 2...).

О примерном для нас **единстве** первохристианской общины говорится в Деяниях Апостольских: «Все они были единокорны в постоянной молитве...» (Де. I, 14). «Все уверовавшие **были вместе** (в единстве) и все у них было общее... Каждый день единокорно пребывая в храме, и преломляя по домам хлеб, они принимали пищу в веселии и простоте сердца (Де. II, 46). Было же у множества уверовавших сердце и душа одна...» (Де. IV, 32).

Не Церковь принадлежит христианам, но христиане принадлежат Церкви. Людей в Свою Церковь избирает Христос (Ио. XV, 16). Он зовет людей на Свой Брачный Пир (Мт. XXII, 2-4; 8-10; Откр. III, 20) и делает их «христианами». Однако, человек свободен отказаться от призыва, свободен изолировать себя от единства церковного, и это будет губительно не только для него, но и для всего Тела: «Страдает ли один член, страдают с ним **все** члены, славится ли один член, с ним радуются все члены» (I Кор. XII, 26). Индивидуальная, нецерковная вера и жизнь и любовь к Богу, только к Богу, раскалывая двучленную, единую заповедь Божию на две части (Мт. XXII, 37-40), убивает этим и других и себя. Единство и любовь есть то новое, что с новой ясностью открыто в христианстве. Быть христианином это значит быть в единстве,

стремиться к единству всего во всем и всего в Боге (1 Кор. XIV, 28), ибо «все из Него, все Им и все к Нему» (Рим. XI, 36).

Спасение мира — то есть Брак Жениха с Его Церковью — совершается через кровную жертву Спасителя, через облечение Им Себя для брачной Вечери в обгавленную кровью одежду (Откр. XIX, 7,13).

Любовь требует взаимности (П.П. I, 6,14-15; II, 4,10,14,16; VI, 3; VII, 11). На жертвенную любовь Христову Церковь должна ответить тем же: в воспоминание («анамнезис») Его спасительных страданий Церковь несет сперва Его Крест (вместе с Симоном Кириинеянином: Мт. XXII, 32), а потом с Ним и сораспинается (Гал. II, 19), чтобы с Ним совоскреснуть (Кол. II, 12). Брачная одежда Невесты не может быть иной, чем одежда Жениха. Невеста угождает себя (Откр. XIX, 7), облачаясь в виссон чистый и светлый (праведный), но обгавленный кровью! Такова трагическая мистерия восстановления Единства (Еф. IV, 3,13).

Мы участвуем в спасительном деле Христовом, неся наши жизненные кресты (Фил. IV, 10), мы восполняем в истории спасительные скорби Христовы за Тело Его, то есть за Церковь (Кол. I, 24); мы сораспинаемся Христу в нашей жизни, в нашей активности, в нашем творчестве, в нашем апостольстве: «Если Меня гнали, и вас будут гнать» (Ио. XV, 20), «В мире будете иметь скорбь» (Ио. XVI, 33), «Пить Мою чашу будете» (Мт. XX, 23).

Чаша есть, конечно, жизненная судьба, участь человека. «Испить чашу» — есть образное выражение, аллегория того, что судьба учеников Христовых в мире есть судьба крестная, как и судьба их Учителя (Мт. X, 24). Но только ли в образном, аллегорическом смысле можно понимать слова Христа о Нем — о Хлебе, шедшем с небес, — вкушая который христиане пребывают в Нем? Только ли исполняя Его заповеди и живя согласно Евангелию, христиане пребывают в Нем, только ли в аллегорическом смысле можно понимать слова Спасителя, сказанные Им в Сионской Горнице: «Приимите, ядите; сие есть Тело Мое!..», «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя...»?

Тут — предел человеческому рационализму и эллинскому «здравому смыслу»!.. Смерть Бога на Кресте и наше приобщение к ней, в полном смысле этого слова (то есть вкушение Его Плоти «σάρξ» и Крови, всегда будут «безумием» для рационализирующего сознания (1 Кор. I, 23); и не только многие из учеников

Христа при Его жизни отошли от Него (Ио. VI, 60-66), но и в наше время для многих слова Христа «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Я в нем» (Ио. VI, 56) покажутся странными и, может быть, многие отойдут от Него. «И Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?!» (Лк. XVIII, 8).

Но с самого начала своего основания, после Пятидесятницы, Церковь Христова в воспоминание искупительной жертвы Спасителя и помня Его глаголы вечной жизни, собиралась воедино, имела все общее, и это единство освящалось, питалось и укреплялось за Трапезой Господней, за «преломлением Хлеба». С первых дней христианства быть в Церкви означало участвовать в ее евхаристическом собрании. Причем, «преломление хлеба» не было только лишь «преломлением», но и вкушением его, конечно.

Невозможно себе представить, чтобы кто-нибудь из апостолов на Тайной Вечере, посмотрев на преломленный и на протягиваемый ему Христом хлеб, не съел бы его, а причастился бы ему лишь «духовно» — так, как это позволяют себе делать в наше время многие молящиеся за литургией.

На Тайной Вечере Христос преподал евхаристическое Тело **всем** апостолам, а не кому-либо одному, и **ели** хлеб **все** апостолы (вся Церковь), может быть, лишь кроме Иуды*).

Об евхаристическом вкушении апостол Павел говорит: «Каждый раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, вы смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор. XI, 26). В Учении Двенадцати Апостолов говорится, что только не крещенные не пили и не ели за Евхаристией (Гл. IX § 5). О том, что **все** члены христианской общины принимали участие в причащении Тела и Крови Христовых, говорят Юстин Мученик, Игнатий Богоносец, Ириней Лионский, Тертуллиан, Киприан... Общее причастие было нормой в древней Церкви. Евхаристический догмат и литургическая практика находятся в теснейшей связи и не отделимы от православной экклезиологии, от учения о Церкви как единстве христиан.

Причащение за Трапезой Господней никогда раньше не понимали в Церкви только лишь в смысле морального приближения к Богу, но и в смысле реального обожения нашей природы через

*) и то это не ясно из евангельских повествований, ибо кусок хлеба, который получил Иуда от Христа, — о чем говорит евангелист Иоанн (Ио. XIII, 26) — может быть, был евхаристическим!

вкушение воскресшего, божественного Тела Христа в Евхаристии. «Лекарством бессмертия» Отцами Церкви называлось не воспоминание о страстях Христовых и о Его воскресении, не «духовное причащение», но именно вкушение вещественных евхаристических Хлеба и Вина.

На основании **вещностного** литургического богословия христианские апологеты выводили против докетов и монофизитов догмат о реальности Боговоплощения. В христианском мире долго не забывалось, и не должно забываться, что в «воспоминание» Трапезы Господней о ней нужно не размышлять ментально, а ее **творить**: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк. XXII, 19).

Учители первых веков христианства, говоря о «причащении», вовсе не имели в виду более или менее частое причащение, но **причащение постоянное, ежелитургийное**.

Даже когда «агапы» первого времени отделились от евхаристий, то эти последние не перестали все же быть «Трапезой Господней», то есть не перестали быть **вкушением** Тела и Крови Христовых, и не превратились только лишь в «мистический спектакль», в «духовное созерцание» и в «духовное причащение»!

В христианском мире были споры о том, как и в каком смысле понимать слово «Тело». Были разговоры о субстанциях и акциденциях, «pro pane» или «cum pane», разговоры о соотношении того тела, которым называл Спаситель преподаваемый Им хлеб, с телом Его руки..., были разные мнения о том, как часто устраивались евхаристические собрания — раз в неделю или реже*)... но никто не сомневался в том, что когда эти собрания совершались, то каждый раз христиане ели хлеб и пили из чаши, чтобы стать единою плотью со Христом по человечеству, чтобы быть усыновленными Богу.

Даже у протестантов, которые иногда толкуют «Тело Христово» очень «спиритуально», все же, когда устраивается вечеря, верующие вкушают хлеба и пьют вино, то есть именно **творят** трапезу в воспоминание Господа.

Нужно сказать, что непригодная для нас протестантская прак-

*) ибо слова ап. Павла «каждый раз», когда все вы едите хлеб (1 Кор. XI, 18,26) оставляют возможность предположить, что евхаристические собрания были, быть может, и не каждое воскресенье.

тика **выделения** евхаристии из обычного воскресного богослужения (литургии) ближе православному отношению к таинству Тела и Крови, чем католическая практика поклонения Святым Дарам, адорация, ибо Святым Дарам нужно не поклоняться, а их вкушать. И на православной еженедельной литургии недостаточно делать перед Святыми Дарами земные поклоны — им нужно причащаться.

Православному отношению к таинству причащения как ко **вкушению** Тела и Крови Христовых, а не только лишь как созерцанию и к слушанию, противоречит и мода, заведенная в наше время католиками, «передавать» евхаристию по радио или телевидению! Передавать по радио богослужение (чтение Слова Божия, молитвы и проповедь) — это не плохо, но «передавать» по телевизии евхаристию нелепо, ибо участие в этом таинстве предполагает вкушение, а не только созерцание или слушание.

Существует неразрывная связь между евхаристическим богословием и экклезиологией. Причащаться Телу Христову, как мы уже сказали, можно только будучи в Церкви. Нельзя не только причащаться сепаратно «индивидуально», но нельзя совершать евхаристии индивидуально. Нельзя Трапезу Господню совершать «pro domo sua». Общее совершение Евхаристии и общее в ней участие было нормой не только для Церкви первых четырех веков, но и на все времена.

(Продолжение следует)

ВОПРОСЫ ЦЕРКВИ

ПЕРВЫЙ ВСЕНАРОДНЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В АМЕРИКЕ

ДОКЛАД

Его Блаженства, Блаженнейшего Ириней, Архиепископа Нью-Йоркского, Митрополита всея Америки и Канады, на 1-ом Всеамериканском Соборе Православной Церкви в Америке, 20—22 октября 1970 г. в Свято-Тихоновском Монастыре, Саут Канаан, Па.

Ваши Высокопреосвященства,

Ваши Преосвященства,

Дорогие отцы и братья, соратники на ниве Христовой!

“Воспою Господеви, благодеявшему мне, и пою имени Господа вышнего”. С этих слов Псалмопевца уместно мне начать мой доклад на этом самом знаменательном из всех Соборов нашей Церкви в Америке. Действительно, никогда, кажется, не переживали мы так ощутимо, что Сам Дух Святой ведет и наставляет Церковь, что Господь Иисус Христос — а не мы грешные и недостойные — созидает ее и что милость и благодать Божия не оскудевают в ней.

Я начну с главного события, которым отмечено истекшее с последнего нашего Собора трехлетие — с провозглашения автокефалии Православной Церкви в Америке. На Всеамериканском Соборе 1967 года всем стало ясно, что наша Церковь подошла к последним срокам и решениям и что дальнейший рост ее настоятельно требует окончательного прояснения, как канонических основ ее, так и общего нашего церковного самосознания. В замечательном, всем памятном, “пробном голосовании” по вопросу о наименовании нашей Церкви, направление было ясно указано. Наша Церковь — таков был смысл этого голосования — поистине осознала себя возросшей в поместную, постоянную Американскую Церковь, связанной навсегда с этой землей и этим народом, готовой к принятию на себя полноты церковной ответственности.

Факт этот, явивший соборную зрелость нашей Церкви, побудил нас, Епископов, искать путей воплощения ее в канонических формах, согласных как со вселенским церковным преданием, так и с нуждами и особенностями нашей жизни в Америке. Всем известно, что на этом пути, на протяжении почти 50-ти лет стояло одно большое и болезненное препятствие: наш невольный, вынужденный разрыв с нашей Матерью Русской Церковью, разрыв годами отравлявший церковную жизнь враждой, судебными тяжбами, взаимными обвинениями и мешавший выполнению Православию в Америке своего подлинного — духовного и миссионерского — призвания. Страшно и горько вспоминать, сколько энергии, сколько сил, сколько денег ушло на эти греховные и вредные раздоры!

Я повторяю — разрыв этот был вынужденным трагическими событиями, выпавшими на долю многострадальной и мученической Русской Церкви. Но на неисповедимых путях Божиих, где “сила Христова в немощи совершается”, был этот разрыв, несмотря на весь свой трагизм, возможно и полезным. Ибо он научил нас, почти помимо нашей воли, трудному дару свободы и соборной, общей за Церковь ответственности, научил нас носить тяготы друг друга и, лишив непосредственной опеки и материальной помощи Матери-Церкви, научил жертвенному и активному участию всех в церковной жизни. Когда мы видим, до какой степени скованы иные церковные образования в Америке своей полной зависимостью от далеких заморских центров, мы можем только благодарить Бога за те испытания, которыми Он вразумлял и воспитывал нас. И я думаю, что именно сегодня, в самом начале нашего Собора, мы должны “едиными усты и единым сердцем” воздать долг церковной памяти и благодарности тем Иерархам, пастырям и мирянам, которые в самый трудный период нашей истории провели корабль Церкви невредимым по бушующему морю. Вечная им память!

Поистине, неисповедимы пути Божии! Ибо в тот самый момент, когда соборное сознание нашей Церкви ощутило необходимость решительного шага для завершения канонической ясности и церковной свободы, мы встретили понимание и со стороны возглавителей Русской Церкви. Для меня, как и для всех нас, я уверен, главным доказательством того, что совершившееся — дело Духа Святого, является эта, сразу и с обеих сторон высказанная готовность говорить не о прошлом, а о настоящем и будущем, покрыть любовью это прошлое, искать не победы той или иной стороны, а только пользы Церкви и, по слову ап. Павла, “забывая задняя, простираться в предняя” (Филип. 3,13). В печальной церковной действительности, столь отравленной недоверием, подозрительностью, расчетом, что многие как будто уже перестали верить во всепобеждающую силу Духа Святого и любви Христовой, дано нам было свидетельство того, что “невозможное человекам, возможно Богу”.

Именно, в таком духе начаты были в январе 1969 года переговоры с Русской Церковью, завершившиеся подписанием уже известного вам соглашения 31 марта 1970 г. Здесь нет нужды излагать подробно историю этих, подчас трудных, переговоров. Но одно я должен сказать. Ввиду того, что есть люди, готовые распространить любую клевету и ложь, дабы посеять рознь и недоверие, я хочу перед Богом и перед освященным Собором всей нашей Церкви своей архипастырской, первосвященительской совестью засвидетельствовать, что ни разу, во время этих переговоров, ни с той ни с другой стороны не было сказано ни одного нецерковного слова, сделано предложение или предъявлено требование хоть сколько-нибудь ограничивающих нашу свободу и совесть, несовместимых с нашим положением и нашей жизнью в Америке. На праведный и нелицеприятный суд Божий мы отдаем тех, кто плененные человеческими и политическими страстями, ослепленные злобой, находят возможным хулить дело Божие. Хочу засвидетельствовать еще и о том, что с самого начала и до конца переговоры эти велись по поручению и под постоянным и непосредственным контролем всего Собора Епископов, на котором лежит, в согласии с учением Церкви, вся ответственность за канонический строй Церкви. То, что свершилось — “угодно Духу Свя-

тому и нам" (Деян. 15,28). Я рад пред лицом всего Собора выразить тем, кто, исполняя наше предначертание, вел эти переговоры, нашу глубокую благодарность за их нерушимую верность Церкви, безоговорочное послушание Иерархии, терпение, мудрость и широту.

Итак, 10 апреля 1970 года, в навечерие дня, когда воспевают вся Православная Церковь песнь радостной хвалы Пресвятой Богородице, накануне смерти и пред лицом вечности, готовясь предстать на суд Божий, подписал Первосвятитель Русской Церкви Святейший Патриарх Алексий акт, который, знаем и верим, останется в памяти церковной как акт, начинающий новую главу в трудной скорбями, искушениями и соблазнами, но и чудесами благодати Божией исполненной, истории Церкви, в земном ее странствовании к невечернему дню Царствия Божия.

Ибо это акт освобождающий и созидающий, акт веры и доверия, свидетельство о том, что Церковь Божия "николиже стареет, но вечно юнеет" и что на старом ее древе возможны побеги новой жизни. Это акт, благословляющий молодое Американское Православие, призывающий его возрастать в полную меру отпущенной ему благодати, принести и свой плод во единую сокровищницу Вселенского Православия. Пройдут, по всей вероятности, года, прежде чем будет до конца понято и оценено все значение этого акта, пройдут года, прежде чем улягутся поднятые им волны маленьких человеческих страстей и непониманий. Но уже и сейчас мы, свидетели этого акта, можем очами веры, надежды и любви, прозреть величие и радость единой Святой Православной Церкви в Америке, наследницы всех даров, всех богатств, всех преданий Вселенского Православия, славящей Бога едиными устами и единым сердцем в этой великой и свободной стране. Сие буди! Буди!

Завершено то дело, которое начато было 175 лет тому назад группой валаамских иноков на далекой Аляске. И как бы в доказательство этого дана нам была истекшим летом великая радость прославления первого Американского святого, преподобного и богоносного отца нашего Германа Аляскинского и всея Америки чудотворца. Там, у его раки, в незабываемые дни его канонизации, дано нам было заранее вкусить той радости, приобщиться тому свету, почувствовать ту силу единства в Духе Святом, к возрастанию в которых призвана Святая Православная Церковь в Америке. Преподобне отче Германе, моли Бога о нас! Помози нам в служении той Церкви, которой духовным украшением и радостью Ты являешься!

*
**

С благодарностью принимая дар милости Божией, ниспосланный нам, мы отлично сознаем, однако, что вместе с ним возлагается на нас и новая ответственность за судьбы Православия в Америке. Одна из главных задач нашего Собора в том и состоит, чтобы ответственность эту осознать, а также разъяснить ее нашим братьям по вере.

Не будем скрывать от себя: провозглашение автокефалии Православной Церкви в Америке вызвало не только радость, но и сомнения, вопрошания и нарекания. Увы, православные так привыкли жить в своих этнических обособленных мирах, относиться друг к другу с недоверием,

что буря, вызванная автокефалией, не удивительна. Она требует от нас терпения, любви, искренности и правдивости. Если некоторые нарекания столь недостойны и недобросовестны, что опровергать их бессмысленно, то на другие мы обещали дать посильный ответ.

Больше всего огорчает нас, естественно, отрицательная позиция, занятая в вопросе об автокефалии Святейшим Патриархом Константинопольским Афинагором. Огорчает, во-первых, потому, что, вкупе со всей Православной Церковью, мы чтим во Вселенском Престоле средоточие единства и любви Православной Церкви. Огорчает, во-вторых, потому, что именно от него, более чем от многих других, мы вправе были ждать понимание церковного положения в Америке и нарочитой заботы о нем. Между тем, мы с грустью видим, что в посланиях его по поводу автокефалии, много и пространно говорится о правах и привилегиях Церквей и почти ничего о духовной судьбе и церковной драме сотен тысяч православных американцев.

Святейший Патриарх Афинагор, конечно, знает, что юрисдикционный и, поистине, анти-канонический хаос в Новом Свете возник и порожден не автокефалией, а длительным нежеланием или неспособностью многих заморских церквей признать ФАКТ Американского Православия, увидеть в нем нечто большее, чем хаотическую сеть этнических церковных "колоний". Знает Патриарх Афинагор и о длительных и повторных усилиях именно нашей Церкви поднять вопрос о Православии в Америке во вселенском масштабе. Дабы не быть голословным, я позволю себе привести здесь некоторые факты.

Первый факт: почти сразу же после моего избрания Митрополитом в 1965 году, я обратился к Главам всех Православных Церквей с длинным посланием, в котором убедительно молил их соборно озаботиться каноническим порядком в Америке. Я также просил Патриарха Афинагора лично принять меня для братского обсуждения этих вопросов. Патриарх Афинагор не только мне не ответил тогда, но и отклонил мой визит ссылкой на необходимость для нас предварительно урегулировать наши отношения с Московской Патриархией.

Второй факт: несколько лет тому назад особой комиссией при Постоянном Совещании Православных Канонических Епископов в Америке было выдвинуто предложение о создании в Америке временного обще-православного Синода под омофором Вселенского Престола. Предложение это не было принято ни одной автокефальной Церковью, имеющей здесь свою епархию, что означает, очевидно, что они не видели никаких причин заменить свою юрисдикцию в Америке юрисдикцией Вселенского Патриарха и не признавали за ним никаких особых прав на ее территории. Уже тогда стало ясно, что выбор, стоящий перед Православием в Америке есть выбор между полной канонической независимостью, т. е. автокефалией и сохранением печального статус кво, т. е. наличием здесь множества национальных, никак одна с другой не связанных, "юрисдикций".

Почему же теперь, когда Русская Церковь, бесспорно старейшая по своей юрисдикции в Америке, включавшая всегда и теперь включающая в своей американской ветви православных не только русского происхождения, в согласии со всем духом и буквой церковного предания, признает церковную зрелость этой самой своей ветви и дарует ей свободу и воз-

возможность самой устраивать свою жизнь, когда сделан хотя бы первый шаг по преодолению того "филетизма", т. е. подчинения Церкви национализму, филетизма, который сравнительно недавно был так торжественно осужден самим Вселенским Престолом — все это осуждается и провозглашается неканоническим.

Если этот акт осуждается, как, якобы, "односторонний", то почему же не осудил Вселенский Престол действительно "одностороннее" создание в Америке разными Православными Церквами своих епархий, миссий и митрополий? Если, как это показывает вся политика Вселенского Престола в отношении Америки, он признает здесь за всеми право поступать по своему произволению, то почему это право отрицается за Церковью, насадившей Святое Православие здесь и несомненно старейшей по своей юрисдикции и каноническим правам? И, наконец, что больше нарушает единство Церкви: множественность самостоятельных этнических юрисдикций или же применения, наконец, и к Америке того ПОМЕСТНОГО ПРИНЦИПА, который всегда и всюду определял собой устройство Православной Церкви?

Подлинно канонично то, что служит осуществлению ею своего вечного и неизменного назначения — свидетельствовать о Христе и новой в Нем жизни перед лицом мира.

Автокефалия нашей Церкви канонична, потому что она этому исконному, вселенскому учению о Церкви соответствует. Она утверждает и осуществляет наличие в Америке поместной Православной Церкви — основанной не на земном, временном и преходящем, а на Христе и единстве в Нем.

Автокефалия нашей Церкви канонична, потому что она законно получена от Церкви, насадившей Православие в Америке и являющейся для Америки Церковью-Матерью.

Автокефалия нашей Церкви канонична, потому что вера ее есть вера Вселенской Церкви, строй ее — строй Вселенской Церкви, преемство священноначалия в ней — апостольское преемство Вселенской Церкви, предание ее — предание Вселенской Церкви.

Каноничность не зависит от признания или не признания, ибо не само признание делает каноническое каноническим, а соответствие его каноническому преданию Церкви. Не признают нашей каноничности лишь те, кто по причинам уже не церковным, а земным, преходящим и человеческим, не хотят единства Православия в Америке, не верят в него и тем самым поистине, нарушают Вселенское предание Церкви. Мы же можем терпеливо ждать прояснения церковного сознания и осуществления в Америке вечной правды Церкви.

Автокефальную Православную Церковь в Америке мы исповедуем неизменной основой церковного единства на этом континенте. Мы готовы со всеми, этого единства чающими, подробно и полюбовно обсудить, как наилучшим образом устроить нашу общую жизнь. Жизнь эта — я повторяю еще и еще — не может быть основана на владычестве какой бы то ни было группы над другими. Мы готовы заново обсудить наши Уставы, дабы внутри единой Церкви все могли чувствовать себя дома. В нашем единстве должно быть место всему подлинному, вечному, благому во всех преданиях единого Православия. Пусть будет наша

Церковь наследницей всех православных богатств, накопленных родными народами.

После моего доклада Владыка Архиепископ Валериан, председатель нашего Канонического Департамента, поделится с вами практическими мерами и шагами. Автокефалия наша не для нас одних, а для всех. Всем дан Богом этот дар, все призваны воспользоваться им. На этот радостный путь единства мы с любовью зовем всех наших братьев по вере!

Но, конечно, успех нашего призыва зависит от каждого из нас — от каждого прихода, каждого священника, каждого мирянина! От нас зависит показать не на словах только, но и на деле, нашу зрелость, любовь и понимание. Мы должны расширить наше сердце, изгнать из него всякую узость, провинциализм и нетерпимость.

Вступим с молитвой на этот путь созидательного исполнения Церкви.

ОТВЕТ ПРОТ. А. КИСЕЛЕВУ*)

Дорогой отец Александр,

Ваши возражения на мою передовицу о даровании Патриархом Алексеем автокефалии быв. русской американской митрополии мне отчасти понятны. Но мне кажется, что Вы в своих заключениях несколько поспешили. Нравственная оценка в церковной жизни имеет первостепенную важность. Но нравственная оценка прежде всего касается не личностей (одному Богу известно что творится в душах), а действий. Судить нужно дела, а не недостойных — всегда недостойных (!) — посредников этих дел. Более конкретно: подчинение за границей любой церковной единицы Московскому Патриархату — акт предосудительный, так как всем очевидно, что Московский Патриархат не свободен и эта несвобода неизбежно распространяется на подчиненных. Получить независимость, т. е. свободу от Московского Патриархата не предосудительно, ибо этот акт не ставит новую церковь в подчиненное положение несвободному центру. Можно возразить, что некоторая нравственно-предосудительная связь таким образом устанавливается между свободной церковью и несвободной. Чтобы разоблачиться в этом вопросе, нужно тщательно взвесить нравственную оценку

*) Письмо в Редакцию прот. А. Киселева см. в "Вестнике РСХД, № 97, стр. 165-167.

акта, предполагающего эту связь, а также нравственно-каноническую оценку несвободной Церкви, т. е. Московского Патриархата. О первом: объединение в одну поместную церковь разрозненных православных юрисдикций нам представляется актом канонически оправданным, соответствующим велениям Евангелия и вековой христианской практике, более кратко — соответствующим закону единства и любви.

Это не значит, что все, объединенные в единую поместную церковь, должны отказаться от своей своеобразности как от своего призвания. Служение и призвание различны в зависимости от того положения, в которое Бог поставил людей. У одних призвание способствовать укреплению поместной церкви, у других помогать матери-церкви находящейся на далеком расстоянии. Мы — христиане не потому, что мы русские, или дети (а теперь большей частью внуки и правнуки) русских (или тоже греческих) родителей. Мы — христиане — потому что поверили в Благую Весть воплощения, крестной смерти и воскресения Христа. Наша христианская активность может быть направлена в различные стороны и области, но единственным ее двигателем должна быть верность Евангелию.

Второе — Вы пишете, что Московский Патриархат — ничто. При самом критическом отношении к подневольной Церкви, мы не имеем права утверждать, что Московский Патриархат — ничто. Хотим мы этого или не хотим — он сейчас возглавляет многомиллионную русскую Церковь, и не признавать его реальности, т. е. сакраментальную *validitas* мы не можем. Эта *validitas* внутри России неизбежно распространяется и на внешнюю деятельность Московской Патриархии, хотя тут несвобода Моск. Патриархии еще ощутительнее. Моск. Патриархия даровала автокефалию Польской и Чешской Церквам, и эти акты, не имеющие в себе ничего предосудительного, были признаны вселенской Церковью.

Вы упоминаете авторитет Ключевского и о. А. Мечева. Ключевский верил в Благую Весть, но быть может в силу этой веры, чрезвычайно критически, несколько по-интеллигентски, относился к Церкви-институту.

Отец Алексей Мечев недолюбливал всякую непреклонность, всякое блюение чистоты своих риз. Он был верен патриарху Тихону, но остерегался осуждать слишком строго даже живоцерковников. Мне кажется, что одобрение «американской автокефалии» скорее вытекает из духа Мечевских писаний, чем противоречит ему.

Прибавлю еще, что церковные круги в России, даже те, что очень критически относятся к Патриархату, не считают принятие американской автокефалии из рук Москвы нравственно-порочным актом.

Американской же церкви предстоит доказать словами и делами, что она не отступила ни на йоту от той внутренней свободы, которой она всегда обладала.

Никита Струве.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА О. АЛЕКСАНДРА КИСЕЛЕВА

Мы не намереваемся здесь возвращаться к вопросу об Американской автокефалии и обстоятельствах, при которых она была провозглашена. Но хотелось бы остановиться на двух исходных пунктах, на которых о. Александр Киселев строит свое безоговорочное осуждение этого церковного события.

Во-первых, автор письма утверждает, что «все наше отношение к вопросу Американской автокефалии должно измеряться прежде всего моральной оценкой», иначе говоря, «моральной оценкой» и только ею должна измеряться вся история Церкви и все экклезиологические события в будущем. Трудно с этим согласиться. Прежде всего, кто из нас имеет право применять моральный критерий к другим? На наш взгляд, мы о нем должны вспоминать, главным образом, если не исключительно, для оценки своих собственных поступков. Если внимательно вчитаться в историю Церкви, то можно найти немало примеров, противоречащих моральному цензу, однако, никто из нас не дерзнет из-за этого вычеркивать целые главы из истории Византийской или Русской Церкви. Аморальные поступки Петра Великого и покорных ему епископов не лишили святости Русскую Церковь Синодального периода. Распушенность нравов в Византии не лишила Вселенские соборы благодатной помощи Святого Духа. Неужели вера всего церковного народа не искупает возможное недостойнство того или иного иерарха? Неужели вера эта лишена всякого содействия свыше? Отвечать на эти вопросы положительно очень опасно, ибо подобная точка зрения может привести к сектантству, главная черта которого заключается в том, чтобы видеть зло только объективно, вне себя самого. Конечно, трудное положение, в котором находится Русская Церковь, должно вызывать у нас большую осторожность (об этом уже писал Н. А. Струве в передовице, на которую отвечает О. А.

Киселев), но осуждать и еще более отвергать все ее действия остается выше возможностей нашего человеческого, греховного, разума.

Второй вопрос, на котором мы кратко остановимся, связан с утверждением, что принадлежность к православной Церкви и к национально-социологической группе, каковой является русская эмиграция, неразрывны. Мы совершенно согласны, что православные церковные единицы, порожденные русской эмиграцией, должны во всю меру своих сил хранить связь с традициями русского богословия, русского благочестия и русского литургического опыта. Но, как доказывают многочисленные факты, наблюдаемые в США и в Европе, полное отождествление религиозного начала с национальным ведет к вымиранию Православия вместе с последними представителями первого или второго поколения эмиграции. Можно также добавить, что Западный мир больше, чем когда-либо, нуждается в нашем свидетельстве, но последнее должно быть ему доступным, а для этого, православие должно расширить свои культурные границы, найти с Западным миром общий язык, одним словом, в него вступить полноправно, не теряя при том своих важнейших специфических черт.

Опять нужна большая осторожность, постоянная разборчивость в поступках, но от этой ответственности отклоняться нельзя, мы не имеем права ограничивать нашим человеческим умом то, к чему нас приводит Промысел Божий. Чтобы его осмыслить, нужны не критики, не стремление к какому-либо консерватизму, а смирение, покаяние, молитва; только они помогут нам разобраться в той сложной исторической обстановке, в которой мы находимся и одолеть все те преграды, которые мы своими грехами, своей гордостью создаем действию Духа Святого, "Духа не угашайте, пророчества не унижайте, все испытывайте, хорошего держитесь, удерживайтесь от всякого рода зла", пишет апостол Павел (I Фес. V, 19-22).

В. Водов.

К. Е. АНДРОНИКОВ

О ЦЕРКОВНОМ УСТРОЙСТВЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Православная Церковь, как целое, переживает величайшее и плодотворное событие в ее многострадальной, но и Христом и Духом окрещенной, истории: рождение, не только фактическое, но и каноническое, новой, мощной, свободной, автокефальной Церкви: Американской. Увы! не все и не сразу примут это благодатное явление. История христианства пестрит печальными примерами раздоров и расколов при определении автокефалий. Часто потребовались десятки лет, чтобы местная смута была умиротворена католическим сознанием Церкви. Достаточно вспомнить междоусобицы и даже схизмы, вызванные независимым существованием, например, Кипрской, Сербской, Грузинской, Болгарской Церквей, Константинопольский Престол 17 лет не признавал независимости самой Греческой Церкви, а с Русской автокефалией он примирился только под непосредственным насилием, позднее — более чем через век.

Нам же здесь, в Западной Европе, не достаточно только радостно молиться за благосостояние Американской Церкви. Нам нужно и вдохновиться примером, чтобы сыскать обновленные силы, "благодатное дерзновение" и выйти из нашего застоя на твердую почву **церковного**, а не "юрисдикционного" устройства, вернее, беспорядка.

Соборы, Отцы Церкви и церковная практика указывают как организовать Церковь в данном, любом, месте: "Где епископ, там Церковь; и где Церковь, там епископ"; один пастырь, одна паства по местам (место определяется как территориальная единица, обычно государство). А у нас, скажем во Франции: три архиерейских кафедры, около десятка "независимых" юрисдикций, между собой нередко враждующих. Русский чужд всем, кто не русский; грек мало кого признает, кроме грека; болгарин — иностранец румыну или сербу; а местные граждане, французы, ютятся "под" русскими или греками. Хуже того: те из них, которые "у" русских находят духовное окормление, принуждены еще, иногда мучительно и чаще всего недоуменно, выбирать таких, а не сяких русских: ведь их целых три противостоящих организации. Между тем, по чисто биологическому закону, русские беженцы вымирают. Когда же их (скоро) совсем не станет, куда деться православным, живущим здесь, в своей собственной стране? А от живых, ныне и в будущем, — не от мертвых и вымирающих, — зависит цветение Церкви здесь, на месте, или ее увядание. По какой же причине им быть на веки вечные под церковными властями, — которые сами подчинены Патриархатам и Синодам, находящимися на несколько тысяч километров от родной земли этих верующих?

Некоторые иерархи говорят, что причина эта — каноны. Однако, любопытно, что, ссылаясь на "каноны", никто из них не дает ссылки и не указывает их текста. Какие же эти "каноны", которые определяют организационную жизнь Церкви в рассеянии? Таких канонов просто-напросто нету. И потому, вся аргументация, которой пытаются оправдать

сопоставленные в одном и том же месте "юрисдикции" и разнородные экзархаты, вообще лишена всякого церковного основания.

Из заколдованного "юрисдикционного" круга крупная часть американцев теперь законно освободилась рождением местной автокефалии. А здесь в Европе? Не так давно, по тому же правильному пути созидания свободной поместной Церкви пошел один из здешних уделов: бывший русский экзархат Константинопольского Патриарха. Вспомним его судьбу: образованная здесь русской эмиграцией после революции, эта Церковь сперва автономно руководилась по указу Патриарха Тихона о размежеванных епархиях, пока заместитель местоблюстителя Московского Престола не вынужден был потребовать от нее политической верности советской власти (конец 20-х годов). Церковный народ, естественно, на такую дикость не пошел. Так как эта Церковь еще не признавала своей поместности, она сыскала убежище у Патриарха Вселенского, который образовал временный экзархат русских церквей во Франции и Западной Европе. **На каком каноническом основании?** На основании благочестивой, но вовсе не обязательной теории, по которой Константинопольский Патриарх, нося титул Вселенского, имеет право опекать православных, по той или иной причине не находящихся на территории, где существовала бы местная Церковь или миссия. Эта каноническая теория была главным образом разработана богословами Парижской Свято-Сергиевской Академии, так как она на достаточное время могла мирно разрешить растущий вопрос православного рассеяния, пока не создались бы поместные Церкви. Такое удобное устройство было, увы, разрушено, не кем иным как самим Патриархом Вселенским в 1965 году. Простой грамотой он упразднил свой экзархат, посоветовав ему "обратиться к Москве". Этим односторонним актом Константинопольский Престол официально отказался от своей вселенскости. Дело было в том, что он давно испытывал давление со стороны Московского Престола, которого, ясно, не устраивало, что самая крупная "русская юрисдикция" в Западной Европе, с соборами и духовной Академией, находилась вне его власти. А Вселенский Патриарх желал благожелательного отношения Москвы к своим грандиозным попыткам сближения с католиками и созыва все-православного Собора.

Для упраздненного экзархата этот акт оказался провиденциальным. Эта Церковь, всегда пользовавшаяся автономией, получила как бы официально дар свободы, возможность осознать свое поместное значение и действительно стать независимой. Она немедленно провозгласила себя местной Архиепископией и возвала, ко всей Православной Церкви, с тем, чтобы последняя, наконец, рассмотрела и разрешила столь назревшую задачу православного рассеяния. Тут же, соблюдая канонический порядок, Архиепископия избрала себе главой архиепископа бывшего экзархата (иначе, этот архиерей оставался как бы в воздухе, без паствы), и составила необходимые церковные органы для продолжения своей свободной и соборной жизни.

После полвека смут, должно было ожидать от церковного сознания большой радости из-за того, что все разливы юрисдикционного хаоса могли теперь постепенно слиться в широкое и тихое русло единой поместной Церкви. Не тут-то было! Известно, что никакого благодатного сдвига в сторону единения или даже сближения не произошло

вокруг Архиепископии, а ее саму разбил паралич. Уже больше двух лет как ее органы, необходимые для ее законной жизни, не созываются епископом. Соборная работа и церковная гласность заменены каким-то потаенным личным шепотом, о котором ходят прискорбные толки: свобода, мол, и нормальное церковное устройство не под силу архипастырям; им хочется опять укрыться под Константинопольским Престолом. Да сам же Константинополь отделил от себя свой бывший экзархат? А вот, говорят, тогда он нас отпустил "в угоду" Москве; выгоды, видимо, не получилось, так он теперь готов нас обратно себе подчинить "в пику" Москве.

Ясно, что при такой, якобы, постановке вопроса православного рассеяния вообще и архиепископии, в частности, совестно было бы ссылаться на церковные соображения и каноническую правду. Да и чисто человечески, с моральной точки зрения, подобная сделка была бы просто недостойной. Однако, она может оказаться не реальной и из-за других обстоятельств, хотя бы предположительных, которые не следует упускать из вида. Во-первых, нужно предвидеть, что не весь клир и не вся паства Архиепископии находятся в столь упадочном состоянии духа, чтобы согласиться на такое перестроение; а те, кто на него пойдут, далеко не будут испытывать радостного чувства исполнения правды на благо Церкви. Их согласие будет скорей вынуждено отчаянием перед своим бессилием и косностью иерархии. Таким образом, сама Архиепископия может расколоться физически и морально. Во-вторых, возврат "под" Вселенского Патриарха доказал бы, что упразднение им же своего экзархата пять лет назад соответствовало не долгосрочной церковной "икономии", а временной "тактике"; тем самым, Патриарх выявил бы несостоятельность своей тогдашней аргументации и значительно понизил бы свой духовный авторитет. Наконец, возврат "под" Вселенского Патриарха предполагает достаточно длительное существование самого Вселенского Престола в Константинополе, а он, как известно, стоит под угрозой.

Как же нам поступить по церковной совести и по церковному сознанию? А почему не вдохновиться благим прецедентом провозглашения Автокефальной Американской Церкви? К несчастью, наше положение здесь во многом отличается от последней: канонически, никакая установленная Церковь не имеет никаких "прав" в Западной Европе, тогда как Русская Церковь имела свою юрисдикцию в Америке с конца XVIII века, которая была и единственной до 20-х годов XX века. Между прочим, никакая Церковь на такие права никогда и не претендовала, а спор между "юрисдикциями" — не о том, чтобы объединить всех под одну, а о том, какая из них законнее другой внутри данной этнической группы, чаще всего по политическим соображениям. На уровне же экзархатов, дело еще проще: ни Московский ни Константинопольский не оспаривают пока каноничности одноместного своего сосуществования. А попытки провести в жизнь теорию о некоем примате Вселенского Престола, как было упомянуто выше, провалились. Одно из последствий нашего своеобразного положения, это что ни одна Церковь не имеет канонического полноправия нас объявить автономными или автокефальными, в случае если она того бы желала. А Русская Церковь тем менее имела бы такое

правомочие, что Церковь Диаспоры здесь была основана беженцами, тем самым не желающими подчиняться церковной организации той страны, из которой спасались.

Другая разница между Америкой и нами — социологична: нам далеко до девяти епархий и трехсот приходов Американской Церкви (не говоря о двух семинариях, из коих одна признана государством, как высшее учебное заведение).

Однако, наша Церковь здесь, которая стала 5 лет назад Архиепископией Франции и Западной Европы (как все еще провозглашается на литургии), просуществовала полвека, все еще живуча, имеет двух епископов и богословскую школу; из всех юрисдикций, она наиболее подготовлена к церковной инициативе, что она и доказала, провозгласив свою независимость, сразу после того, что Константинополь оставил ее на произвол судьбы. Итак, ей, повидимому, принадлежит "почин канонического прояснения", как говорит декан богословского Института Нью-Йорка, прот. Александр Шмеман.

Искать помощи у коренных, установленных Церковью конечно следует и даже необходимо с точки зрения учения о Церкви и для канонического порядка (в будущем). Только, возлагать на них слишком большие надежды, увы! не приходится. Ведь мы уже обратились ко всем Церквам через посредство Патриарха Вселенского воззванием Общего Собрания 1966 года, и ни одна из них не откликнулась. Правда, что связь с Патриархом Вселенским не была нарушена, она по сей день благополучно поддерживается: с одной стороны, оба епископа и даже иереи Архиепископии его всегда поминают; глава Архиепископии все еще носит титул византийской кафедры Сиракузы; с другой стороны, Патриарх продолжает ему посылать все надлежащие поздравления и называть его "сослужителем нашей мерности"; Патриарх даже совсем недавно прислал Архиепископии Святое Миро.

Не приходится надеяться на творческую объединительную инициативу со стороны греческого экзархата: за полвека ни греки ни Вселенский Престол на объединение и не намекали. А по последнему официальному документу Патриарха Константинопольского, оказывается даже, что он считает "юрисдикционный порядок" законным и как бы неприкосновенным (письмо Патриарху Московскому, от 8 января 1970 г.). Правда, что Патриарх Вселенский относит в этом письме разрешение проблемы Диаспоры на рассмотрение будущего все-православного Собора. Но можем ли мы ждать предположительного, во всяком случае весьма отдаленного его созыва?

Насчет другой Церкви, к которой естественно было бы Архиепископии обратиться, как Патриарх Вселенский и советовал нам поступить в своей грамоте 1965 года об упразднении нашего экзархата, то есть Русской Церкви, дело обстоит иначе: с одной стороны, Американский прецедент показывает, что иметь дело с Москвой не только возможно, но что переговоры с ней могут быть плодотворными для Церкви. Но с другой стороны, такой природно-нормальный ход, по всей вероятности, исключается, из-за морально-политических обстоятельств объективного порядка, а также из-за самой психологии в большинстве еще эмигрантски настроенного клира и старостата.

Таким образом, чтобы Православная Церковь здесь вышла из тупика и беззакония юрисдикционных группировок, остается Архиепископии самой найти мужество и мудрость нечто положительное предложить о Церковном благоустройстве.

В этом отношении, ценный вклад нам приносит "проект", составленный частным порядком, но со всем авторитетом богослова и церковного деятеля, Протопресвитером Александром Шмеманом. Исходя из исторического положения Церкви в Западной Европе и стремления православных укоренить здесь их поместную Церковь, надлежало бы Архиепископии уточнить ее воззвание 1966 года к Вселенской Церкви, излагая определенный план для установления канонического порядка в Западной Европе. Для этого ей следует обратиться ко всем автокефальным Церквам, на этот раз не через Константинополь, а непосредственно, но в первую голову, естественно, к нему и к Патриарху Московскому, предлагая ряд мероприятий:

1) Создать Синод Западно-Европейской Православной Церкви. Его юрисдикция распространялась бы на все страны, где не существует поместной Церкви, т. е. Франция, Германия, Англия, Бельгия, Нидерланды, Дания, Норвегия, Швеция, Испания, Италия, Швейцария.

2) Члены Синода — все правящие епископы. Среди его членов избирается Архиепископ, как глава Церкви в Западной Европе. Он возносит имена всех глав автокефальных Церквей, епископы же поминают Архиепископа, иереи — своего епископа.

3) Круг ведения Синода: посвящение епископов, сношение с другими Православными Церквами, с инославными (и иноверцами), миссия, апелляция, церковный суд. Синод — высшая церковная инстанция, он представляет Церковь перед администрацией разных государств, которая с ним имеет дело через посредство местного епископа.

4) При Синоде работает Совет, составленный из клириков и мирян, представителей всех поместных "юрисдикций".

5) Эти юрисдикции сохраняют свою внутреннюю автономию, как и сейчас, во всех делах не подлежащих ведению Синода, или ими делегированных Синоду.

6) Каждые два или три года, заседает Общее Собрание Западно-Европейской Церкви, как Собор — высший церковный орган. Собор определяет и утверждает Устав, учреждает кафедры, устанавливает и проверяет бюджет, и т. д.

7) Кафедра Архиепископа и местопребывание Синода удобнее всего — в Париже, как центре Православия в Западной Европе.

8) Парижский Свято-Сергиевский Богословский Институт, при сохранении полной своей академической свободы и независимости, поставлен под попечительство трех епископов, избранных Синодом; он обслуживает нужды всей Церкви.

9) Издается официальный журнал, по возможности на нескольких языках Западно-Европейской территории (франц., немец., англ.).

Естественно, эта структура носила бы временный характер; она осталась бы в силе только до окончательного решения все-православного

Собора, или утверждения поместной Церкви в Западной Европе с созданием соответствующих епархий (франц., германск., скандинавск. и т. д.).

Ясно, что судьба Православия в Западной Европе, с ее возможным влиянием и развитием, зависят от ответа, который мы сумеем дать вызову, брошенному нам церковной историей. Дай Бог, чтобы этот ответ был положительным и творческим, и чтобы Церковь здесь смогла выйти из своего окостенения, развить свою природную поместную организацию. И да не позволит Господь, чтобы нам пришлось повторить, на основе собственного опыта, горькие слова Св. Илария Пиктавийского, Отца Церкви:

“Уши народа святее, чем уста епископов”.
Да молвят они “слова жизни”!

К. Андроников.

Август 1970 г.

Из жизни Католической Церкви

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОГО ЕПИСКОПАТА

Всем известно, что в начале декабря в северных портовых городах Польши (Штетине, Гданске и др.) имел место голодный бунт в связи с повышением цен на 25 % без соответственного повышения зарплаты. Гнев народа обрушился на виновников: в первую очередь были разгромлены и сожжены правительственные и партийные здания. Компартии пришлось пойти на уступки, переменить правительство, обещать повышение самых низких жалований и, в виду напряжения, протянуть руку католической Церкви. На это предложение польский епископат ответил чрезвычайно твердым окружным посланием, которое в день нового года было прочитано во всех костелах.

Приводим из этого Послания наиболее существенное. В комментариях оно не нуждается. Можно только пожелать, чтобы русский епископат, получивший на многие годы острастку от Ленина, Сталина и Хрущева, вдохновился примером Польской церкви и воспринял хоть малую толику мужества польских епископов.

Прим. Ред.

Следующие права должны быть гарантированы всем в Польше, если желать, чтобы народ жил в мире и независимости.

1) Свобода совести, свобода религиозной жизни на основе полной нормализации отношений между Церковью и Государством.

2) Свободный доступ народа к христианской культуре.

3) Социальная справедливость, которая должна удовлетворить законным требованиям нации.

4) Право на свободу слова и на правдивую информацию.

5) Право на приличные условия существования для всех семей.

Государственные власти должны воздержаться от каких бы то ни было преследований по отношению к гражданам.

Эти права должны быть гарантированы не только высшими властями, но и низшими инстанциями управления, в том числе и полицией. Тогда будут налицо условия для мирного сосуществования всех. Мы уже обращали внимание властей по этому поводу в марте 1968 года. Прибегать к насилию не идет на пользу мира, когда жертвами этого насилия становятся женщины и дети. Жизнь народа не может развиваться в атмосфере напряжения и страха.

Польские епископы сожалеют о «страшных потерях», причиненных недавними событиями. Со Святым Отцом, Папой Римским, мы преклоняемся перед горем пострадавших семей и молимся за всех погибших. После этого тяжелого опыта, мы желаем только одного, только к одному мы призываем: не наносить больше других страданий. Необходимо сделать все возможное, чтобы все, в лоне нашей Родины, чувствовали себя в безопасности и были уважаемы.

Мы надеемся, что заявления гражданских властей перейдут теперь в область фактов.

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНА ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО

Товарищу Молотову
для членов Политбюро

СТРОГО СЕКРЕТНО

Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе.

Ленин.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20 марта, то поэтому изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно Роста переслало в газеты не для печати, а именно сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточно твердо. События в Шуе лишь одно из проявлений и применений этого общего плана.

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить не-

приятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может казаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью. Кроме того, главной

части наших заграничных противников среди русских эмигрантов, т. е. эсерам и милюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы именно в данный момент, именно в связи с голодом проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом:

Официально выступать с какими то ни было мероприятиями должен выступать только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посетит у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шуе арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро дает детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т. е. на секретном его совещании специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

Ленин.

10. II. 22

Прошу т. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро в круговую сегодня же вечером (не снимая копий) и просить их вернуть Секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основой каждый член Политбюро или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

Ленин.

КОММЕНТАРИЙ

Этот потрясающий документ нуждается в нескольких словах комментария. Подлинность его вне сомнения: на него есть прямая ссылка в «Полном собрании сочинений Ленина», т. 45, М. 1964 г., стр. 666-667: «Март 19. Ленин в письме членам Политбюро ЦКРКП(б) пишет о необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом». (В «Архиве» имеет шифр ЦПА ИМЛ. ф. 2, од. хр. 22954). Но бдительные цензоры Ленинских писаний не посмели включить это письмо в так наз. «Полное собрание сочинений», насчитывающее 55 томов.

Для всех непредубежденных историков русской церкви всегда было ясно, что изъятие церковных ценностей было со стороны советской власти тактическим шагом, чтобы разгромить церковь. Ни о какой помощи голодающим Ленин не заботился. Как это ни страшно, голод — «тысячи трупов на дорогах» — лишь предлог, ширма, чтобы ограбить церковь и, при ограблении, расстрелять как можно больше духовенства и верующих. Изъятие церковных ценностей нужно было правительству независимо от голода для пополнения казны (но не странно ли, что Ленин даже не знает сколько принесет ему эта операция: миллионы или миллиарды золотых рублей?), для укрепления своих позиций на Генуэзской конференции и как удобный случай, чтобы расправиться с церковью.

Вот как развивались события:

Еще в августе 1921 года, патр. Тихон обратился ко главам отдельных христианских церквей с просьбой прийти на помощь голодающим и тогда же основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Помощь инославных была принята советским правительством, но церковный комитет был признан им излишним и упразднен.

Тем не менее в декабре 1921 года патр. Тихон снова обратился ко всем церковным инстанциям в стране с просьбой собирать деньги и продовольствие.

2 января 1922 года вышел первый декрет об изъятии музейного имущества. 16 февраля ВЦИК его дополнил: «немедленно

изъять из церковных имуществ... всех религий по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа». Патриарх Тихон пошел навстречу этому декрету оберегающему богослужебную культовую жизнь приходов, и 19 февраля призвал официальным посланием, разрешенным правительством к печати, жертвовать на нужды вымирающего населения Поволожья церковные украшения и предметы не имеющие богослужебного употребления. Но в ответ на это миролюбивое послание, находящееся в полном соответствии с постановлениями Советской власти, ВЦИК изменил свою политику и декретом 26 февраля категорически потребовал изъять из храмов все драгоценные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные предметы. Патриарх Тихон воспротивился этому святотатству и новым посланием от 28 февраля (это и есть то, что Ленин называет «нелегальным» посланием, из чего следует, что в его представлении послания патриарха, чтобы быть легальными, должны получить санкцию правительства!) запретил добровольные пожертвования освященных предметов. Этого письма правительство и ожидало, чтобы усилить гонения на церковь. Противоречивая политика ВЦИК объясняется или тактическими соображениями или, быть может, разногласиями внутри Центрального комитета. Вероятно, сам Ленин следил за тем, чтобы Церковь ни в коем случае не могла оказаться союзницей правительства в помощи голодающим и приложил все усилия, чтобы изъятие ценностей затронуло за живое самую суть церковной жизни — богослужение.

Ограбление церквей вызвало ряд кровавых столкновений с народом — за несколько недель, по официальным данным, число их возросло до 1414. Одно из первых и наиболее кровавых столкновений произошло 15 марта в городе Шуе. Вот как его описали 13 дней спустя «Московские известия»:

«Шуйский исполком по предложению Иваново-Вознесенской губернской комиссии по изъятию ценностей из храмов, образовал уездную комиссию. На понедельник 13 марта было назначено изъятие ценностей из Шуйского соборного храма. После богослужения к 12 часам в храм прибыла комиссия, встреченная отдельными враждебными криками толпы. Желая избежать столкновения, комиссия решила отложить работу до среды и вышла из храма. Вслед комиссии посыпались толчки и удары. В среду 15 марта к

церковной службе в храм на соборную площадь стали стекаться значительные толпы народа, много женщин и школьной молодежи. Подъехавшую конную милицию толпа встретила угрозами, камнями и поленьями. С колокольни начали бить набат. Набатный звон продолжался полтора часа и стянул на площадь огромные толпы народа.

Властями была вызвана полурота 146 пех. полка, а также 2 автомобиля с пулеметами. Войска были встречены градом камней и револьверными выстрелами. Четыре красноармейца были оттерты толпой и жестоко избиты. После первого залпа в воздух, второй залп был дан по толпе. Этим залпом было убито 4 человека и 10 тяжело ранено, после чего толпа рассеялась. К вечеру был произведен целый ряд арестов, и комиссия по изъятию ценностей продолжала свою работу, забрав из собора 3 1/2 пуда серебра».

Ленинские директивы, вероятно одобренные остальными членами Политбюро, были исполнены дословно. В связи с происшествием в Шуе были подвергнуты суду 54 человека. 10 мая Трибунал постановил: священников и благочинных: Заозерского, Добролюбова, Надежина Христофора, Вишнякова, Орлова, Фрязинова, Солохова, Телегина, а также гражд. Брусилову (жену сына ген. Брусилова, Н. С.), Тихомирова и Раханова подвергнуть высшей мере наказания. Крючкова, Надежина Виктора и Лепехина — 5 годам, 13 подсудных приговорены к 3 годам заключения, 10 человек к 1 году заключения». («Правда», № 101, 1922 г.).

Вакханалия процессов и репрессий завершилась казнью петроградского митрополита Венямина (13 августа 1922 г.), арестом патриарха Тихона и возникновением, под покровительством правительства, обновленчества.

Письмо к Политбюро рисует нам Ленина таким каким он был, яростным в своем безбожии, жестоким к врагам, циничным по отношению к народу, одержимым властью, гениально-лукавым стратегом разрушения, и опровергает модное в наши дни представление о «ленинской законности».

Н. Струве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА ТИХОНА ОТ 15/28 ФЕВРАЛЯ 1922 г. О ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ И ОБ ИЗЪЯТИИ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

**БОЖИЕЮ МИЛОСТЬЮ, МЫ, СМИРЕННЫЙ ТИХОН,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ
ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ РОССИЙСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.**

**БЛАГОДАТЬ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА
ДА ПРЕБУДЕТ С ВАМИ.**

Среди тяжких бедствий и испытаний, обрушившихся на землю нашу за наши беззакония, величайшим и ужаснейшим является голод, захвативший обширное пространство с многомиллионным населением.

Еще в августе 1921 г., когда стали доходить до нас слухи об этом ужасном бедствии, Мы почитали долгом своим прийти на помощь страждущим духовным чадам нашим, обратились с посланием к главам отдельных христианских церквей (Православным Патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и Епископу Нью-Йоркскому), с призывом, во имя христианской любви, произвести сборы денег и продовольствия и выслать их вымирающему от голода населению Поволжья.

Тогда же был основан нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней и все собранные денежные суммы потребованы к сдаче (и сданы) правительственному комитету. Однако, в декабре, Правительство предложило нам делать при посредстве органов церковного управления (Св. Синода, Высш. Церк. Совета, Епархиального совета, Благочинного и церковно-приходского совета), сборы деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим.

В центре Патриарх Тихон.

Слева — митрополит Петр Крутицкий, митрополит после смерти Патриарха, арестован в 1926 г., умер в 1936 году после десятилетней ссылки в крайней изоляции.

Справа митрополит Петроградский Вениамин, расстрелянный 13 августа 1921 года.

(фотография печатается впервые)

Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, мы нашли возможным разрешить церковно-приходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, — о чем и оповестили православное население 6/19 февраля с. г. особым воззванием, которое было разрешено правительством к напечатанию и распространению среди населения.

Но, вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям церкви, 13/26 февраля ВЦИК для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и проч. богослужебные церковные предметы.

С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства. Мы священным нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верующих духовных чад наших.

Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов неосвященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таким жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное жертвование, освященных предметов, употребление которых не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею, как святотатство, мирянин — отлучением от Нея, священнослужитель — низвержением сана (Апост. правило 73, Двукрат. Вселен. Собор, правило 10).

Смиренный ТИХОН,

Патриарх Московский и всея России.

Дано в Москве,

15 февраля 1922 г.

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ Н. ГУМИЛЕВА

будто бы найденное в камере, где он сидел перед расстрелом.

В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Проплывает Петроград.
И горит над рдяным диском
Ангел твой на обелиске,
Словно солнца младший брат.

Я не трушу, я спокоен,
Я моряк, поэт и воин,
Не поддамся палачу.
Пусть клеймит клеймом позорным.
Знаю — сгустком крови черной
За свободу я плачу.

За стихи и за отвагу,
За сонеты и за шпагу,
Знаю, строгий город мой,
В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Отвезет меня домой.

Примечание: Как известно, Николай Гумилев был арестован 3 августа 1921 года в Петрограде и казнен 24 августа, за участие в контрреволюционном заговоре В. Н. Таганцева.

В вводной статье к четырехтомному Собранию сочинений Гумилева (изд. В. Камкина, 1962 г.) Г. П. Струве писал:

“В воспоминаниях о Гумилеве не раз цитировалась фраза из письма его к жене из тюрьмы: “Не беспокойся обо мне. Я здоров, пишу стихи и играю в шахматы”. Упоминалось также, что в тюрьме перед смертью Гумилев читал Гомера и Евангелие. Написанные Гумилевым в тюрьме стихи не дошли до нас. Они были, вероятно, конфискованы Чекой, и может быть — кто знает? — сохранились в архиве этого зловещего учреждения”.

Мы ничего не знаем о происхождении полученного Редакцией “тюремного” стихотворения Н. Гумилева. Оно сейчас довольно широко ходит

в списках в среде литературоведов, но как, из какого архива попало им в руки, нам не известно. Однако, общее впечатление и стилистический анализ говорят в пользу подлинности этих предсмертных стихов Гумилева. В худшем случае, мы имеем дело с первоклассным подражанием, написанным большим знатоком Гумилевской поэзии, усвоившим не только ее внешние приемы, но и дух.

Сама форма шестистишья встречается в творчестве Гумилева очень часто: “Сон Адама”, “Из логова змиева” (Жемчуга), “Ослепительное”, большая поэма “Открытие Америки” (Чужое небо), знаменитые “Пятистопные ямбы”, “Снова море”, “Видение” (Колчан), “Отражение гор” (Фарфоровый павильон).

В “Отражении гор”, по времени наиболее близком к нашему стихотворению, первый стих также делится на два симметричных полустихья: “Сердце радостно, сердце крылато”, причем **крылато** рифмуется с **заката**. Эта рифма встречается также в стихотворении “Вечер” (Колчан): “Как этот вечер грузен, не крылат, / с надтреснутою дыней схож закат”, и в стихотворении “Неаполь”. Слово **крылатый** принадлежит к излюбленным словам Гумилева и отражает одну из сторон его духа. Образ корабля — самая частая метафора у Гумилева. Само слово **каравелла** употреблено в ранней поэме “Открытие Америки”, написанной шестистишиями и окрашенной в характерные для Гумилева вечерние тона (...солнце в бездне огненной воды). В той же поэме встречаем выражение “младший брат”: старый кормщик, рыцарь иль пират / ныне он Колумбу младший брат.

Гумилев любил определять свое “я” рядом сказуемых: строчка “Я моряк, поэт и воин” очень типична для его манеры.

Эпитет **строгий**, часто встречающийся у Гумилева, в стихотворении “Смерть” отнесен именно к последнему часу:

И за что знаешь так ясно,
Что в единственный строгий час —
В час, когда, словно облак красный,
Милый день уплывет из глаз...

Характерен и заканчивающий аккорд: “отвезет меня домой”. Дом — у Гумилева многозначен. Гумилев выходит из дома чтобы сразиться с судьбой, но и тоскует по вечному, отчему дому.

Итак, строфа, лексика, система образов (вечер, корабль, крылатость) несомненно Гумилевские.

Но Гумилевскими следует признать и общий тон, основную мысль стихотворения: легкость, окрыленность настроения и вместе с тем предельную простоту и спокойствие в ожидании смерти.

По всей вероятности, эти стихи написаны Гумилевым в камере, незадолго до смерти.

Н. Струве.

ДВА НЕИЗДАНЫХ СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Воздушными путями Редакцией получены два новых неизданных стихотворения Осипа Мандельштама.

В отличие от тех, что напечатаны в предыдущем выпуске «Вестника», они относятся к периоду зрелого Мандельштама. Первое стихотворение посвящено Москве: его нужно сопоставить с теми двумя стихотворениями 1916 года, в которых Осип Мандельштам, под влиянием Марины Цветаевой, воспел Москву и, в частности, московские церкви (В разноголосице девического хора), № 84, т. I Собрания сочинений, и На развалнях уложенных солодой, № 85.

В очерке «Сухаревка» (1923) Мандельштам включил четвертую строчку своего почему-то оставшегося ненапечатанным стихотворения: «Недаром славится Москва своих базаров бабьей шириной». Москва была чужда петербуржцу Мандельштаму, но после Октябрьской революции, родной Петербург стал ему невыносим и он в конце 20-х годов переселился в Москву.

Второе стихотворение проливает яркий свет на отношение Мандельштама к Октябрьской революции и на религиозные основы его мироощущения. Оно близко к религиозным стихам начала 20-х годов, в которых осуждение бесплодия Октября было прикрыто восхвалением полноты христианского откровения. Здесь Мандельштам высказывается без обиняков и отвечает Блоку, надеявшемуся в 1918 году, что Революция с Богом, а не против Бога. Стихотворение это осталось ненапечатанным, вероятно по цензурным соображениям.

Ред.

Все чуждо нам в столице непотребной:
Ее сухая черствая земля
И буйный торг на Сухаревке хлебной
И страшный вид разбойного Кремля.

Она дремучая всем миром правит.
Миллионами скрипучих арб она
Качнулась в путь — и полвселенной давит
Ее базаров бабья ширина.

Ее церковей благоуханных соты
Как дикий мед, заброшенный в леса,
И птичьих стай густые перелеты
Угрюмые волнуют небеса.

Она в торговле хитрая лисица,
А перед князем — жалкая раба.
Удельной речки мутная водица
Течет, как встарь, в сухие желоба.

1916 (1917).

Где ночь бросает якоря
В глухих созвездьях Зодиака,
Сухие листья октября,
Глухие вскормленники мрака,
Куда летите вы? Зачем
От древа жизни вы отпали?
Вам чужд и странен Вифлеем
И яслей вы не увидали.

Для вас потомства нет — увы!
Бесподая владеет вами злоба,
Бездетными сойдете вы
В свои повапленные гробы
И на пороге тишины
Среди беспамьяства природы
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы.

1920 (Коктебель).

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

СТАТЬЯ НЕ ВОШЕДШАЯ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Я ПИШУ СЦЕНАРИЙ*)

Шкловский посоветовал мне написать сценарий и скрылся, мелькнув огуречной головой. Больше я его не видал, но получилось вот что: я проклял Шкловского до седьмого колена.

Я решил написать из быта пожарных. Мне сразу померещился великолепный кадр во вкусе Эйзенштейна: распахнутый гараж и машины, как гигантские ящеры, набегающие на зрителя.

Или, например, тревога, качающийся колокол, дежурный у телефона, пожарные вскакивают с коек...

А можно начать с мирной жизни: пожарные сидят на койках и читают газеты, или можно еще углубить бытовой уклон: скажем, пожарные созывают какое-нибудь совещание для выбора делегатов или борьбы с чем-нибудь. Тут же играют в шахматы... И вдруг приходит чья-то жена, жена какого-нибудь пожарного и начинается... коллизия.

Да, коллизия, легко сказать, — коллизия! Почему она приходит, чего ей нужно?

Нет, лучше подойти со стороны. Где-то в Замоскворечьи сидит за чаем семья бухгалтера и совершенно не подозревает, что вся обстановка с ореховым буфетом через полчаса сгорит, а в это время пылает на кухне примус, а возле него ребенок.

Вся суть в композиции кадров и в монтаже. Вещи должны играть. Примус может быть монументален.

Например, примус подается большим планом. Ребенка к чорту. Все начинается с погнувшейся примусной иголки (тонкая деталь). Иглу тоже первым планом. Испуганные глаза женщины.

*) В. Шкловский (род. в 1893) писатель, сторонник формализма, в конце 20-х годов пристроился на кинофабрике рецензентом и заказывал друзьям сценарии для фильмов. Мандельштам было соблазнен предложением, но вскоре должен был отступить: на выполнение социального заказа в духе нарождавшегося соцреализма он был неспособен даже в самой крайней нищете. Этот смешной рассказ, не вошедший в трехтомное "Собрание сочинений" О. Мандельштама, повествует о преодолении соблазна писать ради куска хлеба халтурные поделки в духе времени.

Прим. Ред.

Впрочем лучше начать с китайца, продающего примусные иголки у памятника Первопечатнику. Это будет обрамление. Фильм без героя — это хорошо, но все-таки должен быть какой-нибудь главный пожарный. Пусть он еще не оторвался от деревни. С одной стороны он любит сельский инвентарь, с другой — привязан к пожарным машинам. Вот и конфликт: например, пожарный, тайно от всех, ночью прокрадывается в гараж и что-нибудь изобретает.

Вот уже ничего: как будто что-то маячит. Коллизию нужно, коллизию! За коллизию денежки платят. Коллизия — это не фунт изюма.

Пусть коллизия будет такая:

Когда-то, еще до войны, главный пожарный служил на заводе у частного капиталиста. Капиталист, в семнадцатом году, спасаясь за границу, замуровал в сейф различные драгоценности...

Но надо столкнуть пожарного с бухгалтером. Чего они не поделили? Здесь узел всей фильма. Ответив на этот вопрос, мы сразу сдвинемся с мертвой точки.

Одного пожарного мало; оттого что ничего не выходит, что он разветвился. Нужно его противопоставить... Но что мы знаем о нем самом? Ничего, кроме того, что он еще не оторвался от деревни, да это и не вяжется с тем, что он служил у частного капиталиста.

Хорошо: пусть один служил у частного капиталиста, а другой еще не оторвался от деревни. Но эти-то двое чего не поделили?

Пусть вещи играют отдельно, а пожарные совершенно отдельно. В вещах — пафос событий, а в людях — социальный заряд. Машины, т. е. насосы и лестницы, воспитывают пожарного. Женщина тут не при чем: ей нет места в этой коллизии.

Кино — не литература. Надо мыслить кадрами.

Пусть главный пожарный дежурит в фойе театра, а в это время его товарищ угощает чужую жену пирожными.

Нет, это чепуха.

Тема перегорела в процессе работы. Ничего больше не маячит. Нужно поймать Шкловского.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Культ личности забросан грязью,
Но на сороковом году
Культ зла и культ однообразья
Еще по прежнему в ходу.

И каждый день приносит тупо
Так, что и вправду невтерпеж,
Фотографические группы
Одних свинообразных рож.

И видно так же культ мещанства
Еще по прежнему в чести,
Так что стреляются от пьянства,
Не в силах этого снести.

Вариант первой строфы:

Культ личности лишен величья,
Но в силе культ трескучих фраз,
И культ мещанства и безличья,
Быть может, вырос во сто раз.

Точная дата написания этого стихотворения нам неизвестна. Судя по второй строке (на сороковом году), оно написано в 1958 году, вероятно после присуждения Пастернаку Нобелевской премии, и в связи с той травлей, которая была поднята против него (Ср. стихотворение Б. Пастернака "Нобелевская премия"). Прим. Ред.

О Солженицыне

*...весь смысл существования — его самого и всех вообще людей — представлялся ему не в их главной деятельности, которой они постоянно только и занимались, в ней полагали весь интерес и ею были известны людям. А в том, насколько удавалось им сохранить неомутненным, непродрогнувшим, неискаженным — изображение вечности, зароненное каждому...”

“Раковый корпус” стр. 30.

1.

Что Солженицын — явление огромное, с этим, я думаю, спорить не будет никто. Но именно потому особенно важно попытаться уяснить себе — в чем «огромность» этого явления. В последние десятилетия уже не раз мир был взволнован и взбудоражен явлениями, не укладывавшимися в казенную схему советской действительности. Все помнят еще, наверное, споры, волнения, надежды, вызванные в пятидесятые годы «Не хлебом единым» Дудинцева, позднее — шок «Доктора Живаго», эмоциональную волну, прокатившуюся от стихов Евтушенко и Вознесенского, а совсем недавно — дело Синявского и Даниэля. Что Солженицын — начиная с «Одного дня Ивана Денисовича» — явление того же порядка? Еще один мужественный голос, пробивавшийся сквозь оглушительную тишину советского конформизма? Но признать его таковым еще не значит определить его место и значение в русской литературе или даже вообще признать его явлением литературно значительным. Вряд ли кто, например, отнесет сегодня «Что делать?» Чернышевского к «золотому фонду» русской литературы; никто, однако, не может отрицать, что произведение это сыграло огромную роль в общественной истории России. Так вот, что Солженицын — герой, мученик, жертва, что произведения его — «документ» потрясающей важности, все это бесспорно, все это уже всеми — включая Шведскую Академию — признано. Но остается вопрос: каково место и значение его в русской литературе? Наше

волнение наша радость, наше восхищение при чтении Солженицына — от того ли они, что пишет он на «животрепещущие» для нас темы, или же от того, что нечто очень значительное, очень глубокое совершилось с его явлением в русской литературе?

Вопросы эти важны не с одной «литературоведческой» точки зрения, а потому что судьба самой России, в каком-то последнем и глубоком смысле неотрываема от судьбы русской литературы. Если это отчасти верно для всех народов, по отношению к России это сугубо верно. Другого «золотого запаса», подобного своей литературе, русская культура накопить не успела или не сумела, все лучшее и «вечное» в себе выразила и воплотила в своих святых и в своих писателях. Но святые перерастают рамки «культуры», не укладываются в нее. Если, как говорит ап. Павел, есть «тело душевное» и «тело духовное», то русские святые — это создатели «духовного тела» России, в котором сгорает и преобразуется все, что еще только культура, «сеется в тлении» и еще только призвано «восстать в нетлении». Творцами же «душевного тела» России — того ее образа, призвания и содержания, которыми, несмотря на все свои «ужасные грехи» (Хомяков) она оправдана и заслуживает чистой любви и верности, нужно признать русских писателей, великую русскую литературу. То, что происходит в ней, происходит не только в России, но и с Россией. Вот почему так важно попытаться уяснить себе именно литературную значимость Солженицына, значение его по отношению не только советской «конъюнктуры», но и русской литературы в целом.

2.

Я убежден, что главное значение Солженицына в том именно и заключается, что он не только мужественный выразитель протеста или исканий, но, прежде всего, бесконечно важное, подлинно судьбоносное событие в самой русской литературе. С его появлением в ней произошло что-то **новое**, начался новый ее период, даже если и суждено ему остаться одним писателем ограниченным. Таким новым явлением не был, при всей его значительности, ни Пастернак «Доктора Живаго» и никто другой. Почему? Это первый вопрос, от ответа на который зависит вся дальнейшая оценка Солженицына.

Я назвал Пастернака. Только это имя можно поставить рядом с именем Солженицына, если исходить из «резонанса», вызванного обоими. Но творчество Пастернака, включая и «Живаго», го-

раздо больше завершает, нежели начинает, определенный период в истории русской литературы. Духовно, психологически, литературно Пастернак сложился в атмосфере уже вечеряющего, закатного «серебряного века». Страшный опыт советских лет углубил, конечно, его сознание, поставил перед ним новые темы, заставил его смотреть туда, куда он еще не смотрел когда раздражался «световым ливнем» своих ранних стихов. Но даже эти новые темы он ставил и трактовал в духовной перспективе, созданной «серебряным веком». «Доктор Живаго» — это переключка, после трагического опыта двадцатых и тридцатых годов, с «Двенадцатью» Блока, это — попытка ответить на мучительное, соблазнительное, самого Блока задушившее утверждение последней строчки знаменитой поэмы: «...впереди Иисус Христос».

Также и Ахматова. Она завершает, увенчивает «серебряный век», может быть даже изнутри очищает и искупает все то, отчасти легковесное и безответственное, что делает его именно серебряным, а не золотым, все то, что перегорело и очистилось, было искуплено и прощено в «Поэме без героя» и в «Реквием». Это завершение было необходимо и само по себе очень значительно. И только люди, сами дышавшие воздухом тех лет, могли нам дать его. Но завершение, эпилог, если они даже и входят, в силу преемственности культуры, в следующую главу ее, сами такой новой главой, таким «началом» стать не могут. Некое «начало» брезжило, возможно, в писателях того безвременья, что кончилось с окончательным воцарением Сталина и официальным узаконением «социалистического реализма». Что то, как будто, начиналось или могло начаться тогда. Но начало это оборвано было — и не только насильем, не только убийством или самоубийством, но и той духовной двусмыслицей, печать которой лежит на литературе тех лет. Двусмыслица эта была в том, что литература все еще продолжала жить, в той или иной мере, романтикой революции, ранее соблазвившей Блока и Есенина и обоих погубившей. В хаосе и крови все еще хотели видеть и слышать «хаос родимый» и верить, что из него что-то родится, произрастет, засияет... Это была все та же двусмыслица «Двенадцати». Только Блок первый, в силу своей правдивости, понял, что той «музыки революции», которую он сам призывал слушать, на деле не было, что все то, что он пытался как-то возвести к пророческим «зорям» начала века, оказалось узколобым фанатизмом и больше ничем. И потому те, кто еще почти два десятилетия хотели, несмотря на все, «музыку» эту слушать, не могли не прийти в тупик, даже если таким тупиком

и не оказался бы сталинский застенки или приказ воспевать пятилетки, тракторы и Днепрострой. Для продолжения подлинной русской литературы в этом ложном «начале» пути не оказалось и на ее место явилась казенная «советская» литература.

3.

Только в свете сказанного можно понять, мне кажется, почему творчество Солженицына есть действительно явление новое, меняющее коренным образом сам воздух русской литературы.

Прежде всего, ни биографически, ни духовно Солженицын не принадлежит к представителям или эпигонам «серебряного века». Он не внук Владимира Соловьева, не сын Блока и не брат Пастернака. Также вне его личного опыта Революция — как обрыв личной и национальной судьбы. И наконец, он и не «внутренний эмигрант», какими, несмотря на все, оказались более старшие писатели, знавшие предреволюционную Россию и, в силу одного этого, не могшие не быть духовными «изгоями» в России советской. Солженицын — плоть от плоти и кровь от крови той России, которая одна сейчас существует реально — России советской. Не до-революционной и не революционной, а именно советской. Новизна же Солженицына-писателя в том, что, всецело этой советской реальности принадлежа, он столь же всецело и полностью от нее **свободен**.

Свобода Солженицына требует уточнения. Старшие писатели: Ахматова, Мандельштам, Пастернак, в каком бы внешнем порабощении они ни находились, всегда оставались «изнутри» свободными. Порабощение культуры обрушилось на них тогда, когда имевшийся у них опыт свободы делал полное порабощение невозможным. С другой стороны, на протяжении длинного советского столетия многие советские люди проходили через опыт того, что М. М. Коряков назвал «освобождением души». Но освобождение это было обычно и **уходом** от советской реальности — физическим или духовным, и сейчас можно было бы набросать своеобразную классификацию этих освобождений или уходов — на Запад, в древне-русское искусство, в историю, в прошлое или в будущее...

Свобода Солженицына или, вернее, **новизна** ее в том и состоит, что ни один из типов таких «освобождений» к нему не приложим. Он никуда не «ушел», он не ищет никаких «компенсаций» в других культурах, он не романтик ни прошлого ни будущего, он не

хочет дышать никаким другим воздухом. Советский мир остается до конца и органически его миром, его действительностью, так что про него можно сказать, что свободен он не от советской действительности, а в самой советской действительности. И это создает между ним и этим миром совсем особое соотношение и — в творческом плане — одного его сейчас делает способным мир этот изнутри **явить**, творчески **объяснить** и, наконец, **преодолеть**.

Все это так потому, что «освобождение» Солженицына совершилось не в личном, интимном плане, а в плане, который иначе не назовешь, как «национальным». Это триединый опыт **войны**, опыт за войной последовавшей **тюрьмы** и опыт **возвращения** из тюрьмы в жизнь. Поколение Солженицына не было, по возрасту, ранено ни Революцией, ни даже кошмаром сталинских тридцатых годов. Его первым кризисом, первой нравственной встряской была война. Война принесла этому поколению опыт и страдания и воодушевления и дружбы и патриотизма и, наконец, свободной «рефлексии» на привычный, в плоть и кровь вошедший, страх перед вездесущей властью. Война заставила по новому взглянуть на прежнюю жизнь и захотеть нового. Война была первым «освобождением». Но за войной пришел второй опыт — страшного обмана власти, решившей снова поработить поколение, войной «освобожденное», все недобитое в боях и в немецких лагерях засадившей в тюрьму. И, наконец, третий опыт — возвращение из тюрьмы, из концлагеря в жизнь, в свой мир, переставший быть «своим»: «летом 1953 года из пыльной горячей пустыни — пишет Солженицын в начале «Матренина двора» — я возвращался назад — просто в Россию. Ни в одной точке ее никто меня не ждал и не звал, потому что я задержался с возвратом годиков на десять...». Эта буря войны, эти «десять годиков», это возвращение в жизнь с выстраданной отрешенностью от нее, с мучительным ясновидением правды, способностью по новому, свободно видеть и оценивать все на выверенных страданьем весах совести: — все это, повторяю, опыт целого поколения. Но Солженицын-писатель выразил и воплотил его с удивительной глубиной, творчески воссоздал его изнутри и осветил светом той нравственной правды, без которой могут быть талантливые писатели, но не может быть великого писателя и большой литературы.

4.

Все это делает Солженицына — и в этом его подлинная новизна — первым **национальным** писателем советского периода рус-

ской литературы. Под словом «национальный» я разумею здесь не какую-либо специфическую сращенность писателя и его творчества с «национальными» темами, а ту духовную ответственность за свой народ, свою эпоху, свой мир, которую всякий большой писатель принимает на себя свободно, как нечто естественное и самоочевидное. Ответственность эта совсем не означает какого бы то ни было подчинения писателя «злободневности» или растворения в ней, не означает того, что Сартр окрестил крылатым, но, в сущности, бессмысленным именем «*littérature engagée*». Как раз наоборот: только в меру своей духовной свободы от «злободневности», своей верности тому «изображению вечности», которое, по словам самого Солженицына, «заронено» каждому, может писатель эту свою ответственность по настоящему выполнить. Ибо эта ответственность состоит, как раз, во **внутренней отнесенности творчества к некоему высшему, всякую «злободневность» превосходящему, мерилу, к тому «изображению вечности», которое одно способно расставить все на свои места во «времени» и потому одно способно явить правду о нем.**

В советской литературе до Солженицына национального писателя в этом смысле слова — не было. Были те, кто, во имя собственного творчества и духовного самосохранения, от этой ответственности отказывались и **уходили** в выбранный ими «свой» мир. И были те, кто ответственность эту предавал — приспособленьем, умолчаньем, ложью. Солженицын никуда не ушел и сознательным, необратимым духовным и творческим выбором всю ответственность принял. При своем даре он мог бы несомненно стать крупным **советским** писателем, он стал, я уверен, великим **русским** писателем.

Но стал он им потому именно, что «советское» принял, как неустрашимую судьбу своего творчества, как чашу, которой нельзя не испить, как тот опыт, который творчеству надлежит воплотить, явить и осветить светом правды. Пусть это звучит парадоксом, но Солженицын, в сущности, исполняет в своем творчестве как раз тот «заказ», который лицемерно и лживо предъявляет искусству власть, но выполняет его не лицемерно и не лживо. Он не противопоставляет ему какой то другой теории искусства, не кричит о свободе писателя писать о чем угодно, не защищает «искусство ради искусства», не оспаривает долга писателя «включиться в свою эпоху» и в жизнь своего народа и т. д. Он как бы принимает все «заказы» до конца и всерьез, но как раз этой серьезностью и свободой и являет всю их ложь, всю их — «халтурность». И именно

потому он **внутри**, а не вне советской литературы, он своим творчеством выводит ее на «чистую воду». В нем оканчивается ее «советский» период. Своей правдой он обличает его неправду, своей коренной к нему принадлежностью он изнутри претворяет «советское» в русское. Дав национального писателя, советская литература кончается как «советская» но, тем самым, в самой себе обретает и принцип своего возрождения как «русская».

5.

Все сказанное возвращает нас к вопросу о литературном достоинстве творчества Солженицына, вопросу, с которого мы начали эти размышления. Один тонкий знаток русской литературы написал мне недавно, что Солженицын — «огромное явление, но плохой писатель...». Но что это, собственно, значит? Сознывая всю свою «литературоведческую» некомпетентность, я все же осмелюсь утверждать, что абсолютного «научного» критерия для распознавания «хороших» и «плохих» писателей не существует. О Достоевском, ведь, тоже и говорили и говорят, что хотя он и «гениальный мыслитель», но «плохой писатель». В литературных кружках, на маленьких, но великими страстями бурлящих, литературных «олимпиах», не приходится ли подчас слышать утверждение вроде того, что «Бунин и Набоков пишут лучше Толстого», а Игрек или Зет — «лучше Блока». Критик всех критиков — Сэнт-Бев не заметил, не «услышал» Бодлера, а Андрэ Жид — Марсея Пруста... Для простого читателя, может быть, извинительно поэтому не слишком всерьез принимать противоречивые приговоры специалистов. В конце концов, можно ли утверждать больше того, что «хороший» писатель — это писатель, творчество которого, в силу какой то таинственной «рецепции», включается в «золотой фонд» данной литературы и уже навсегда остается ее неотчуждаемой частью. В этой «рецепции» критик, специалист, историк литературы — несомненно могут и должны помочь, но столь же несомненно и то, что даром непогрешимости они не обладают. Поэтому мое утверждение, утверждение к тому же не критика и не специалиста, что Солженицын не только «хороший», но и очень большой писатель, есть, по необходимости, утверждение субъективное. Кто из нас прав — я или же писавший мне специалист, покажет только будущее. Доказать своей правоты я не могу. Могу, однако, намеками, приблизительно, заведомо неполно, сделать в защиту своего мнения несколько замечаний.

Первое — о **языке**. Язык Солженицына — «советский», что и является, по всей вероятности, одной из причин недооценивания его как писателя иными пуристами. Мне же представляется, что чудо Солженицына в том, что этот советский язык, который, больше чем что либо иное, выражал и воплощал собою падение, и не только литературы, но и самой России, язык разъединенный и разложенный советской елейной фальшью, казенщиной, ложью, подменной и подтасовкой всех смыслов, что язык этот у Солженицына стал — впервые так целостно, так очевидно — языком **правды**. Если пользоваться религиозными образами, можно сказать, что Солженицын **экзорцировал** его, изгнал из него «седем бесов». И сделал он это не в порядке какой-то сознательной языковой экспериментации, а в силу все той же внутренней ответственности, о которой я говорил выше. В отношении к языку мерило Солженицына — толстовское, это значит — мерило правды, а не «литературы». Его не искушают и не соблазняют, как многих его современников, ни архаизмы, ни поиски языковой новизны, ему вообще чужда та одержимость языком и его «проблемами», которая так характерна для нашего времени, но в которой, по моему глубокому убеждению, гораздо правильнее усматривать признаки не здоровья, а глубочайшего заболевания искусства в наши дни. Если язык Солженицына «хуже» языка Бунина или Набокова, то потому, конечно, что таков сейчас живой язык России. Но сравнение это, в конечном итоге, и бессмысленно, ибо ни на каком другом языке творчество Солженицына было бы невозможно. Русская литература не может искусственно, не разорвав своей органической связи с Россией и ее языком, вернуться к тому языку, который в последний раз просиял у Бунина. Жалеть об этом так же бесплодно, как жалеть с Ремизовым об утере русской литературой после Петра Великого языка протопопы Аввакума. «Советский» язык Солженицын **претворил** в свой язык, в язык своего творчества и своей творческой правды. Тут его языковая удача, которую, я уверен, будут в будущем изучать «специалисты». Ибо, в конечном итоге, именно эта удача делает возможной дальнейшую жизнь русской литературы, возвращает ей орудие, казавшееся безнадежно ржавым...

Мир Солженицына. Нужно ли повторять заезженную, общим местом ставшую, истину, что каждый «хороший» писатель «хорош», прежде всего, тем, что создает **свой** мир. Мир живой, реальный и убедительный для нас не тем обязательно, что он «похож» на реальность — он может быть похож или не похож — а своей

внутренней правдой и жизненностью, тем, что хотя и будучи создан, «вымыслен» автором, он живет именно **своей**, в последнем счете, независимой от автора, жизнью. Именно в этой наполненности произведения **своей** жизнью отличие большой литературы, как от «документа», так и от «только литературы», сколь бы блестящей, находчивой и глубокомысленной она ни была. Есть писатели — Набоков, например, — которые, при всей своей почти безграничной, чудом отдающей, литературной одаренности, все же такого мира создать не способны. В своем последнем английском произведении Набоков, чтобы избавиться от угнетающей его скуки и ограниченности нашего мира, уводит нас, наконец, в другой, казалось бы уже целиком вымышленный, мир, на «анти-терру». И вот все же никакого нового, не набоковского, свободного от его безграничной творческой диктатуры, мира не получается. Как всегда и всюду у Набокова, за каждой строчкой, за каждым движением стоит он сам, его поразительный ум, пронизательность и его — специфическая — «усмешечка». Никогда, ни на секунду, не отпускает он своих героев на свободу, он за триста страниц точно знает, что с ними будет, все их возможности и невозможности ведомы насквозь его всезнайству, всепониманию, всеумению. Его Адам не может даже захотеть вкусить от запретного плода. Все предусмотрено, угадано, препарировано и оркестровано с совершенством, все замечено, увидено, названо, подано так, как еще никем и никогда, но ничего не воссоздано, ничто не стало раз и навсегда живым и вечным, как миры, в которых живут герои Толстого, Достоевского и, я не побоюсь сказать, Солженицына. Проникая вслед за заключенным Герасимовичем в кабинет Яконова, мы до последней секунды не знаем, как не знал, должно быть, и сам Солженицын, найдет ли Герасимович в себе силу «звеняще пискнуть» свой отказ от свободы, от жены, от жизни. Не знаем, следуя в тюрьму за арестованным Володиным, завершится ли в нем уже начавшееся «освобождение души». И это так потому, что творчество Солженицына, сколько бы ни было в нем «актуальных», «автобиографических» или даже «идеологических» элементов, есть плод, прежде всего, того таинственного **претворения** или **преложения** всего этого в некую духовную реальность, претворения, которое и составляет, в конечном итоге, сущность творчества. О том, что делает писателя творцом, об истоках этого вымысла и миротворчества можно долго спорить (об этом писал в своем «Умирании искусства» В. В. Вейдле). Но вряд ли можно спорить с тем, что есть **мир** Солженицына (а не только «потрясающий документ»), как есть мир Толстого и мир Достоевского. Мне кажется, что не

всё и все в этом солженицынском мире «воплощены» в равной мере, с равной «очевидностью». Критики в будущем докажут, наверное, что он писатель неровный — со взлетами и падениями, и все же, думается, невозможно отрицать реальности и воплощенности его мира. И если Россия как «целое», как некий опыт и преемственность, как объект умозрения, а не только «изучения», существует, прежде всего, в своих «воплощениях» в русской литературе, то — к России пушкинской, гоголевской, толстовской и чеховской — мы должны прибавить теперь и Россию солженицынскую.

Герои Солженицына. Я ограничусь здесь одним дерзновенным сравнением и вытекающим из него утверждением. Сравнение: Наполеон Толстого и Сталин Солженицына. Наполеон «Войны и мира», при всей тщательной, ювелирной отделке его образа, остается карикатурой, созданной Толстым как иллюстрация своей мало вразумительной и неубедительной «философии истории». Эта философия истории требовала примера, доказательства и Толстой таким образом «навязал» образу Наполеона свое понимание его. Читая толстовские страницы о Наполеоне, о Литургии (в «Воскресении»), о театре — всегда жалеешь, что Толстой их написал, ибо они мучительно диссонируют с глубоким толстовским же критерием «правды», не «реалистической», «описательной», а внутренней, духовной правды. А вот Сталин Солженицына — **не** карикатура. Это, может быть, и даже наверное, не вся правда о Сталине, но это правда и ею мы обязаны не просто совести, а именно творческой совести Солженицына. Тут все «вымыслено», но ничего не **надумано** и не **навязано**. Толстовский Наполеон весь «извне» — одна сплошная проекция толстовской идеи Наполеона, но потому, при всей роскоши деталей (жирная спина, толстые ляжки) он так и не воплощается, не живет той полной жизнью, которой живет, на том же страшном бородинском поле, любой «вымышленный» солдатик. Сталин Солженицына весь «изнутри». Да, он весь «вымыслен», как вымыслена эта ночь, это подземелье, это недомоганье, этот разговор с Абакумовым, это писанье, эта тоска, страх и ненависть — но все это вымыслено «творческой совестью» — другого термина я не могу найти. Эта творческая совесть и есть сила, претворяющая вымысел в жизнь, ту жизнь, которой **мы** живем эти несколько незабываемых часов в сталинском подземелье, узнавая не только что то о Сталине («документ»), а узнавая таинственным способом самого Сталина (творчество). И это можно распространить и на других героев Солженицына — как «положительных», так и «отрицательных». Но может быть в том-то и все дело, что

эти привычные категории не относятся к героям Солженицына, что писатель, больше чем какой либо другой писатель во всей истории литературы, имеющий нравственное право на «моральное сведенье счетов», на распределение всего по категориям «положительного» и «отрицательного», «черного» и «белого», как раз правом этим и не пользуется, а творит и создает свой мир в совсем, совсем другом измерении. В каком? Вопрос этот приводит меня к заключительной, и — для меня — самой главной части этих отрывочных размышлений о Солженицыне.

6.

Не будучи литературоведом, я, конечно, не дерзнул бы вообще писать о Солженицыне, если бы меня не поразило то, что я не могу назвать иначе, как христианским вдохновением его творчества. Для меня в «чуде» Солженицына самое главное, самое радостное то, что первый национальный писатель советского периода русской литературы является одновременно и писателем христианским. Об этом, хотя это и очень трудно, я и хочу сказать в заключение несколько слов.

Подчеркну сразу же, что, употребляя это словосочетание — «христианский писатель» — я имею в виду не личную веру или неверие Солженицына, не принятие или непринятие им христианских догматов, церковных обрядов, самой Церкви и т. д., и, наконец, даже специфически «религиозную проблематику», которая, как мне кажется, не составляет главного содержания его произведений. Я осмеливаюсь утверждать, что официальное исповедание себя тем или иным автором «верующим» или же «неверующим» не может считаться надежным критерием для распознавания христианской или же не-христианской сущности его творчества. Были писатели не только провозглашавшие себя верующими, но и много писавшие о религии и «религиозных проблемах» и которых, все таки, нельзя и не надо считать писателями христианскими. И были писатели, исповедывавшие себя неверующими, но все творчество которых и можно и нужно признать христианским. Покойный Г. П. Федотов назвал «Капитанскую дочку» — «самым христианским произведением русской литературы». Это тем более примечательно, что «богоискательство» столь многих русских писателей, «роман с Богом» нашей литературы, начались никак не с Пушкина, и Розанову, например, да и другим, Пушкин, с этой точки зрения, казался пресным, недостаточно «религиозно-проблематичным». Я убежден, однако, что именно Федотов прав, что русская литера-

тура, в целом, была христианской в ту меру, в какой она оставалась, на последней своей глубине, верной Пушкину и что, наконец, далеко не все в том пресловутом «романе с Богом», особенно же в так называемом «серебряном веке», было христианского корня и христианского вдохновения... Но тогда — в каком же смысле я называю творчество Солженицына христианским, что являет его нам как писателя христианского?

Говоря о «христианском писателе» вообще и о Солженицыне — в частности, я имею в виду некое глубокое и всеобъемлющее, хотя, может быть, и бессознательное восприятие мира, человека и жизни, которое в истории человеческой культуры родилось и выросло из библейско-христианского откровения о них и **ТОЛЬКО** из него. У человеческой культуры в целом были, есть и, возможно будут другие источники, другие «ключи». Но только христианство, только ветхозаветно-новозаветное откровение содержит в себе то восприятие мира, которое, войдя в человеческую культуру, явило в ней не только возможность, но и реальность культуры именно христианской и которое, за неимением лучшего определения, я назову **триединой интуицией сотворенности, падшести и возрожденности**. Я убежден, что именно эта интуиция лежит в основе творчества Солженицына, делает его творчество христианским. Попробую кратко объяснить мою мысль.

Интуиция сотворенности. Христианское восприятие мира и жизни укоренено в ощущении и принятии их изначальной «положительности», пронизанности их тем «добро зело», о котором, как о радостной и положительной санкции Богом своего творения, мы читаем в первой же главе Библии: «и увидел Бог все, что Он создал, и, вот, хорошо весьма» (Быт. 1.31). Ощущение мира, как бессмыслицы и абсурда, «онтологический» пессимизм, отрицание жизни как таковой, манихейский дуализм во всех его проявлениях и оттенках, неизбежно выводит за пределы христианства. Сколько бы ни было в мире уродства, страдания и зла, сколь ни был бы он падшим — а христианство столь же твердо утверждает, что он «во зле лежит» — в первооснове своей он светел, а не темен, осмыслен, а не бессмыслен, хорош, а не плох. Этот глубинный «космизм» христианского мироощущения может затемняться и искажаться, но пока есть пусть самая слабая «отнесенность» к нему в самих первоисточниках творчества, это последнее остается христианским.

Творчество Солженицына почти все, целиком — об уродстве, о страдании и зле. Действительно — мир, созданный им, «во зле

лежит» и не в каком то переносном, метафизическом смысле, а в самом буквальном: в кошмарной реальности концлагеря, Мавринской шарашки и ракового корпуса. Но вот — и пусть проверит меня читатель — нигде, никогда, ни разу во всем его творчестве не находим мы и даже «подслушать» не можем, той — именно «онтологической» — хулы на мир, на человека и на жизнь, которая давно уже зловещим шипеньем исходит из столь многих произведений «современного искусства». Я не могу, за неимением места, да и не хочу приводить цитат, ибо не в цитатах, конечно, дело — а в общей тональности творчества, в его внутренней, одному формальному анализу не поддающейся, «музыке». А в эту музыку Солженицына, всю как будто сотканную из вопля страдания, таинственно входит и в ней таинственно присутствует та самая «хвала», что составляет последнюю, все к себе относящую, глубину — и библейского и евангельского рассказа о мире. Во всем творчестве Солженицына незримо, и все же ощутимо, светит то «утро творения», в которое входит, о котором радуется покинувший раковый корпус Костоглотов: «это было утро творения! Мир сотворялся снова для одного того, чтобы вернуться Олегу: иди! живи!.. И — лицом разойдясь от счастья, улыбаясь никому — небу и деревьям, в той ранневесенней, раннеутренней радости, которая вливается и в стариков и в больных, Олег пошел по знакомым аллеям... В первое утро творения — кто же способен поступать благорассудно? Все планы ломая, придумывал Олег непутевое — сейчас же, по раннему утру поехать в Старый Город смотреть цветущий урюк...».

«Х о р о ш о!»

Интуиция «падшести». Не нужно доказывать, конечно, что зло и страдание стоят в центре солженицынского творчества. Но следует отметить, что зло у Солженицына — из христианского восприятия и переживания «тайны зла». А ни в чем так не различается христианство от не-христианских религий, философий и идеологий, как именно в восприятии зла. Все другие религии и философии направлены, в сущности, на то, чтобы зло **объяснить** и, тем самым, его **обезвредить**, ибо объяснение делает его как бы закономерным и, следовательно, обоснованным: *phenomenon bene fundatum*. Одно христианство, что бы ни утверждали самоуверенные схоласты всех времен, зла не объясняет. Но оно одно зло **являет**. Ибо в том-то все и дело, что для христианства зло — не какая-то, сама в себе обоснованная, «сущность», не «зло в себе», как это кажется иным, даже христианским, обличителям «темных сил». Но

оно и не простой отрицательный знак, всего лишь отсутствие добра, как это кажется рационалистам всех оттенков в их утопическом оптимизме. Для христианства зло — это всегда и прежде всего именно **падшест**. Падшест же может только то, что высоко. И чем выше, прекраснее и драгоценнее то, что падает — тем сильнее ужас, горе и страдание. Зло — это падение высокого, драгоценного и прекрасного и это — страдание, ужас и горе, падением этим вызванные. Ужас от не-должности зла, от несоответствия его природе падающего, горе и страдание от непоправимо разбитого теперь, изначальноного «добро зело». И потому, какими бы причинами ни было падение это вызвано, сколь ни казалось оно «закономерным» и «обоснованным», нет ему ни объяснения, ни оправдания, ни «извинения». Есть только ужас, горе и страдание. Но пережить и ощутить зло как падшест и ужаснуться ему, это и значит **явить зло как зло**. Ибо это значит пережить зло как страшное присутствие, страшную реальность и страшную действенность того, что не имеет «сущности», чего поэтому не должно, не может быть и что все-таки «есть». И весь ужас этого «есть» именно в том, что оно не может быть заглажено, изжито, нейтрализовано никакими «объяснениями».

Именно таково зло у Солженицына. Оно всегда реально, единично, конкретно, а не проявление какого то мирового зла вообще, какой-то в воздухе разлитой «злой сущности». Но потому-то оно и так ужасно, так горестно, так непоправимо. И Мавринская шарашка и раковый корпус это образ не мира, а мира падшего, который самим своим «падением» как раз и свидетельствует о свободе, здорье, жизни... Читая страницы о свидании Нержина с женой, перед окончательной разлукой («...и только тут заметил, что обручального кольца, с которым она никогда не расставалась — на ее пальцах нет...»), всем существом знаешь, что тут не поможет никакое объяснение, как не нужно нам никакого объяснения, когда, каждую Великую Пятницу, мы снова слышим: «и начал ужасаться и тосковать...» Зло у Солженицына реально потому, что оно всегда **лично**. Оно не в безличных «системах» и не от безличных «структур», оно всегда в человеке и через человека. Даже на шарашке и даже в раковом корпусе зло явлено у него не как абсолютная плененность человека какими то стихийными силами и судьбами, за которые все равно никто по существу не ответствен и перед которыми только и остается что, «объяснив» и «приняв» их, — стоически смириться. Зло это всегда и, прежде всего, злые люди, люди, выбравшие и все время выбирающие зло, люди, действительно выби-

рающие служить ему. И потому зло — это, каждый раз, падение, — это, каждый раз, выбор. В «Процессе» Кафка герой — жертва безличного и абсурдного зла, и нет и не может быть выхода и весь кошмар от этой безличности и безвыходности. А кошмар Маврина в том, что люди — живые, конкретные, «личные» люди мучают других людей и в том особенно, что они могли бы, если бы только захотели, не мучить. А это и есть христианская интуиция зла. Христа на кресте распинает не безличная Мойра и не «темные силы», а люди, которые могли бы не распять Его, но которые свободно осудили на смерть Его, а не Варавву. Зло всегда остается у Солженицына в сфере нравственного и, следовательно, личного. Оно всегда отнесено к той совести, которая дана человеку. Оно не недостаток, не отсутствие, не слепота, не безответственность — оно предательство человеком своей человечности, падение...

И наконец, интуиция возрожденности. Это, конечно, не гуманистический оптимизм, не вера в «прогресс», «светлое будущее» и «торжество разума». Всего этого нет в христианском благовестии о возрождении и спасении, нет и в творчестве Солженицына. Но в нем, как и в христианстве, есть неистребимая вера в возможность для человека возродиться, отказ «поставить крест» раз и навсегда на ком бы то ни было и на чем бы то ни было. Все возможно, если находит человек свою совесть, как нашел ее изнеженный и избалованный советник второго ранга Иннокентий Володин, как нашли ее в своей «бессмертной эковской душе» обитатели шарашки. Что в этот предпраздничный, предрождественский вечер толкнуло Володина, заставило его позвонить осужденному доктору, что заставило нескольких человек предпочесть безнадежность каторги относительно благоденствию Маврина? В творчестве Солженицына, в сущности, есть ответ на этот вопрос и приходит этот ответ, в конечном итоге, из совести самого Солженицына. В страшном, уродливом, злом и «падшем» мире подспудно воцаряется, торжествует и светит совесть. Как и тогда, на Кресте, само поражение претворяется в победу. «С высоты борьбы и страдания, куда он вознесся...» — так кончается о Володине. «Но в душах их был мир» — это последние слова о тех, с шарашки. И если так — то ничто не закрыто, не осуждено, не проклято. Все открыто, все остается возможным...

7.

Обо всем этом можно и нужно было бы сказать гораздо больше. Сказанное же звучит, возможно, схематически. Солженицын

— слишком большое явление, чтобы можно было его уложить в схемы. Да и творческий путь его не закончен. Пиша о нем эти, я знаю — недостойные его — строки, я имею только одно оправдание: «от избытка сердца глаголют уста...» Солженицын — радость, а радость всегда хочется разделить с другими.

Еще одно, последнее. Мы живем в эпоху несомненного распада христианской культуры и распад этот связан, в первую очередь, с распадом того мироощущения, из которого она выросла и в котором жила, с распадом «триединой интуиции». Вокруг нас делаются страстные попытки найти для культуры другие корни, другую основу и почву. При этом, и это можно было бы легко доказать, и попытки и страстность эта наполнены необъяснимой ненавистью именно к христианским корням культуры, к определившей ее «триединой интуиции». Богоотступничество культуры! Для христианина самое страшное, конечно, то, что почти уже не видно со стороны христиан никакого сопротивления. Одни готовы уйти в катакомбы, снять с себя всякую ответственность за культуру. Другие готовы перейти — почти восторженно! — в лагерь врага, убежденные, что к этому зовет их само христианство. О «смерти Бога» и о христианском оправдании «секуляристической культуры» больше всего пишут, увы, сами христиане. Оставить культуру дьяволу, который «изначала был лжец» — о мире, человеке и жизни. Или же в этом лжеце добродушно увидеть «ангела света» такова кошмарная дилемма, в которой мы сейчас живем.

И вот, в этой ночи, в стране, уже свыше полустолетия официально отрекшейся от христианского своего имени и призвания, поднимается одинокий человек и всем своим творчеством являет нам ложь и грех этой дилеммы и освобождает нас от нее. Писатель, русский писатель, христианский писатель. За это освобождение, за это свидетельство, за то, что совершается оно в России и в нем Россия снова становится собой и нашей, за то, что сохранил он «незамутненным, непродрогнувшим, неискаженным — изображение вечности, зароненное» ему, мы приносим Александру Солженицыну нашу радостную благодарность.

Вокруг Солженицына

ПИСЬМО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

КОРОЛЕВСКОЙ ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ НОБЕЛЕВСКОМУ ФОНДУ

Многоуважаемые господа!

В телеграмме на имя секретаря Академии я уже выражал и теперь повторно выражаю благодарность за честь, оказанную мне присуждением нобелевской премии. Внутренне я разделяю ее с теми своими предшественниками в русской литературе, кто по трудным условиям минувших десятилетий не дожидаясь до присуждения такой премии, либо при своей жизни мало был известен читающему миру в переводах и даже своим соотечественникам — в подлиннике.

В той же телеграмме я выразил намерение принять Ваше приглашение приехать в Стокгольм, хотя и представлял ожидающую меня, принятую в нашей стране при всякой заграничной поездке, унижительную процедуру заполнения специальных анкет, получения характеристик от партийных организаций — даже для беспартийного, и инструкций о поведении.

Однако, за минувшие недели враждебное отношение к моей премии, проявленное в отечественной прессе, и по-прежнему преследуемое состояние моих книг (за их чтение увольняют с работы, исключают из институтов) заставляют предположить, что моя поездка в Стокгольм будет использована для того, чтобы отсечь меня от родной земли, попросту преградить мне возврат домой.

С другой стороны, в присланных Вами материалах по расписанию вручения премий я обнаружил, что в нобелевских торжествах много церемонийной праздничной стороны, утомительной для меня, непривычной при моем образе жизни и характере. Деловая же часть — нобелевская лекция — не входит собственно в церемониал. Позже, в телеграмме и письме, Вы высказали сходные опасения по поводу суеты, могущей сопутствовать моему пребыванию в Стокгольме.

Взвесив все вышеизложенное и пользуясь Вашим любезным разъяснением, что личный приезд на церемонию не является обя-

зательным условием получения премии, я предпочел в настоящее время не подавать ходатайства о поездке в Стокгольм.

Нобелевские диплом и медаль я мог бы, если такая форма окажется для Вас приемлемой, получить в Москве от Ваших представителей в обоюдном удобном для Вас и меня срок. Как предусмотрено уставом Нобелевского фонда, в течение полугода от 10 декабря 1970 года я готов прочесть или предьявить письменно Нобелевскую лекцию.

Письмо это — открытое, и я не возражаю, если Вы опубликуете его.

С лучшими пожеланиями,

А. Солженицын.

27 ноября 1970 г.

ТЕЛЕГРАММА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА,

посланная в Стокгольм

вместо приветственного слова на банкете 10 декабря 1970 года

Ваше Величество! Дамы и господа!

Я надеюсь, что мое невольное отсутствие не омрачит полноты сегодняшнего церемониала. В чередке коротких приветственных слов ожидается и мое. Еще менее я хотел бы, чтобы мое слово омрачило торжество. Однако, не могу пройти мимо той знаменательной случайности, что день вручения Нобелевских премий совпадает с Днем Прав человека. Нобелевским лауреатам нельзя не ощутить ответственности перед этим совпадением. Всем собравшимся в стокгольмской ратуше нельзя не увидеть здесь символа. Так, за этим торжественным столом не забудем, что сегодня политзаключенные держат голодовку в отстаивании своих умаленных или вовсе растоптанных прав.

А. Солженицын.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО М. РОСТРОПОВИЧА *)

ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРАМ ГАЗЕТ «ПРАВДА», «ИЗВЕСТИЯ»,
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

Уважаемый товарищ Редактор!

Уже перестало быть секретом, что А. И. Солженицын большую часть времени живет в моем доме под Москвой. На моих глазах произошло и его исключение из Союза Писателей — в то самое время, когда он усиленно работал над романом «1914-ый год», и вот теперь награждение его Нобелевской премией и газетная кампания по этому поводу. Эта последняя и заставляет меня взяться за письмо к Вам.

На моей памяти уже третий раз советский писатель получает Нобелевскую премию, причем в двух случаях из трех мы рассматриваем присуждение премии, как грязную политическую игру, а в одном (Шолохов) — как справедливое признание ведущего мирового значения нашей литературы. Если бы в свое время Шолохов отказался бы принять премию из рук присудивших ее Пастернаку «по соображениям холодной войны», — я бы понял, что и дальше мы не доверяем объективности и честности шведских академиков. А теперь получается так, что мы избирательно то с благодарностью принимаем Нобелевскую премию по литературе, то бранимся. А что, если в следующий раз премию присудят т. Кочетову? — ведь нужно будет взять!? Почему, через день после присуждения премии Солженицыну, в наших газетах появляется странное сообщение о беседе корреспондента Икс с представителем секретариата Союза Писателей о том, что **вся** общественность страны (т. е. очевидно и **все** ученые и **все** музыканты и т. д.) активно поддержала его исключение из Союза Писателей? Почему «Литературная Газета» тенденциозно подбирает из множества западных газет лишь высказывания американских и шведских коммунистических газет, обходя такие несравненно более популярные и значительные коммунистические газеты, как «Юманите», «Леттр Франсез», «Унита», не говоря уже о множестве некоммунистических? Если мы верим

*) Мстислав Растропович — виолончелист, приобретший за последние годы мировую славу. За это открытое письмо, власти отменили все заграничные гастролы Растроповича.

некоему критику Боносому, то как быть с мнением таких крупных писателей как Белль, Арагон, Франсуа Мориак?

Я помню и хотел бы напомнить Вам наши газеты 1948 года, сколько вздора писалось там по поводу признанных теперь гигантов нашей музыки С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича, например: «т.т. Д. Шостакович, С. Прокофьев, В. Шебалин, Н. Мясковский и др.! Ваша атональная дисгармоническая музыка **ОРГАНИЧЕСКИ ЧУЖДА НАРОДУ**... Формалистическое трюкачество возникает тогда, когда налицо имеется немного таланта, но очень много претензий на новаторство... Мы совсем не воспринимаем музыки Шостаковича, Мясковского, Прокофьева. Нет в ней лада, порядка, нет широкой напевности, мелодии». Сейчас, когда помотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что С. С. Прокофьев при жизни так и не услышал последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Мясковского, Хачатуряна.

Неужели прожитое время не научило нас осторожнее относиться к сокрушению талантливых людей? Не говорить от имени всего народа? Не заставлять людей высказываться о том, чего они попросту не читали или не слышали? Я с гордостью вспоминаю, что не пришел на собрание деятелей культуры в Центральный дом Работников искусства, где поносили Б. Пастернака и намечалось мое выступление, где мне «поручили» критиковать «Доктора Живаго», в то время мной еще не читанного.

В 1948 г. были списки запрещенных произведений. Сейчас предпочитают устные **ЗАПРЕТЫ**, ссылаясь, что «есть мнение», что это не рекомендуется. Где и у кого есть **МНЕНИЕ** — установить нельзя. Почему, например, Г. Вишневской запретили исполнять в ее концерте в Москве блестящий вокальный цикл Бориса Чайковского на слова И. Бродского? Почему несколько раз препятствовали исполнению цикла Шостаковича на слова Саши Черного (хотя тексты у нас были изданы)? Почему странные трудности сопровождали исполнение 13 и 14 симфонии Шостаковича? Опять, видимо, «было мнение»... У кого возникло «мнение», что Солженицына нужно выгнать из Союза Писателей? — мне выяснить не удалось, хотя я этим очень интересовался. Вряд ли пять рязанских писателей-мушкетеров отважились сделать это сами без таинствен-

ного «мнения». Видимо, МНЕНИЕ помешало моим соотечественникам и узнать проданный нами за границу фильм Тарковского — «Андрей Рублев», который мне посчастливилось видеть среди восторженных парижан. Очевидно, МНЕНИЕ же помешало выпустить в свет «Раковый корпус» Солженицына, который уже был набран в «Новом Мире». Вот, когда бы его напечатали у нас, — тогда б его открыто и широко обсудили на пользу автору и читателям.

Я не касаюсь политических, ни экономических вопросов нашей страны. Есть люди, которые в этом разбираются лучше меня, но объясните мне, пожалуйста, почему именно в нашей литературе и искусстве так часто решающее слово принадлежит лицам, абсолютно не компетентным в этом? Почему дается им право дискредитировать наше искусство в глазах нашего народа?

Я ворошу старое не для того, чтобы брюзжать, а чтобы не пришлось в будущем, скажем — еще через 20 лет, стыдливо припрятывать сегодняшние газеты.

Каждый человек должен иметь право безбоязненно самостоятельно мыслить и высказываться о том, что ему известно, лично продумано, пережито, а не только слабо варьировать заложенное в него МНЕНИЕ. К свободному обсуждению без подсказок и одергиваний мы обязательно придем.

Я знаю, что после моего письма непременно появится МНЕНИЕ и обо мне, но не боюсь его и откровенно высказываю то, что думаю. Таланты, которые составляют нашу гордость, не должны подвергаться предварительному избиению. Я знаю многие произведения Солженицына, люблю их, и считаю, что он выстрадал право писать правду, как ее видит, и не вижу причины скрывать свое отношение к нему, когда против него развернута кампания.

Мстислав Ростропович.

31 октября 1970 года.

СУДЬБЫ РОССИИ

В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ

Лев ВЕНЦОВ

ДУМАТЬ!

Душа моя, меня тошнит с досады — на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость, — долго ли этому быть?

А. С. Пушкин — Л. С. Пушкину.
Январь—начало февраля 1824 г.

Унылая мгла заурядности обволакивает одну шестую часть планеты. Руководство — скорее, правда, инстинктивно, чем с обдуманым намерением (способно ли оно мыслить — проблематично!) — принялось с корнем драть культурные ценности, нащупывая более прочную для себя опору в духовной опустошенности и нравственном одичании обывателей.

Литература подменяется заведомой макулатурой. Проводится сокращение издательских планов и тиражей. Неудобные статьи, книги, номера журналов пускаются под нож, изымаются из библиотек. Писатели отеснены чинами государственной безопасности. Изгнаны со сцены будоражащие спектакли. Талантливых режиссеров травят. Кинематография наша — в руинах, а вместо нее при полупустых залах показываются патриотические бессмыслицы, небылицы про чекистов и десятилетней давности завал зарубежной массовой дешевки. Между прочим, по тому, какие фильмы отбираются сейчас для внутреннего проката из продукции мирового кино, можно хорошо разглядеть культуртрегерские чаяния руководства: ничего серьезного, ничего, ставящего социальные или нравственные проблемы, и, конечно же, ничего, в чем запечатлелись новейшие искания современного духа. Про живопись нечего и говорить: она почти исчезла с официальных выставок уже после хулиганского дебоша в Манеже, устроенного Хрущевым. Из научных институтов гонят ученых, для которых гражданский долг и смысл их профессии дороже государственных подачек за ничегонеделание. Недопущение интеллигентной молодежи

к высшему образованию поднято на уровень государственной политики (боятся, как бы не появилось мыслящее студенчество!).

И все это — с безудержным размахом, возможным лишь при победившем социализме, сосредоточившем все материальные средства общества в одних безответственных руках.

Но заблуждением и упрощением было бы думать, будто война, ведомая сейчас против культуры, — дело одного руководства. За долгие десятилетия, когда меньше всего ценилось качество — научное или художественное — расплодилось масса писателей, не владеющих словом, художников, компенсирующих свою неумелость и бездарность правозверностью тематики, ученых, не ведающих ничего, кроме нескольких предписанных формулировок. Они повсюду продвинуты на начальственные должности, образовав социально могущественный класс людей, для которых бескультурье — естественная среда обитания. В гонениях на культуру они всегда впереди, оказываясь в этом деле не только расторопными исполнителями, но и находчивыми активистами. Им только позволено — они бы сложили костры из книг. И вот им понемногу позволяют...

Кроме того, у множества более сведущих специалистов беспринципность превратилась в нечто, подобное привычному вывиху. Они на лету ловят начальственные веяния, готовые в любой момент сорваться, чтобы травить, вымарывать, прорабатывать и застраивать кого следует или что следует. Собственно, вся их квалификация заключается в приученности к «идейной борьбе». Прекратись эта борьба, и они окажутся не у дел. Они-то, что-то знающие и что-то умеющие, оказываются главными проводниками государственных мероприятий по корчеванию культуры.

В итоге едва прозябшие после холодов сталинизма ростки общественного самосознания потопляются водяным напором вранья, тупоумия и косноязычия. От каждого добиваются, каждого запугивают, чтобы — замарался, чтобы — донес, предал или соврал, чтобы — переметнулся в становище ничтожеств, трусов и корыстолюбцев, людей легкого поведения, на все готовых.

Режим инстинктом чувствует свой духовный крах. Обстоятельства и факты жизни сплошь противоречат его хвастливым реляциям. Чтобы оградить себя от правдивого сознания происходящего, он стремится сохранить в целостности обветшалые формулы, которые буквально ничего общего не имеют с тем, что происходит вокруг. Он хорошо знает, что любое приложение инициативы или

проявление личностного подхода рушит официальное идеологическое построение как карточный домик.

Нет ныне для режима врага закоренелей, страшней, а потому и ненавистней, чем совесть. На нее-то негласно, под покровом уж не один год делящейся кампании «идеологического воспитания» интеллигенции, ведется травля, для нее трусливо и подло придумываются мытарства: клевета, аресты, заключения в сумасшедшие дома бессрочно, изгнание со службы с волчьим билетом при угрозе последующих обвинений в туеядстве и ссылок.

Человеческая порядочность поставлена перед гнусным выбором между кнутом и пряником.

И каждый, кому повезло обрести в этой стране хоть крохи духовности, рискует растерять их в толкотне напролом ломающегося, все менее застенчивого, все более наглежащего шкурничества. Шкурник возведен в ранг государственного человека. Для него, и только для него открыты шлюзы карьеры, привилегий, наград и почета. Он ныне, откормленный на партийных пайках и принаряженный в заграничный костюм, который добыт им в командировках за рубеж, бормочет о трудовых подвигах, о жертвах на благо отечества, о борьбе за интересы угнетенных.

Как легко и просто можно дойти под давлением всех этих обстоятельств до состояния неизменно понукаемого человекоподобия, — столь обвыкшегося, что даже боли не испытывает от собственного ничтожества и постыдности! Лукавое стояние в стороне, опасливое помалкивание, когда совесть велит говорить в полный голос, — не сходят даром. Стыдливо пряча глаза перед насильниками, становишься соучастником: так пал на наши головы позор вторжения в Чехословакию. Малейшая измена себе и другим, совершенная даже с осмотрительностью и вроде никому не во вред, губельна для личности. Она прилипает к человеку, извращая его чувства и реакции, корежа волю. Рассудок угодливо подсунет оправдания и резоны: то время не пришло, то смысла нету, то для пользы дела нужно уступить. И вот, сам того не заметив, становишься таков, какому прежде и руки бы не подал. Сколько уж мы насмотрелись на подобные преобразования!

Но духовный распад, утрата собственного «я», бесчестие неправедной службы кошмарнее для самосознательного человеческого существа телесных страданий и даже физического исчезновения. Этого не уразуметь преследователям-шкурникам, как не уразуметь кошке (будь она даже наделена возможностями разу-

мения), почему это человеку отвратно и невыносимо лакомиться мышатиной. Естественное омерзение лишь обостряется их понуканиями.

В этом и ни в чем ином — коренная причина разрыва культуры и интеллигенции как носительницы культуры (1) — с руководством, с режимом. Не политические доктрины, не «идеологии», не партии и классы столкнулись здесь, а вовсе иное, более глубинное, самое глубинное: правда и лганье на потребу: честность и низменнейшего потреба корысть; чувство справедливости. теплота человеческого участия и осатаневшая в трусливой мнительности жестокость; правосознание и беззаконие; наконец, чувство собственного достоинства и ощущение собственного ничтожества, возведенное в жизненный принцип.

Историческая коллизия замкнулась на личности, обязанность выбора поставлена перед каждым, кто обладает развитой способностью выбирать. От того, что выберет каждый, качнутся весы истории. Ведь это вздор, будто судьба страны и мира никак не зависит от поведения людей. Лучше не прятаться за эту лживую басню и понять меру собственной ответственности. Во всяком случае, сфера культуры целиком и полностью зависит от тех, кто эту культуру создает. И если рушится культура, то не без прямого участия или хотя бы содействия молчанием со стороны служилых интеллигентов.

И тут нет промежутка, невозможен средний путь. Разве что противная сторона вынудится обстоятельствами к уступкам, — но откуда же ей, невежественной и сеющей невежество, набраться ума-разума, чтобы посчитаться с обстоятельствами?

Не интеллигенция, а нынешнее начальство с его пособниками повинны, что выбор столь жестоко определился. Но он, действительно, определился, отступить честному человеку некуда. Лишь ежеминутно отстаивая себя, отвечая на удары, сберегая инициативу, можно соблюсти свою честь и достоинство, свой ум и сердце.

Так думают, или по крайней мере чувствуют многие: не могут не думать и не чувствовать.

(1) Кого сегодня в России можно причислить к интеллигенции — это еще вопрос, подлежащий исследованию. Ясно только, что, например, рабочие Владимир Буковский или Анатолий Марченко — интеллигенты, а Константин Федин или академик Келдыш — нет. Принадлежность к интеллигенции не определяется сейчас социальным статусом, ни дипломами, выдаваемыми советскими учреждениями. Интеллигентность — это такое качество, которое можно не только приобрести, но и потерять.

Конечно, при нынешних обстоятельствах, при тяжести жертв, которые приходится взваливать на себя, при непрочности к тому же духовных ценностей в людях, число честных интеллигентов будет сокращаться. Но сила интеллигенции, сила культуры — не в количестве, а в качестве. А, кроме того, на смену сбежавших, наверное, придут новые.

Конфликт перенесен в самые основаначала нравственности. Сущность его не прикрыта более идеологическим мифом (как было в сталинские времена), не перепутана привходящими обстоятельствами. Сегодня в наших условиях — не различить правду от лжи может только скотская бездарь. Точно так же не ощутить ныне, в чем социальное зло, — значит начисто не владеть нравственными представлениями. Изначальные гуманитарные ценности: истина, добро — обнажились. Они хорошо различимы сегодня хотя бы потому, режим в целом не в силах даже притворно притязать на причастность к ним. Духу он способен противопоставить только кулак, чем только подчеркивает невозможность для себя противоборствовать ему духовно. И когда-нибудь примеры из нашего времени станут хрестоматийны для воспитания хороших детей.

В духовной ясности сложившейся ситуации, в непререкаемости и недвусмысленности предлагаемого ею выбора — коренная слабость режима и источник, щедро питающий противостоящие ему умонастроения.

Однако, ясность эта может не только содействовать умственной зоркости, но и ослеплять. Резкое, без оттенков разделение воспринимаемого нами мира на белое и черное — разделение, производимое сейчас в нашей стране как бы самой историей, доставшееся нам почти без собственных умственных усилий, — дает лишь грубо приблизительные ориентиры. С этим нечего было бы делать, например, большому художнику.

Вы становитесь свидетелем рассчитанного на безнаказанность хулиганства или своекорыстного лганья, способного замутить лишь девственно нетронутые мозги. Вмешаться, протестовать, сказать правду, пренебрегая опасностью для себя лично, — тут первый и естественный позыв. Было бы подло осуждать кого-то за подобные импульсивные действия. В наших обстоятельствах к ним рано или поздно вынуждается в той или иной форме любой человек, если он просто честен. Такие действия пробивают брешь в показном единомыслии, и потому чрезвычайно важны для нравственного оздоровления. Но все же нельзя не отметить, что та легкость, с которой находится при этом безукоризненная линия поведения, может

способствовать умственной лени. Этим недугом и по той же причине издавна страдала русская интеллигенция. Плакатная наглядность творимого на наших глазах зла рождает абстрактность и, соответственно, неполноту добра.

Гадость, подлость и глупость окружающего вызывает не только нетерпеливый вопрос: «долго ли этому быть?», но и произвольное предчувствие, что «это» — пальцем тронь, развалится. Тогда основой нравственного поведения становится ничем, в сущности, не оправданный социальный оптимизм, вызванный всего лишь оценочным нравственным суждением, но не разумным анализом ситуации. Но, вновь и вновь наталкиваясь на удручающие факты, такой оптимизм легко переходит в глухой пессимизм, стирающий различие между добром и злом. Ибо между добром и злом, между честным и бесчестным поступком, действительно, не было бы разницы, если бы одно лишь зло всегда, везде и во всех отношениях торжествовало.

Вопрос об отношении истины и добра к истории, о их роли нами даже не поставлен, хотя на размышления об этом наталкивает, казалось бы, сама ситуация, в которой мы оказались. В сущности, интеллигенция наша бессознательно придерживается в этом вопросе полностью опровергнутых опытом просветительских идей, уповающих на силу убеждения и пропаганды. Совершенно не берется в расчет как созидательная, так и разрушительная сила иррациональных начал истории, хотя мы на каждом шагу видим, как и режим в целом, так и отдельные индивиды поступают наперекор разуму.

Немногим, наверное, удалось избежать обязанности сдавать экзамены на благонадежность: обществоведение ли, историю ли партии, марксизм-ленинизм и т. д. Приходилось, вероятно, каждому присутствовать на соответствующих семинарах и лекциях, слушать или даже произносить доклады. Книги, которые мы читали, газеты, которые мы просматривали, даже произведения искусства, с которыми мы общались, — все они по большей части преисполнены марксистского духа или подобраны так, чтобы этому духу не особенно противоречить. Материализм стал той атмосферой, в которой протекало интеллектуальное созревание большинства из нас. Это оказывалось тем более тотально, что мы были десятилетиями отрезаны от противоречащих материализму и опровергающих материализм философских воззрений.

Это следует в полную меру учесть и помнить за собою, ибо становление культуры, возрождение духовных ценностей возмож-

но у нас сейчас лишь в противовес материализму. Существенно, разумеется, не пресловутое решение «основного вопроса философии» — что же первично, материя или дух? — а личностная, жизненная позиция, которая стоит за этим решением. Не тем важна для нас философия, что она умствует над проблемами, которые, в сущности, нас никак не затрагивают. А тем, что — осознанно или исподволь — она становится нашей натурой, диктует нам цели действий, предписывает средства, освящает то и другое смыслом.

Так вот, стоит только подойти к сложившейся у нас исторической ситуации с материалистическими мерками, как от нее повеет глухой безнадежностью. Если априорно признавать примат материального начала над духовным, то, естественно, духовное будет выглядеть беспомощным перед любой материальной силой. Тут и рассуждать нечего. И каждый раз, когда у нас опускаются руки, когда представляется, будто всякий протест бессмыслен, когда нами внезапно овладевает желание с полным комфортом плыть по течению, — это говорит в нас материалист, который волею самой истории превратился к 70-м годам в России — в циника и шкурника.

Пресловутая апелляция к «реализму», столь полюбившаяся с некоторых пор нашей дипломатии, каждому понятна. Она означает: «А то по морде дам!». При этом «реалистически мыслящий» человек должен смекнуть, что ведь и на самом деле неровен час, а потому — поостеречься. И тот, кто угрожает, и тот, кто покорно угрозам внемлет, — оба, в сущности, материалисты. Они согласны между собою, по крайней мере, в одном: что ни право, ни справедливость, ни истина, ни красота никакого, абсолютно никакого значения против кулака не имеют. А потому, согласно материалистическому мировоззрению, неизбежна победа материально сильнейшего. Да тут и побеждать нет нужды, ибо материальная сила признается и правом, и справедливостью, и истиной, и красотой — отождествляется с ними.

Конечно, я утрирую, но не настолько, чтобы вовсе погрешить против правды. С того момента, например, как Дубчек стал на «реалистическую» позицию, он уже фактически расчистил место для Гусака. «Реализм» — то бишь материализм — стал идейной предпосылкой всяческого коллаборационизма (так было, разумеется, не всегда). В любом материалисте, в той мере, в какой он исповедует материалистическое мировоззрение, сидит маленький Дубчек с неизбежными превращениями его в Гусака, Штроу-

гала и других подобных. Для полной ясности приведенного примера надо только подчеркнуть, что позиция Дубчека была и до сих пор остается не вовсе материалистической, что, видимо, и помогает ему оставаться не вовсе овцой.

Пока не будет в полной мере осознано, что культура может быть не только средством, но и целью, пока не будет до конца осмыслена самооценочность духа и духовность жизни, пока мы не поймем, что социальные обстоятельства приходят и уходят, а достижения человеческого свободного творчества остаются, что грубая физическая сила бессильна против истины, справедливости и красоты, наша собственная среда останется очень далека от идеала, даже от нормы. И действительно, часто единственной скрепой, удерживающей нас в рамках порядочности, оказывается огульная мораль, склонная утверждать стадные, косячные нормы поведения, которые уж никак не пристали людям, притязающим быть внутренне свободными. Наши моральные приговоры часто не бережны к личности, не уважают ее, не имеют желания посчитаться со сложностью индивидуальной обстановки, с неповторимостью каждого индивидуального случая. От того мы оказываемся иногда не в меру жестоки и судим о людях резче, чем они того заслуживают, как и наоборот, европейская толерантность превращается у нас, бывают случаи, в российскую непристойную терпимость. Мания преследования, подозрительность, готовность в каждом признать стукача, или напротив, непростительное легкомыслие, нетребовательность к себе и ближним, болтливость, суетность, фронтдерство — все это недуги, отнюдь не свидетельствующие о работоспособности нашего нравственного потенциала.

Наши суждения о прошлом и настоящем, об истории мировой и российской, о ближайшем будущем и более отдаленном недалеко ушли от предрассудков пикейных жилетов, от слепорожденных суждений здравого смысла. Размываясь эмоциональными всплесками «оптимизма», «пессимизма», о которых сейчас так много толкуют по интеллигентным квартирам, наше социальное видение не руководит нашими душевными состояниями, не контролирует их, а, напротив, подвержено их перепадам. Слабость знания и сознания оборачивается недостаточностью здоровой мужественности.

Наш младенческий дух не всегда бывает на высоте бескомпромиссной жестокости ситуации, непререкаемости выбора. Младенец чист душой, но и наивен. Его устами глаголет истина, но только такая, для постижения которой достаточно непредвзятости.

Он беден опытом, а потому дерзок и нетерпелив там, где нужен такт, или оказывается во власти страхов, когда бояться, собственно, нечего.

Наивной отвлеченности, неконкретности наших воззрений способствует также отсутствие прямой культурной традиции, на которую можно было бы нам опереться. Позади — десятилетия постыдного лакейства и капитулянтства так называемой «советской интеллигенции». Вонючие отбросы былого душевного и интеллектуального распада засоряют почву, которая должна прорасти новыми побегими. Они — не только в привычке к прямому литературному доносительству, которым пробавлялись целые поколения, но и в привычке материалистического философствования, слепого к непреходящей ценности всего духовного. Мирозрение наше как бы от рождения уплощено, неглубоко, однолинейно. Символический язык обстоятельно развитой культуры остается для нас чужд. Сравнительно легко противопоставить себя всему этому нравственно, но гораздо труднее — интеллектуально.

Правда, в наш культурный обиход, несмотря на запретительные государственные мероприятия, входят имена Пастернака, Мандельштама, Ахматовой, Булгакова, Бердяева, но их мировосприятие все же остается для нас слишком сложным, слишком утонченным, не ухватывается как непосредственно наша собственная, личностная позиция. Увлечение даже Солженицыным нет-нет да и соскальзывает просто в моду.

Вокруг нас — обездуховленная, забывшая о совести, лишенная знания, задурманенная масса, не умеющая пока что хотя бы испытать отвращение к убийствам и мучительствам, царившим еще и при ныне живущих поколениях. Припертые состоявшимися уже разоблачениями, руководители наши что-то лепечут о досадных ошибках сталинского периода или заверяют, что не будут пересматривать решения каких-то там съездов. Они так далеко зашли и так душевно извратились, что и понять не в состоянии, насколько саморазоблачительны эти фразы об «ошибках» применительно к массовому уничтожению людей. Выходит, что ошибка отдельного человека, совершенное отдельным человеком, должно наказываться со всей строгостью закона. А убийство сотен тысяч при злоупотреблении властью может будто бы проститься или смягчиться упоминаниями о каких-то заслугах. Тут ли не праведен гнев?

Но гнев, пусть даже праведный, замутняет или вовсе вытес-

няет спокойный анализ. Жажда немедленного и единовременного поступка сужает кругозор. Соппротивление насильникам и поклонникам насилия остается достаточно напористым, но действенным лишь наполовину — в сравнении с тем, что могло бы обеспечить всестороннее знание ситуации. Узость и мелкота наших собственных представлений об окружающей нас действительности уравнивает нас с ней, лишает наших главных преимуществ.

И вот потому-то необходимо, чтобы наперекор потугам насильников, мы не только сохранили бы нравственную чистоту, не замарались их делами, но и оберегли бы, развили бы нашу культуру. Культурное творчество должно стать положительным аспектом нашей борьбы. Нам нужно универсальное и доказательное знание, которое может быть добыто только усилиями многих лишь путем тщательных экономических, исторических, социологических, и при том, вполне на уровне современной мировой науки, исследований. Нам необходима собственная философия, которой пока что мы не имеем. Претворение богатств мировой культуры в наше собственное, внутреннее богатство — вот что нам нужно.

Нам скажут, наверно, что предложения наши достаточно утопичны, ибо круг действительно культурных людей в нашей стране невероятно узок, что народу чужды их устремления, что оставаясь на почве культуры, они не найдут общего языка с обществом, не смогут повлиять на его развитие, не смогут противостоять бремени цензурных и других преследований. Но все эти возражения и предостережения мы принимаем в качестве предпосылок нашего анализа. Мы согласны: да, все обстоит именно так. Но мы спрашиваем, далее: если все обстоит так, то значит ли это, что ничего нельзя делать, что ничего делать не нужно?

Гонители культуры все-таки знают, что они делают. Они чувствуют, что присутствие культуры в стране связывает им руки, вынуждает быть, по крайней мере, более осмотрительными, лишает их той самоуверенности, которая побуждает поступать с истиной и миром, как с аморфным куском глины. Нет никакой обязательной надобности, чтобы культура конструировалась в политическую партию и выдвигала единую программу социальных преобразований, за которую следует вести массы на баррикады. Такой способ действий противен природе культуры, а в нашей стране дал всем хорошо известные печальные плоды. Припомните: что оказывается нежелательным в культуре с точки зрения существующего режима? Тут и современные социологические кон-

цепции, и философские теории от Ницше до Камю, и Кафка, и Фрейд, и современная живопись, и атональная музыка, и драматургия Шекспира, в которой вдруг зазвучал со сцены «неконтролируемый подтекст», и Салтыков-Щедрин, и даже «Три сестры» Чехова в их новом прочтении. Невозможно перечислить все то, что оказалось в мировой культуре неприемлемым для режима. И вот в развитие этого, неприемлемого для режима содержания культуры, и должны мы вкладывать свои усилия. Что же тут невозможного, что же тут утопического?

Многое из ранней лирики Пушкина не только было напечатано не сразу, но и не предназначалось для печати. «Медный всадник» был напечатан только после смерти поэта. На наших глазах увидели свет некоторые отнюдь не безобидные стихи Пастернака из «Доктора Живаго», произведения, еще совсем недавно столь хамски ошельмованного. Не массовость распространения, не непосредственная популярность, а качество, глубина отклика на реальность обеспечивает культурным ценностям их конечную ответственность. А это в конечном счете зависит от нас самих!

Пусть создаваемые сейчас художественные и научные произведения встретят десять, двадцать, сто понимающих читателей. Если они того стоят, то в конечном счете все равно окажутся необходимым вкладом в духовное развитие страны, в ее историю. Так воскресает сейчас для жизни в веках загнанная было в глубокое подполье поэзия Мандельштама.

Едва ли история знает много примеров, когда даже величайшим из деятелей культуры удавалось непосредственно повлиять на ход событий, чтобы повернуть их в лучшую сторону. И Платон оказался проданным в рабство, и Томасу Мору отрубили голову. Но кто посмеет утверждать, что культура в целом не оказала никакого влияния на судьбы человеческого мира? И на каком основании мы полагаем, что наша собственная деятельность должна дать более скорый социальный результат, а в противном случае отказываемся вообще действовать?

Да, руки чешутся действовать и нельзя не действовать. Но — «в начале было слово». Слово, мысль — вот первое дело, которое по логике вещей должно предшествовать остальным. Только так, но не наоборот. А то ведь мы с тяжелейшими жертвами боремся за свободу слова в нашей стране, но мало что при этом говорим интересного или твердим одно и то же.

Заметьте: вольное наше слово, которое сумело стать фактом общественной жизни только благодаря так называемому «Самиздату», в значительной своей части посвящается разоблачениям. Конечно, разоблачения прошлого необходимы как первая ступень пусть только негативного познания. Они необходимы и в самом насущном смысле, поскольку былые преступления пытаются замолчать, чтобы не лишиться возможности повторить их вновь. Конечно, разоблачение текущих беззаконий очень нужно хотя бы в целях самозащиты. Но разоблачать — это значит, вообще-то говоря, апеллировать к самоочевидности. Так вот, мы спрашиваем: все ли вокруг нас самоочевидно? Достаточно ли понята нами наша жизнь? достаточно ли ясны для самих себя мы сами?

Режим, если отвлечься от суконых фраз, которыми он старается прикрыть свою наготу, держится на голом корыстолюбии. Его опора — множество никчемностей и бездарностей, определенно чувствующих, что при любой резкой перемене они лишатся своих кормушек. Но грубо материальный инстинкт исключает самоанализ, как и анализ ситуации. В нем есть только уверенность дикаря, который прочно убежден, что жрать других — хорошо, а когда его самого жрут, — плохо.

Ничего подобного нет в нынешней оппозиции режиму. Она бескорыстна и духовна. Всей мощи пропагандистского аппарата, которой владеет режим, оказывается недостаточно, чтобы приписать ей хоть какой-то эгоистический интерес, и таким образом, принизить до себя. Именно **духовность** оппозиции оказывается той реальной силой, хотя она и невыразима в физических единицах, на которую режим наталкивается, как на стену, каждый раз, когда стремится ее уничтожить. Эта сила каждую победу режима делает пирровой, оборачивает ее потерей престижа и утратой еще одной доли идейной оправданности.

Но тем более оппозиция призвана разрабатывать, растить свою духовность. Она, в отличие от нахлебников режима, должна быть подвижна не инстинктом, — пусть даже «добрым», — а самосознанием. Рабству инстинкта она противопоставит свободу знания. Ибо свобода определяется не только соблюдением правовых установлений, которого мы справедливо добиваемся. Она важна лишь при развитом чувстве ответственности, когда наши действия непосредственно соотносятся с духовно всеобщим и воплощают его. Умение смотреть на самого себя и на окружающее с точки зрения всеобщего — это, пожалуй, главное отличие человека интел-

лигентного от невежды. Долгое время склонность к рефлексии и саморефлексии, готовность критически смотреть на самого себя и «копаться» в самом себе считалась едва ли не главным пороком интеллигента. Последствия этого антиинтеллигентского предрассудка известны. Он поставил целую страну на грань духовного марзма. Так стоит ли нам повторять пройденное?

Да, у нас нет выбора: сопротивляться ли уже сегодня или дожидаться лучших времен. Но сопротивление наше должно быть творческим, созидательным, а не просто отрицающим и стоящим на месте. Лучшие времена — внутри нас, если им вообще суждено наступить. Но именно потому мы не можем себе позволить притерпеться к бедности нашего духа. Даже если лучшие времена не наступят (дали истории — потемки), то мы все же сделаем свое дело, внося свой вклад в отечественную и мировую культуру, претворив наше трагическое существование во всеобщность знания, опыта, формы. У нас есть что сказать миру. Нужно только найти в себе силу и мужество, и суровую трезвость, чтобы сказать это. Не столь страшно действовать и творить вопреки желаниям начальства, как смотреть на неприкрытую истину.

Лишь умирают в одиночку. Жить же нужно сообща, в общении, при взаимной поддержке — не одной только материальной и нравственной (это в какой-то мере имеется), но и интеллектуальной. В абсолюте, рассуждая философски, духовные потенции развитой человеческой личности неисчерпаемы, а ее воля несокрушима. На самом же деле, в реальности, каждый нуждается в духовной среде, в культуре, которая бы его питала. Через любые препоны, заслоны, застенки проникает теплота человеческого участия, если оно не подавлено, не пущено по ветру. Мужественное поведение многих политических заключенных новой формации, с которым неожиданно для себя столкнулся режим, — не только их святая личная заслуга, но также и выражение той высокой нравственной атмосферы, которая уже стала фактом нашего существования. Но еще благодетельнее, когда, вместе с участием, люди обмениваются и богатством добытых ими идей. Если этого нет, бунт одиночки невольно возбуждается до истерии и затухает.

Нас стараются разрознить, расколоть, обособить друг от друга давлением силы, цензурой и ложью. Господствующая идеология практически обрекает людей на своего рода публичное одиночество, потому что в ней нет, в сущности, ничего, что способствовало бы или могло бы стать предметом духовного обмена. А ответом

нашим может быть только единение — не организованное, не партийное, не внешнее, а духовное, внутреннее, — единство, которое не исключило бы, а, напротив, предполагало разнообразие идей, позиций, интересов и темпераментов. Такое единство и зовется культурой.

Бескультурью режима мы противопоставим культуру.

А потому на извечный российский вопрос: «Что делать?» — следует ответить так: «Думать!».

Лето 1970 года.

„ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ“ *)

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное высказывание их. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Всеобщая декларация Прав Человека, стр. 19.

Выпуск № 15

31 августа 1970 г.

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИИ

СОДЕРЖАНИЕ: Суд над Наталией Горбаневской. — Суд над Ольгой Иофе: Арест Р. И. Пименова. — Политические процессы в городах. — Дело А. Э. Левитина-Краснова. — Обыски и аресты среди евреев, желающих выехать в Израиль. — В Мордовских лагерях. — Внесудебные преследования. — Краткие сообщения. — Новости Самиздата. — Исправления и дополнения.

СУД НАД НАТАЛИЕЙ ГОРБАНЕВСКОЙ**)

7 июля 1970 г. состоялось заседание судейской коллегии по уголовным делам Мосгорсуда по делу Горбаневской Н. Е.

Председатель Богданов В. В.

Народные заседатели: Андреев, Заславская.

Прокурор Праздникова.

Адвокат Каллистратова С. В.

Эксперт проф. Лунц Д. Р.

Начало судебного заседания 10.30.

Окочание 00.40.

*) “Хроника текущих событий” — первое подпольное периодическое издание в России собирает и публикует сведения о нарушении человеческих прав в СССР. Первые 14 выпусков были изданы на Западе в пяти специальных номерах “Посева”.

**) Стихи Н. Горбаневской были напечатаны в “Вестнике” РСХД № 94, 1969 г. Сборник ее стихотворений, а также “Полдень”, были опубликованы издательством “Посев”. См. последние стихи Н. Г.

Председательствующий, открыв заседание, опрашивает стороны о заявлении ходатайств. Защита ходатайствует об отложении дела в связи с тем, что на изучение материалов дела в 4-х томах было предоставлено лишь два дня. Одновременно были заявлены ходатайства защиты:

- 1) О направлении дела для дополнительного расследования,
- 2) о проведении повторной судебно-психиатрической и дополнительной комплексной экспертизы, об истребовании документов для приобщения к делу и о вызове свидетелей в судебное заседание.

В ходатайстве о направлении дела для дополнительного расследования указывается, что в нарушение ст. 114 УПК РСФСР в постановлении о привлечении Н. Горбаневской в качестве обвиняемой от 25 декабря 1969 г. не содержится никаких конкретных данных о том, какие именно деяния ей вменялись и когда именно они совершены. Постановление не содержит ничего, кроме почти дословного текста статьи 190 п. I УК РСФСР, т. е. по существу, обвинение предъявлено не было. Это грубейшее нарушение права на защиту, поскольку адвокат, изучая дело, не знал и не мог знать, какие действия Горбаневской следствие считает подпадающими под статью 10 190 п. I УК РСФСР.

Во втором ходатайстве адвокат Каллистратова С. В. заявила о необходимости проведения повторной судебно-психиатрической экспертизы, поскольку Горбаневская 19 ноября 1969 г. была представлена на медицинскую комиссию под председательством психиатра Янушевского И. К., и эта комиссия, на основании изучения истории болезни и катamnестического анамнеза, более чем за 10 лет, а также данных о свидетельствовании, пришла к выводу, что Горбаневская душевным заболеванием не страдает, и в направлении в психиатрическую больницу не нуждается. Между тем, экспертная комиссия Института им. Сербского пришла к противоположному выводу, признав, что Горбаневская страдает хронической душевной болезнью — шизофренией, является невменяемой, и нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице специального типа.

Наличие двух противоположных врачебных заключений о психическом состоянии Горбаневской, по мнению адвоката, требует особо тщательного исследования вопроса о вменяемости или невменяемости Горбаневской, тем более, что акт стационарной экспертизы вызывает обоснованные сомнения в правильности выво-

дов экспертов. Не указывается форма шизофрении, не приводится ни одного симптома расстройства психической деятельности. Все изложенное дает основание утверждать, что акт экспертизы составлен с нарушением закона и настаивать на тщательной проверке заключения стационарной экспертизы, для чего защита ходатайствует:

- 1) О приобщении к делу писем Горбаневской к своей матери и детям (эти письма следователь адресату не вручил); 2) Об истребовании и приобщении к делу подлинной истории болезни Н. Горбаневской; 3) О вызове свидетелей, которые знают Горбаневскую на протяжении многих лет и могут свидетельствовать о характере эмоциональности, интеллектуальных способностей, образе жизни и поведении Горбаневской; 4) О назначении по делу повторной судебно-следственной экспертизы.

В связи с тем, что Н. Горбаневская пишет и переводит стихи, адвокат просит назначить комплексную дополнительную экспертизу для выяснения вопроса, свидетельствуют ли оригинальные стихи и переводы Горбаневской о каких-либо патологических изменениях ее личности, о приобщении к делу списка ее опубликованных произведений и отзыва о творчестве Горбаневской, написанного поэтом Б. Слуцким по просьбе адвоката.

Обвинение возражает против отложения дела, так как считает, что у адвоката было достаточно времени ознакомиться с делом.

Обвинение запрашивает мнение эксперта о доставлении Горбаневской в судебное заседание. Эксперт заявляет, что экспертиза, как правило, выступает против доставления психически больного в судебное заседание, так как это не только объект исследования, но и больной человек, о котором врачи обязаны заботиться.

Защита задала эксперту вопрос, какие именно психические явления личности препятствуют участию Горбаневской в судебном заседании. Эксперт Лунц ответил, что вялотекущая шизофрения, как диагностировала комиссия заболевание Горбаневской, не характеризуется грубо очерченными психическими явлениями, такими как бред, галлюцинация и т. п. Болезнь протекает с сохранением трудоспособности и прежнего интеллектуального уровня и навыков.

Обвинение не считает обоснованной мотивировку ходатайства адвоката о назначении повторной психиатрической экспер-

тизы. Адвокат, по мнению обвинителя, не должен объявлять необоснованным экспертное заключение до того, как оно будет исследовано в судебном заседании, иначе он берет на себя полномочия экспертов. Экспертиза располагала всеми материалами дела и экспертам было известно, какие деяния вменяются Горбаневской. Экспертизе было известно, что Горбаневская распространяла клеветнические материалы и передавала их «нашим злопыхателям».

Обвинение возражает против назначения комплексной экспертизы творчества Горбаневской, так как ее «письменная продукция» есть в деле и была представлена экспертам и так как болезненное состояние не обязательно должно отражаться в таком творчестве как переводы.

По ходатайству адвоката о предоставлении Е. С. Горбаневской, матери Н. Е. Горбаневской, прав законного представителя и о допуске ее в процесс у обвинения нет возражений.

Суд после совещания выносит определение о признании Е. С. Горбаневской законным представителем Н. Е. Горбаневской и о допуске ее в процесс. Остальные ходатайства суд отклоняет.

Допрашиваются свидетели. ФОРСЕЛЯ, проживающего в Карельской АССР, председательствующий спрашивает, когда и при каких обстоятельствах он виделся с Горбаневской. Свидетель Форсель заявляет, что видел Горбаневскую «пять минут плюс два часа» и поясняет, что летом 1969 г. он побывал в Эстонии, в частности в Тарту, где навещал своих «солагерников и сотюремников», так как он недавно освободился из десятилетнего заключения, которое отбывал, в частности, во Владимирской тюрьме. В Тарту увидел Горбаневскую на квартире своего товарища, куда она пришла с мальчиком. Он видел ее всего пять минут, и ему сказали, что она из Москвы. После этого он с двумя товарищами — ТАРТО ЭН и НИКЛУСОМ Мартом беседовали о Горбаневской в другой квартире. Горбаневская интересовалась положением заключенных во Владимирской тюрьме, в частности политзаключенных. Свидетель рассказал об этом Горбаневской. Кроме того, ее заинтересовал случай с одним тартусским школьником, который расклеивал листовки в связи с годовщиной ввода войск в Чехословакию, был задержан и избит. Форсель сказал, что Горбаневская показала ему что-то вроде журналов, напечатанных на пишущей машинке. Там было 5-6 журналов и назывались они «Хроника событий». Свидетель взял один из них, который показался ему послед-

ним и стал его читать. Другие тоже читали. Он помнит, что там было написано про татар и про «их возвращение на родную землю». Он помнит, что там про какие-то отставки и увольнения с работы. Подробнее он не помнит, так как был немного «под мухой». Больше Горбаневскую он не видел и не слышал о ней.

Председательствующий спросил, какое впечатление произвела на Форселя беседа с Горбаневской. «Мне не понравилось, — сказал Форсель, — что человека, только что вышедшего из заключения, втягивают в какие-то авантюры, мешают спокойно жить».

Вопрос обвинителя: правда ли то, что Форсель показывал на предварительном следствии, будто его знакомый Никлус назвал Горбаневскую «важной особой» из круга Синявского-Даниэля и сказал, что материалы предназначены для передачи на «Запад», а также, что «материалов была кипа». Свидетель подтвердил это.

Вопрос обвинителя: не создалось ли у свидетеля впечатления, что Горбаневская выясняла сведения о политзаключенных чисто информационного характера. Свидетель подтвердил это.

Вопрос адвоката: не сообщал ли кому-нибудь Форсель об этой беседе. «Нет, в Тарту я никому не сообщил, — ответил Форсель. Адвокат: «А где сообщили?». Форсель: «Я сообщил об этом в Петрозаводске». Адвокат: «Кому сообщили?». Форсель: «Органам КГБ».

Адвокат спрашивает, не было ли известно свидетелю, что Горбаневская приехала в Тарту не для того, чтобы собирать информацию, а чтобы устроить на отдых своего ребенка. Свидетелю это известно было. Адвокат: «Утверждаете ли вы, что Никлус и Тарто в вашем присутствии также читали «Хроники» и ни вы ни они во время чтения из комнаты не выходили?». Свидетель отвечает утвердительно.

Адвокат просит вызвать в судебное заседание свидетелей Никлуса и Тарто, которые были допрошены в предварительном следствии и показали, что никаких материалов Горбаневская в Тарту не привозила, не показывала и читать им не давала. Адвокат высказала мнение, что если об одном и том же событии три свидетеля дают противоречивые показания, то все они должны быть допрошены в суде для установления истины. Обвинение возражает, так как свидетель Форсель в суде допрошен, а показания других свидетелей для дела несущественны.

Допрашивается свидетель Шилов, следователь Московской прокуратуры. Он показывает, что 24 декабря 1969 г. он производил обыск на квартире Горбаневской. Обыск уже подходил к концу, и он составлял опись изымаемых материалов, а Горбаневская сидела и безопасной бритвой точила карандаш. Для ускорения составления описи он предложил Горбаневской пронумеровать листы одной из изымаемых рукописей — это был «Реквием» Ахматовой. Горбаневская неожиданно бросилась отнимать у него эту рукопись и в последовавшей «секундной борьбе» порезала ему пальцы бритвой. В результате пореза большого пальца началось сильное кровотечение. О происшедшем был подан рапорт в прокуратуру, имеется акт судебной медицинской экспертизы.

Обвинитель спрашивает, как следователь расценивает поступок Горбаневской. Шилов отвечает, что поступок «явился сопротивлением представителю власти с причинением легких телесных повреждений». Свидетель уточнил, что Горбаневская после происшедшего извинилась перед ним и говорила, что порезала его нечаянно. Свидетель рассматривает поступок Горбаневской, как мелкую месть за то, что она слабее его и не могла с ним справиться.

Адвокат интересуется, что было причиной изъятия стихов известного и признанного советского поэта А. А. Ахматовой. Свидетель ответил, что следствию для всестороннего изучения личности необходимы сведения о мировоззрении, вкусах и привычках обвиняемого.

— Знаете ли вы, — спрашивает адвокат, — почему Горбаневская проявила такое недовольство изъятием этой рукописи?

Свидетель поясняет, что как ему стало известно, титульный лист этой рукописи был надписан Ахматовой и что, возможно, из-за этого рукопись была дорога Горбаневской.

Далее адвокат спрашивает, когда свидетель почувствовал порез: во время его нанесения или когда увидел кровь. Свидетель поясняет, что в «секундной борьбе» он не мог установить момента пореза. Свидетель на вопрос адвоката сказал, что при этом инциденте присутствовали понятые и сотрудники милиции, а лишь после пришли И. Якир, Шрагин и Амальрик. Адвокат просит вспомнить, не была ли И. Якир очевидцем инцидента. Шилов отрицает это.

Вопрос обвинителя Шилову: «Вы производили обыск у Амальрика?» — «Да, когда Амальрик пришел на квартиру Горбаневской,

я просил его предъявить, что было при нем». — «Я имею в виду обыск на квартире Амальрика, — уточняет обвинитель. — Вы производили его?» Свидетель подтверждает. «А кто пришел на квартиру к Амальрику во время обыска у него?» — спрашивает прокурор. Попытка адвоката опротестовать этот вопрос, как не имеющий отношения к рассматриваемому делу, оставляется председательствующим без внимания, и свидетель отвечает: «К Амальрику пришел американский корреспондент с женой». — «И что они принесли?» — спрашивает прокурор. — «Бутылку виски. Они пришли, чтобы присутствовать на вечеринке». Прокурор заявляет: «Вот круг знакомств Горбаневской».

Адвокат заявляет суду ходатайство о вызове И. Якир в качестве свидетеля, так как, по утверждению Горбаневской, И. Якир присутствовала во время инцидента. Адвокат обращает внимание суда на то, что до сих пор все ее ходатайства отклоняются.

Суд по совещании отклонил ходатайство о вызове свидетеля И. Якир.

Рассматривается заключение судебной психиатрической экспертизы. Председательствующий просит стороны передать вопросы эксперту. Адвокат оглашает одиннадцать вопросов. Суд выносит определение об утверждении шести вопросов адвоката эксперту. Вопросы защиты в основном сводятся, во-первых, к выяснению, в чем конкретно выражаются у Горбаневской «специфические для шизофрении изменения мышления, эмоциональности и критических способностей», о которых говорит экспертиза, и в каких действиях, инкриминируемых Горбаневской следствием, экспертиза увидела признаки невменяемости; во-вторых, достаточно ли тщательным было медицинское обследование: производились ли психологические исследования, например, тесты, исследовались ли художественные произведения и письма Горбаневской к матери и детям; опрашивались ли ее близкие знакомые, знающие ее долгое время.

Последний вопрос защиты — какие методы лечения имела в виду экспертиза, рекомендуя содержание в больнице специального типа, и нельзя ли обеспечить это же лечение в больнице общего типа.

Председательствующий спрашивает эксперта, сколько времени потребуется для составления ответов к медицинским документам, хранящимся в архиве института; указывает, что лишь с 10 ч. следующего дня он может воспользоваться архивом, так как рабочий

день уже кончается; эксперт считает, что ответы на вопросы он может представить лишь к 13 ч. следующего дня (т. е. 8 июля).

В это время в зал зашла работница аппарата суда и сказала что-то секретарю заседания, после чего секретарь предложил председателю объявить перерыв и выяснить организационные вопросы. Судья сказал, что заседание прерывается до следующего дня и нет смысла в пятиминутном перерыве. Однако, секретарь продолжала настаивать. Тогда был объявлен перерыв на 5 минут. Он длился практически около часа, в течение которого председатель и эксперт неоднократно выходили из зала и поднимались на верхний этаж. Кроме того, прокурор и эксперт долго находились в совещательном кабинете вместе с составом суда. Затем заседание возобновилось и проф. Лунц зачитал и представил суду в письменном виде ответы на вопросы.

Как сказал проф. Лунц, у Горбаневской установлена вялотекущая форма шизофрении, при которой «отсутствует яркая симптоматика», а имеется изменение эмоционально-волевой сферы, мышления и недостаточная критика к своему психическому состоянию, но отмечается сохранность памяти, прошлых знаний и навыков. Экспертиза считает, что у Горбаневской имеются медленно нарастающие изменения психики, которые, с «теоретической точки зрения не могут быть квалифицированы как ремиссия (т. е. ослабление болезни), хотя и имеют внешнее сходство с ней».

Лунц заявил, что письменная продукция Горбаневской, приложенная к делу, знакома экспертам, но что «в случаях вялотекущей шизофрении, такая продукция не обязательно непосредственно отражает болезненные расстройства психики».

На вопрос защиты, зачем нужна больница специального типа, Лунц ответил, что кроме собственно лечебных средств, в больницах установлен режим, соответствующий задачам последующей адаптации больных к условиям, в которые они попадут, выписываясь из больницы. Сочетание патологических изменений психики с отдельными сохранными ее сторонами повышает общественную опасность больного при отсутствии у него критики к своему поведению и сознанию болезни, — сказал Лунц.

Адвокату так и не удалось добиться конкретных ответов на свои вопросы.

Председательствующий спрашивает законного представителя Н. Е. Горбаневской, ее мать Е. С. Горбаневскую, не желает ли она что-либо заявить в связи с заключением судебной психиатрической экспертизы.

Мать отвечает, что она понимает, что ее дочь ожидает наказание, но что она считает свою дочь здоровым человеком и поэтому просит не помещать ее в психиатрическую больницу. Мать говорит о работоспособности своей дочери. Обвинитель напоминает, что в сентябре 1968 г., когда прокуратура приняла решение не привлечь Н. Е. Горбаневскую к уголовной ответственности за участие в событиях 25 августа 1968 г., она была передана на попечение матери, и спрашивает, не находит ли Е. С. Горбаневская, что она плохо осуществила свои попечительские обязанности, если дочь «не прекратила преступной деятельности». Е. С. Горбаневская соглашается с этим и заявляет: «Если моя дочь совершила преступление, приговорите ее к любому, пусть к тяжкому наказанию, но не помещайте абсолютно здорового человека в психиатрическую лечебницу».

Адвокат спрашивает, правда ли, что обвиняемая враждебно относится к матери, как это говорится в заключении судебной экспертизы. Мать отвечает, что у нее с дочерью бывали разногласия и размолвки, но нельзя говорить о враждебности — дочь всегда была заботлива по отношению к ней. Адвокат спрашивает, наблюдалась ли у Горбаневской эмоциональная холодность к своим детям, как об этом упоминалось в материалах экспертизы. Е. С. Горбаневская сказала, что Наталия — заботливая мать, очень любит своих детей.

Окончание судебного следствия. Слово предоставляется обвинителю.

Прокурор в своей речи отметила, что Н. Горбаневская 25 августа 1968 г. совершила преступление — приняла участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, за которые другие участники — Богораз, Литвинов, Делоне, Дремлюга и Бабицкий, были осуждены и ныне отбывают наказание. Однако, следствие, приняв во внимание невменяемость Горбаневской, воздержалось от возбуждения в отношении ее уголовного дела и передало ее на попечительство матери; теперь, говорит прокурор, мы видим, и сама мать признает, что попечительские обязанности она выполнила плохо, и что Горбаневская продолжала свою преступную деятельность. Так, 29 августа она передала в редакции газет «Руде право», «Унита», «Морнинг Стар» и др. свое письмо, в котором тенденциозно описывала события 25 августа на Красной площади. Прокурор цитирует часть этого письма:

«Мои товарищи и я счастливы, что смогли принять участие в этой демонстрации, что смогли хоть на мгновение прорвать по-

ток разнузданной лжи и трусливого молчания и показать, что не все граждане нашей страны согласны с насилием, которое творится от имени советского народа. Мы надеемся, что об этом узнал и узнает народ Чехословакии. И вера в то, что думая о советских людях, чехи и словаки будут думать не только об оккупантах, но и о нас, придает нам силу и мужество».

Горбаневская, говорит прокурор, составила и распространила среди своих знакомых брошюру «Полдень», в которой тенденциозно освещены события 25 августа на Красной площади и судебный процесс над участниками этих событий. Мы знаем, продолжал обвинитель, что и событий-то никаких не было, а были действия, грубо нарушающие общественный порядок, которыми участники этих действий привлекли внимание людей, бывших на Красной площади. Но Горбаневская, по мнению обвинителя, сама создает и раздувает эти события, чтобы привлечь внимание наших злопыхателей. Горбаневская тенденциозно освещает судебный процесс над нарушителями общественного порядка, представляя дело так, будто бы обвинение было сфабриковано следствием. Далее прокурор указывает: материалами дела установлено, что Горбаневская являлась одним из составителей издаваемых в Самиздате сборников «Хроника текущих событий». В этих сборниках тенденциозно освещаются события в Советском Союзе, подбирается информация об арестах за антиобщественные действия, причем эти аресты представляются, как незаконные. Горбаневская собирала информацию для этих сборников и для этого даже выезжала в другие города и республики Союза. Так ГЕНДЛЕР показал, что информация переданная им лично Горбаневской была затем помещена в первом выпуске «Хроники». Свидетель Форсель показал, что Горбаневская специально для сбора информации выезжала в Эстонскую ССР, а также то, что она распространяла эти материалы. Горбаневская размножала и распространяла эти сборники. Так, при обыске 24 декабря 1969 г. у нее на квартире были найдены экземпляры этих сборников, напечатанные на принадлежащей ей машинке, что подтверждается заключением криминалистической экспертизы. В октябре 1969 г. Горбаневская выезжала в места ссылки Богораз и Литвинова, и у них в январе 1970 г. были изъяты выпуски «Хроники», напечатанные на машинке, принадлежащей Горбаневской.

Горбаневская написала очерк «Бесплатная медицинская помощь», в котором утверждается, будто работники КГБ насильственно поместили ее в родильный дом, а затем в психиатрическую

больницу. КВАЧЕВСКИЙ показал, что этот очерк ему лично передала Горбаневская.

В своей преступной деятельности, продолжал прокурор, Горбаневская не останавливалась ни перед чем — она передавала нашим злопыхателям свои работы (это и работами можно назвать лишь условно). Эти работы использовались для антисоветской пропаганды за рубежом. Так, радиостанция «Свобода» передала очерк «Бесплатная медицинская помощь», шестой выпуск «Хроники». Таким образом, говорит прокурор, материалы дела устанавливают, что Горбаневская систематически изготовляла и распространяла клеветнические измышления, порочащие советский государственный строй, т. е. совершила действия, предусмотренные статьей 190-1 Уголовного кодекса РСФСР.

Во время обыска 24 декабря 1969 г. она пыталась помешать совершению следственных действий — изъятию рукописи — и оказала сопротивление следователю: нанесла ему легкое, не причинившее расстройства здоровья телесное повреждение, порезала его бритвой. Следователь Шилов подробно пояснил суду обстоятельства этого деяния Горбаневской. Таким образом, установлено, что Горбаневская совершила деяние, предусмотренное ст. 191 УК РСФСР.

Однако, продолжал прокурор, в деле имеется заключение судебно-медицинской экспертизы. Эксперт по делу, авторитетный психиатр проф. Луниц, подробно пояснил суду, что Горбаневская страдает психическим заболеванием и нуждается в лечении в психиатрической больнице специального типа. Следует прислушаться, говорит прокурор, к столь авторитетному медицинскому заключению и в соответствии со ст. II УК освободить Горбаневскую от уголовного наказания. Но в соответствии со ст. 53 УК РСФСР следует назначить принудительную меру медицинского характера, а именно, согласно рекомендации экспертизы, лечение в психиатрической больнице специального типа.

Адвокат просит перенести ее выступление на следующий день, ввиду позднего времени и усталости (11 часов работы и необходимость за один день изучить дело в 4-х томах).

Председательствующий выражает надежду, что после пятиминутного перерыва адвокат будет готов к своей защитительной речи.

Адвокат начинает с того, что Горбаневская, арестованная почти 7 месяцев назад, — талантливый поэт и переводчик — до

самого ареста вела большую общественно-полезную работу по литературным переводам.

Адвокат ссылается на последнюю работу Горбаневской (перевод с польского трехтомного труда Татаржевича «История эстетики») и отмечает, что гонорар за эту работу еще и сейчас является источником существования двух маленьких сыновей обвиняемой, которых она воспитывает без отца.

Убеждение, что Горбаневская трудоспособна, психически здорова и, следовательно, вменяема, заставляет защиту с тревогой думать о возможности судебной ошибки, в результате которой Горбаневская может оказаться на неопределенный срок в психиатрической больнице и будет лишена возможности работать, содержать и воспитывать своих детей. Адвокат подвергает детальной критике заключение о невменяемости Горбаневской. Ссылка на авторитетность в экспертной комиссии — вместо тщательной проверки заключения комиссии судом — есть нарушение закона, так как вопрос о вменяемости или невменяемости в соответствии с законом решает суд, а не экспертиза.

Адвокат заявляет, что отклонение всех ходатайств защиты, направленных на проверку и исследование заключения экспертизы, противоречит закону и нарушает право на защиту. Адвокат считает, что дефекты акта экспертизы дают основания утверждать, что заключение о невменяемости Горбаневской не обосновано и должно быть судом отвергнуто.

Далее адвокат последовательно, пункт за пунктом, критикует постановление следователя о передаче дела в суд, утверждая, что выводы, приведенные в постановлении, или недоказаны или не содержат состава преступления.

1. Ссылка прокурора на то, что Горбаневская в августе 1968 года вместе с Литвиновым, Богораз, Брухман и др. совершила преступление, предусмотренное ст. 190-1 и 190-3 УК РСФСР и что дело на нее было прекращено только потому, что она была признана невменяемой, противоречит закону и принципу презумпции невиновности.

Факты преступления и невменяемости могут быть установлены только судом, а Горбаневская суду предана не была. Поэтому упоминания об этом эпизоде не следует исключать из обвинения.

2. Нет основания вменять в вину Горбаневской составление и отправку в редакции газет «Руде право», «Унита», «Юманите» и др. письма от 28 августа 1968 г., так как а) это письмо было

в поле зрения следственных органов к моменту прекращения дела 13 сентября, б) в постановлении следователя это письмо квалифицировалось как тенденциозное, а не как содержащее заведомо ложные клеветнические измышления. Из содержания письма видно, что оно отражает лишь эмоциональное отношение автора к событиям. Поэтому письмо не может быть признано криминальным по ст. 190-1 УК РСФСР. Этот эпизод также должен быть исключен из обвинения.

3. Горбаневской не вменялась в вину передача ее работы «Полдень» для опубликования за границей, и нет никаких доказательств, что опубликование это произведено с ее ведома и согласия. Кроме того, опубликование произведения за границей само по себе не содержит состава преступления. Горбаневская не отрицает, что она является автором рукописи «Полдень», и что она распространяла это произведение среди своих знакомых. Однако, защита считает, что в этом нет состава преступления, так как рукопись «Полдень» не является криминальной. Горбаневская в своей рукописи дала оценку ряду фактов. Оценочные суждения человека, основанные на его убеждении, могут объективно быть правильными и неправильными, полезными или вредными, но не являются субъективно (заведомо) ложными. Кроме того, в этом произведении содержится критика только одного судебного процесса (над участниками демонстрации 25 августа) и не высказывается никаких суждений о советском государственном и общественном строе.

Поэтому защита считает, что и в этом эпизоде отсутствует состав преступления.

4. Горбаневской вменяется участие в составлении и распространении сборников «Хроника текущих событий», выходящих в Самиздате. Сборники эти анонимные. В деле нет достаточных доказательств, что Горбаневская была их автором или распространяла эти сборники. Анализируя представленные следствием доказательства, адвокат указывает а) на недопустимость использования в качестве показания Гендлера, допрошенного по другому делу в качестве обвиняемого и не допрашивавшегося по данному делу в качестве свидетеля; это показание тем более должно быть исключено из обвинения, что защитнику отказано в ходатайстве о вызове Гендлера в суд; б) показания свидетеля Форселя опровергаются показаниями Никлуса и Тарто, допрошенных в предварительном следствии. Суд необоснованно отказал защите в ходатайстве о вызове Никлуса и Тарто в судебное заседание. По-

этому показания Форселя в суде проверены не были и не могут быть признаны доказательствами вины.

5. Горбаневская не отрицает того, что она подписала письмо, адресованное в комиссию по защите прав человека в ООН. Защита обращает внимание суда на то, что под этими документами стоят подписи более 40 человек и что почти все подписавшие к ответственности не привлечены. Считая, что этот документ не является криминальным, адвокат повторяет свои доводы, изложенные в связи с книгой «Полдень».

Горбаневская не отрицает, что ею написан очерк «Бесплатная медицинская помощь» и что она давала его читать своим знакомым. Защита считает, что очерк Горбаневской не является криминальным. В постановлении о направлении дела в суд неправильно излагаются отдельные места очерка, что легко установить. Так, например, говорится будто Горбаневская в своем очерке утверждает, что она была насильственно помещена в роддом органами КГБ. В этом очерке она протестует против насильственного перевода ее из роддома в больницу им. Кащенко и лишь высказывает предположения о причинах перевода. Самый факт о необоснованности перевода Горбаневской в больницу им. Кащенко с очевидностью подтверждается тем, что Горбаневская на восьмой день была выписана с указанием, что в психиатрическом стационаре не нуждается. Тема очерка и его содержание не имеет ничего общего ни с какими-либо ложными измышлениями, ни с опорочиванием советского общественного и государственного строя. В очерке резко и неприязненно говорится об одних работниках милиции, тепло и доброжелательно о других.

Адвокат считает, что этот эпизод должен быть исключен из обвинения Горбаневской за отсутствием состава преступления.

7. В постановлении следователя о направлении дела в суд сказано, что у Горбаневской изъято много клеветнических произведений и документов различных авторов, но не указывается какие именно произведения и в чем их криминальность.

Это неконкретное обвинение не может быть признано судом, так как никаких данных о распространении Горбаневской этих произведений и документов следователь не приводит, а хранение их не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР.

Адвокат считает, что материалы дела не дают основания для признания каких-либо действий Горбаневской, подпадающих под ст. 190-1 УК.

Затем адвокат переходит к вопросу о сопротивлении, оказанном Горбаневской при производстве у нее обыска. Защита не отрицает того, что Горбаневская оказала сопротивление следователю Шилову во время обыска. Однако, обвинение Горбаневской по ст. 191 УК РСФСР предъявлено не было, и к моменту ознакомления защитника с материалом дела по ст. 191 в суде вообще незаконно и нарушает право на защиту. Уже по этой причине ст. 191 должна быть из обвинения исключена.

Но и по существу действия Горбаневской не подпадают под признаки ст., так как не установлен умысел на насилие, а закон карает лишь сопротивление должностному лицу, сопряженное с насилием.

Следователь Шилов изымал рукописный экземпляр произведения А. А. Ахматовой «Реквием» с нарушением закона, по которому изъятие должно быть строго ограничено предметами и документами, имеющими отношение к делу. Ссылка Шилова на то, что он изымал рукопись, чтобы выяснить мировоззрение, склонности и привычки Горбаневской — явно не основательно, поскольку мировоззрение, склонности и привычки не являются объектом уголовно-процессуального права.

Горбаневская, как видно из ее показаний и показаний Шилова, чинила карандаш для своего сына лезвием безопасной бритвы. Взволнованная тем, что следователь изымает дорогую для нее рукопись с автографом А. А. Ахматовой, она пыталась отнять рукопись. При этом в «процессе секундной борьбы» у следователя оказалось два небольших пореза на пальцах. Как подтвердил Шилов в суде, Горбаневская тут же извинилась и сказала, что причинила порезы нечаянно. При таких обстоятельствах нет основания считать, что у Горбаневской был умысел на применение насилия.

Заканчивая речь, адвокат напомнил суду, что нарушение закона при рассмотрении уголовного дела не может быть оправдано ссылками на необходимость борьбы с теми или иными преступлениями и просит прекратить дело Горбаневской, освободить ее из-под стражи и дать ей возможность вернуться к маленьким детям и престарелой матери, чтобы заботиться о них.

Речь адвоката Каллистратовой С. В. продолжалась около полутора часов.

Суд вынес определение, что Горбаневская Н. Е. в состоянии невменяемости совершила действия, подпадающие под ст. 190-1

и ст. 191 УК РСФСР и подлежит помещению в психиатрическую больницу специального типа для принудительного лечения. Срок лечения не указывается.

*

**

Утром 7 июля 1970 г. у здания Мосгорсуда, где должен был происходить суд на Натальей Горбаневской, собралось около 20 человек — друзья и знакомые Горбаневской, из которых в зал пустили только В. Чалидзе.

В 11 часов собравшимся стало известно, что суд можно послушать у окон во дворе (заседание происходило в полуподвальном помещении). Человек 15 тихо стояли у окон во дворе, когда туда явился старшина милиции Кичкин, работающий постоянно в здании Мосгорсуда. Кичкин и прежде отличался грубостью в общении с людьми, приходившими на политические процессы. На этот раз поведение его было беспрецедентным. Он сразу стал кричать и разгонять всех. Потом набросился на Юлию Вишневскую, схватил ее и бросил на землю. Владимира Тельникова, который обратился к Кичкину со словами: «Как вы можете так обращаться с женщиной?», Кичкин толкнул, порвав на нем рубашку, а затем сильно бросил на землю, так что Тельников поднялся хромя. У Надежды Яковлевны Шатуновской, немолодой женщины, остались на руках ссадины и синяки — Кичкин выкручивал ей руки, толкнул на землю. Появившиеся тут же милиционер и двое дружинников (без повязок) схватили Тельникова за волосы и втащили в машину.

Ю. Вишневская была задержана через час.

Тельникова и Вишневскую отвезли в милицию. 9 июля им было предъявлено обвинение по ст. 191 — сопротивление властям, а 10 июля утром их отправили: Ю. Вишневскую — в Бутырскую тюрьму, В. Тельникова — в тюрьму на Матросской Тишине.

Ю. Вишневская обращалась в милицию 7 и 9 июля, в прокуратуру 13 и 15 июля с просьбой направить ее для освидетельствования на судебно-медицинскую экспертизу, в чем ей было отказано. Заместитель прокурора Фролов мотивировал свой отказ тем, что она, якобы, наставила себе синяки сама. 15 июля Н. Я. Шатуновская подала в прокуратуру Сокольнического р-на заявление о возбуждении уголовного дела против старшины милиции Кичкина.

7 июля, сразу же после инцидента 16 человек направили письмо протеста Председателю Мосгорсуда. В этот же день, после за-

держания В. Тельникова и Ю. Вишневской, в милицию были поданы заявления: П. Якира, Н. Я. Шатуновской, Н. П. Емелькиной, Т. С. Ходорович, Г. Подъяпольского. На следующий день было подано еще 4 заявления.

22 июля Ю. Вишневская была помещена на судебно-медицинскую экспертизу в и-т им. Сербского, где находится до сих пор.

24 августа Тельникову и Вишневской изменили меру пресечения: Тельников до суда находится на свободе, с него взяли подписку о невыезде; Ю. Вишневская попрежнему в институте им. Сербского, но изменили режим ее содержания — ей разрешены свидания.

Группа друзей Н. Горбаневской написала открытое письмо: «В чем же все-таки вина Тельникова и Вишневской, а также всех тех, кого швыряли и разгоняли во дворе суда 7 июля?» — говорится в нем, — «В том, что они друзья своих друзей. Не обязательно иметь неугодные начальству взгляды; можешь не защищать тех, кого преследуют за убеждения; но если ты лично, по-человечески **сочувствуешь** этим людям — жди расправы. Оказывается, криминальное дело — стоять во дворе, где судят твоего друга, преступление — подойти к окну...

Человек может потерять все свои права, все свободы, но ему — чтобы остаться человеком — нужно сохранить за собой последнюю свободу — право на любовь к ближнему.

Нам остается одно: доказать, что мы еще люди».

СУД НАД ОЛЬГОЙ ИОФЕ

20 августа в Мосгорсуде состоялся суд на Ольгой Иофе. О. Иофе обвиняется по ст. 70 УК РСФСР в том, что она принимала активное участие в изготовлении листовок антисоветского содержания в количестве 245 штук, хранении и распространении документов антисоветского содержания, изъятых у нее при обыске.

Состав суда: судья — Богданов, прокурор — Ванькович, адвокат — Ю. Поздеев.

Предварительная экспертиза, проведенная ЦВИИСП им. Сербского (проф. Морозов, д-р мед. наук Д. Р. Лунц, врачи Фелинская, Мартыненко), признала О. Иофе невменяемой, с диагнозом: вялотекущая шизофрения, простая форма. Адвокатом Поздеевым

Ю. В. были заявлены два ходатайства: 1) о признании родителей О. Иофе, Н. Я. Шатуновской и Ю. М. Иофе, законными представителями подсудимой; 2) о доставке в суд подсудимой. Прокурор возразил против второго ходатайства на том основании, что присутствие на процессе больного человека тяжело. Суд отклонил это ходатайство.

Судья объявил, что по данному делу приглашены три свидетеля: И. М. Каплун, В. И. Бахмин, В. М. Тишинин.

Свидетель В. Бахмин показал, что знаком с О. Иофе около полутора лет, что 7 и 8 ноября 1969 г. он находился на квартире И. М. Каплун, где были Каплун, Иофе, Хромова и Дибцева. Он сам и Каплун печатали, а О. Иофе диктовала текст листовки. Эти листовки были затем переданы на хранение В. Тишинину.

Далее Бахмин заявил, что листовки печатались без определенной цели, так как еще не было решено, каким способом их распространять и распространять ли вообще. Печатались же листовки 7 и 8 ноября потому, что это были единственные дни, свободные от учебы. Листовки готовились к 21 декабря. Впоследствии, 30 ноября, за несколько часов до ареста было решено уничтожить все листовки.

Бахмину был предъявлен документ, на основании которого составлялась листовка, и он показал, что текст этого документа написан рукой О. Иофе, а правка сделана его рукой. С остальными, предъявленными ему документами он знаком не был.

Показания И. М. Каплун, которая была дружна с О. Иофе, с 56 г. полностью совпали с показаниями Бахмина.

И. Каплун заявила, что деятельность ее и ее товарищей никоим образом не была направлена на подрыв советского государственного строя, а напротив, на его укрепление, что они действовали согласно ленинскому принципу, что народу нужно говорить правду.

В отношении личности О. Иофе все свидетели показали, что О. Иофе — человек сильной воли, последовательный, склонный к логическому мышлению, настойчивый, доводящий всякое дело до конца, доброжелательный к людям, с чувством юмора. Кроме того, по просьбе адвоката Поздеева, были зачитаны характеристики с мест работы и учебы, которые характеризовали О. Иофе наилучшим образом.

Третий свидетель, В. М. Тишинин, на суде не присутствовал, о его показаниях не было сказано ни слова. (О Тишинине известно,

что он на свободе и что незадолго до ареста Иофе, Каплун и Бахмина, он написал в КГБ письмо-донос, что и послужило причиной их ареста).

По просьбе адвоката были допрошены родители О. Иофе. Н. Я. Шатуновская рассказала о дочери: Ольга развивалась нормально, ни в детстве, ни в юности не замечалось никаких отклонений от нормы. Она ласковая, спокойная, сдержанная, общительная девочка.

Председатель экспертной комиссии Мартыненко зачитала установленный диагноз. Адвокат Поздеев задал ей несколько вопросов.

Вопрос: Какие именно физиологические исследования проводятся для всех установлений заболевания?

Ответ: Такие физиологические исследования проводятся для всех без исключения. Отсутствие признаков заболевания не может свидетельствовать об отсутствии самого заболевания.

Вопрос: На основании каких именно высказываний была установлена экспертизой разноплановость ее мышления? Приведите хотя бы один из тестов дававшихся Ольге, при помощи которых были установлены грубые нарушения мышления, или приведите хотя бы одно высказывание Ольги, свидетельствующее об этом.

Ответ: Конкретно я ответить не могу, если суду интересно, то надо послать за историей болезни в и-т им. Сербского. Примером ее поведения может служить то, как она реагировала на доставку в и-т им. Сербского. Она знала, куда ее доставили, понимала, что это значит, но не проявила никакой аффектации, у нее даже голос был не модулирован.

(В. Новодворская проявила аффектацию — излишнюю. Результат экспертизы тот же!).

Вопрос: Не приписываете ли вы такое поведение Ольги ее выдержке, силе воли и спокойствию, о которых говорили свидетели?

Ответ: Так владеть собой невозможно.

Вопрос: Как вы объясняете тот факт, что наличие болезни, которая развивалась у О. Иофе с 14 лет, как пишет экспертиза (вероятно, имеется в виду, что болезнь началась с 66 г., когда О. Иофе с друзьями распространяла в школе листовки — см. «Хронику» № 11), не помешала ей успешно закончить математическую школу и поступить в университет.

Ответ: Наличие этой формы шизофрении не предполагает изменения личности, заметного для окружающих.

Адвокат Поздеев зачитал по монографии Морозова и др. признаки заболевания, имеющегося у Ольги, согласно экспертизе (враждебное отношение к окружающим, отрешенность от мира, перескакивание мысли с одного предмета на другой, апатия, вялость, вплоть до того, что человек не встает с постели), и попросил эксперта сказать, какие именно признаки, или хотя бы один, наблюдались у О. Иофе. При этом он сказал, что наличие перечисленных признаков опровергается характеристиками с места работы и учебы и показаниями свидетелей.

Ответ: Все эти симптомы нельзя рассматривать в отдельности, а лишь в совокупности.

Адвокат заявляет, что ответами представителя экспертизы не удовлетворен, поскольку ни один ответ не был конкретизирован.

Просьба адвоката о повторной экспертизе в ином составе отклоняется на том основании, что комиссия и-та им. Сербского была предупреждена об ответственности по ст. 187 УПК РСФСР (ответственность за отказ или уклонение от дачи заключения или за дачу заведомо ложного заключения), и кроме того, комиссия достаточно авторитетна.

Прокурор в своей речи сказал: «Мы сегодня рассматриваем очень необычное дело, которое заключается в том, что по делу, которое мы рассматриваем, подсудимая отсутствует, так как страдает тяжелым душевным заболеванием, которое установлено авторитетной комиссией и-та им. Сербского. Вина Иофе полностью доказана. Да, она совершила тяжелое преступление, предусмотренное ст. 70 УК РСФСР. Из показаний родителей мне ясно, что они не предприняли никаких мер надзора, чтобы предотвратить совершение тяжелых преступлений. Хотя, конечно, человек больной и не отвечает за свои действия. Обвинение просит направить Иофе на принудительное лечение в больницу специального типа».

Адвокат Поздеев говорит, что еще 2 декабря 69 г., на следующий день после ареста, О. Иофе заявила, что свою деятельность она не считает антисоветской, она ни в коем случае не была направлена на подрыв советского строя. Можно считать доказанным, на основании показаний свидетелей, что три документа никак не распространялись и являются изложением отрывочных мыслей, а один документ, как признала Каплун, написан ею и только переписан после обсуждения рукой Иофе. Оба свидетеля показали, что листовки решено было уничтожить 30 ноября.

Таким образом, по ст. 70 УК РСФСР нет состава преступления.

Адвокат просит переqualифицировать ст. 70 на ст. 190-1 УК РСФСР.

Далее адвокат говорит, что из своей беседы с О. Иофе он вынес впечатление о разумности подсудимой, о ее умении наладить контакт, она склонна прислушиваться к чужому мнению и обдумывать его. Адвокат ссылается на молодость обвиняемой (20 лет) и на некоторую, присущую возрасту, беспечность суждений. Он говорит, что в молодости иногда трудно разобраться в потоке информации и сделать правильный вывод. Однако, это не является преступлением. Учитывая возраст обвиняемой и наличие у нее простой формы шизофрении (по данным экспертизы), наиболее легко поддающейся лечению, адвокат считает, что направление О. Иофе в психиатрическую больницу специального типа, предполагающую длительное лечение и тяжелые случаи заболевания, не целесообразно, и просит направить ее в больницу общего типа.

Определение суда не содержит ни изменений по сравнению с первоначальным обвинением, ни дополнительных мотивировок решения — направить О. Иофе на лечение в психиатрическую больницу специального типа, содержать под стражей до прибытия в больницу.

АРЕСТ Р. И. ПИМЕНОВА

В июле 70 г. в Ленинграде арестован научный сотрудник Математического и-та доктор наук Револют Иванович Пименов. (Об обыске у Пименова 18 апреля, см. в «Хронике» № 14).

Р. И. Пименов, 1931 г. р. окончил матмех ЛГУ. В 1949 г. был насильственно госпитализирован в психиатрическую лечебницу с диагнозом «шизофрения», после того, как он подал заявление о выходе из комсомола. Повторный консилиум во главе с проф. Голландом признал его здоровым, единственное, на чем настаивал профессор при выписке — это чтобы Пименов взял свое заявление обратно. В марте 1950 г., под угрозой вторичной госпитализации, согласился остаться в комсомоле, в 51 г. был из него исключен, райкомом восстановлен, а затем исключен из университета, но восстановлен и окончил его в 54 г.

Занимался математикой.

25 марта 57 г. был арестован, а 26 августа судим по ст. 58-10 и 58-11. Вместе с ним судили Б. Б. Вайля, К. Г. Данилова, И. Д. Заславского и И. С. Вербловскую. Р. И. Пименова обвиняли в написании статей «Судьбы русской революции», «По поводу речи Н. С. Хрущева» и тезисов «Венгерская революция», в попытке создания антисоветской группы среди студентов Ленинградского Библиотечного и-та, вменяли в вину попытку создать антисоветскую группировку, хранение и распространение антисоветской литературы. В отношении остальных трех подсудимых была применена лишь ст. 58-10 УК, по ст. 58-11 — они были оправданы.

Р. И. Пименова приговорили к 6 годам, Б. Б. Вайля — к 3, К. Г. Данилова, И. Д. Заславского и И. С. Вербловскую — к 2 годам лишения свободы.

В декабре 57 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев кассационный протест прокурора г. Ленинграда, вынесла определение о новом рассмотрении дела.

Новый суд в январе 58 г. приговорил Пименова к 10 годам, Заславского и Вербловскую — к 5 г., Данилова — к 4 г. На этот раз всем вменили ст. 58-11.

Постановлением Президиума Верховного Совета от 15 июля 63 г. Р. И. Пименов был условно освобожден с испытательным сроком 3 года и снятием поражения в правах.

Через год Р. И. Пименов защитил в математическом и-те АН СССР кандидатскую диссертацию, а в конце 69 г. — докторскую. Является членом Гравитационного комитета, автор книги «Пространства кинематического типа» (математическая теория пространства-времени), и многих математических статей. Кроме того, Р. И. Пименов написал несколько исторических пьес, статью «Как я искал английского шпиона Сиднея Рейли».

Б. Б. Вайля, уже в лагере вторично судили, повысив срок до 8 лет. Он освободился в сентябре 65 г., живет в Курске, работает в кукольном театре. В апреле 70 г. на квартире у Пименова был произведен обыск. Тогда же был обыск у Вайля в Курске. Оба обыска производились по поручению прокуратуры г. Обнинска.

В ближайшие дни после обыска Пименова вызвали на допрос в качестве свидетеля по делу Зиновьевой В. И., приехавший в Ленинград следователь Обнинской прокуратуры зам. прокурора г. Обнинска Борисов В. И. и следователь ленинградской прокуратуры мл. сов. Филимонов И. П.

Кроме того, Р. И. Пименова вызвал для беседы секретарь Ленинградского горкома партии по идеологии Медведев В. А.

Приводим в выдержках беседу, которая состоялась 20 апреля 70 г. в кабинете В. А. Медведева в Смольном.

— Вы понимаете, что нам с вами приходится говорить не по поводу науки. Ваши научные успехи — это все хорошо, а вот другое... Вы нехорошо себя ведете.

Молчание.

— Вот у вас изъята целая коллекция антисоветской литературы.

— Там не было ни одной строчки, где содержались бы призывы к свержению, ослаблению или подрыву советской власти.

— Ну, я не силен в процессуальных тонкостях. Это следствие разберется, была ли литература антисоветской. Но у вас изъяли коллекцию нехорошей литературы. Я не занимаюсь юридическими тонкостями, я по существу разговариваю с вами... Откуда такой интерес к такого рода литературе?

— Ну, я могу объяснить. Дело в том, что с некоторого времени, мы, ученые, утратили чувство личной безопасности. Примерно с конца 66 года. До этого времени как-то не возникало страха. И ощущение страха заставило задуматься: а почему он? Возникла необходимость разобраться в социальных причинах этого страха. Для работы в науке нужна уверенность в завтрашнем дне. Когда есть такая уверенность, тогда могут возникать узкие специалисты, которые заняты только своей наукой и несколько не интересуются общественными отношениями.

...Угроза личной безопасности толкает заниматься политикой.

А началось все с этих процессов (имеются в виду процессы Синявского-Даниэля и Гинзбурга-Галанскова — Ред.). В них самое главное то, как они проходили; нарушение процедурных правил, оно и приковало внимание к ним и разбудило общественное мнение...

— Чего вы хотите? Если вы думаете, что когда-нибудь мы позволим говорить и писать обо всем, что кому вздумается, то этого никогда не будет. Этого мы не допустим... Меняйте идеологию. Конечно, у нас пока еще недостаточно сил, чтобы заставить всех людей думать одинаково, но у нас пока еще достаточно сил, чтобы не дать людям совершать поступки, которые нам будут вредить. Никогда, никаких уступок в идеологическом вопросе не

будет!.. Запомните это раз и навсегда. Я могу вам по пальцам перечислить те азбучные истины, чего нельзя нарушать.

— Перечислять не надо. Я хотел бы только, чтобы вы имели в виду также, что я, по крайней мере субъективно, никогда не выступал против интересов государства. Я, может быть, ошибаюсь, но действую я ради интересов государства.

— Так и белогвардейцы говорили! Интересами государства прикрывается все. Кронштадтские мятежники тоже говорили, что они за советскую власть. Гитлер тоже говорил, что он социалист. Сейчас все говорят, что они во имя государства, социализма, за народ! Кто сейчас осмелится сказать, что он — против социализма?! Против прогресса?! Против советской власти?! Но мы никому не позволим нам мешать! Никому не позволим нам вредить! Вы это имейте в виду и пересмотрите ваше мировоззрение! Я, конечно, понимаю, что одной беседы недостаточно, но, по крайней мере, советую вам глубоко продумать свое поведение.

— Я вас понял.

Дальнейшие допросы по «обнинскому делу» стал вести следователь Ленинградской прокуратуры Поруков Г. Н.

Уже с первых допросов стало ясно, что Зиновьева сообщает следователю имена и называет самиздатские произведения, не изъятые при обысках.

В мае В. И. Зиновьева была освобождена из-под стражи до суда и в одной из бесед объяснила мотивы своего поведения на следствии: основным ее желанием было выгородить И. Н. Ивановского, которого «взяли с литературой» (Ивановский был задержан 18 апреля утром на квартире И. С. Вербловской в Ленинграде). Отвечая на упрек, что при этом она оклеветала Р. Пименова, написав ему передачу ей того, что она на самом деле от него не получала, В. И. Зиновьева сказала: «Ему-то ничего не будет, за него вступятся академики! А я вот просидела, меня целых четыре дня держали на хлебе и воде».

Причина показаний Зиновьевой против Б. Б. Вайля, которые с точностью до названия совпадают с ее показаниями против Пименова, не известна.

В ходе следствия у свидетеля Р. И. Пименова были две очные ставки со свидетелями Н. Г. Пугач, аспиранткой Ленинградского сельхоз. и-та, и И. М. Старцевым, которого один раз Н. Пугач приводила в дом Пименова, утверждая, что он снабжал Пугач самиздатской литературой.

В двадцатых числах июля Р. Пименов был вызван на допрос и задержан без предъявления обвинения. Б. Б. Вайль, после многочисленных допросов в Курске, был вызван в Ленинградскую прокуратуру, и после очной ставки с Зиновьевой ему было предъявлено обвинение по ст. 190-1. Допрошена была и жена Вайля.

Пименову теперь также предъявлено обвинение по ст. 190 УК РСФСР.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ СОЮЗА

В Ленинграде военный трибунал Прибалтийского округа судил военных инженеров (см. «Хронику» № 10, 11). Обвинение по статье 70 УК РСФСР — создание «Союза борьбы за политические права».

Суд приговорил: Геннадия Гаврилова — к 6 годам лагерей строгого режима, Алексея Косырева — к 2 годам. Парамонов был признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу специального типа в г. Черняховске.

Верховным судом ЭССР (суд проходил 9-15 июня 70 г., судья — Ускола, прокурор Кеслер). Осуждены: Райно Лапп, 47 г. р., лаборант Тартусского Университета — на 5 лет лишения свободы; Андреас Вису, 46 г. р., шофер такси в Тарту — на 3,5 года; Эни Паулюс, 47 г. р., слесарь автомастерских в Тарту, — на 2,5 года; Свен Тамм, 40 г. р., — 3 года условно.

Арестованы 11 декабря 69 года, следствие вели: Майор Соколов и Силькин, лейтенант Круслак. Было предъявлено обвинение в хранении оружия и создании организации, которая (согласно приговору) — «выступила бы с оружием против Советской Власти в случае конфликта между Эстонией и СССР».

Осужденные прибыли в Мордовские лагеря. Их адреса: Р. Лапп — учр. ЖХ 385/17 «А». А. Вису и Э. Паулюс — учр. ЖХ 385/17.

300 июня 70 г. в Верховном суде РСФСР состоялось кассационное разбирательство по делу С. И. Караванского (см. «Хронику» № 13). С. И. Караванского судили во Владимирской тюрьме, обвинение по ст. 70 (антисоветская агитация). Ему вменялось в вину изготовление и распространение рукописей, выполненных тайнописью.

Приговор суда первой инстанции оставлен без изменения — 5 лет лишения свободы, а жалобы адвоката — без удовлетворения.

Адвокат просил отмены приговора за отсутствием состава преступления, основываясь на следующем: а) тайнопись выполнена печатными буквами, и подсудимый отказался признать заключение графологической экспертизы, утверждавшей, что почерк его; б) тайнопись была выполнена таким лекарством, которое не могло никоим образом оказаться в распоряжении заключенного; в) предъявленных рукописей так много, что на выполнение их заключенному потребовалось бы много времени, что не могло бы пройти незамеченным для всегда присутствующих сокамерников и наблюдавших за ним надзирателей; однако, никто из свидетелей не показал, что видел когда-нибудь Караванского за работой; г) для чтения тайнописи необходимы химикалии или нагрев до высокой температуры, после чего текст становится видимым. В распоряжении же КГБ имеется прибор, позволяющий читать тайнопись без проявления. На суде была представлена не проявленная тайнопись, из чего следует, что она была прочитана лишь органами КГБ или органами дознания. Таким образом, исключается факт распространения и факт изготовления рукописей.

*
**

31 августа 70 г. в Москве в Верховном суде состоялось кассационное разбирательство по горьковскому делу С. Пономарева, М. Капранова, В. Жильцова и В. Павленкова (см. «Хронику» № 11, 12, 13). Обвинение по ст. 70 и 72 УК.

Верховный суд оставил приговор без изменения: В. Павленков и М. Капранов приговорены к 7 годам лишения свободы в лагерях строгого режима, С. Пономарев — к 5 и В. Жильцов — к 4 годам.

ДЕЛО ЛЕВИТИНА-КРАСНОВА

22 августа 70 г. в Москву вернулся А. Э. Краснов-Левитин, церковный писатель, освобожденный из-под стражи в г. Сочи (подробно о А. Краснове см. в «Хронике» № 10). Он пробыл в заключении 11 месяцев, содержался в Армавирской тюрьме вместе с уголовниками.

Следователь по делу — Акимова. А. Э. Краснову инкриминировались ст. 190-1 и ст. 142 (клевета на советскую действительность и подстрекательство к нарушению законов об отделении церк-

ви от государства). Дело А. Э. Краснова-Левитина искусственно было связано с делом М. С. Севостьянова (г. Сочи), у которого при обыске были обнаружены некоторые работы А. Э. Левитина.

Следствие располагало экспертизой произведений А. Э. Левитина-Краснова, проведенной профессиональными антирелигиозниками, комиссия «экспертов» МГУ, Григорян, бывший зам. редактора ж. «Наука и религия», произвольно вырывая фразы из произведений Левитина, посчитала клеветой на советский государственный строй такие его высказывания, как: «В Швеции — высокий уровень жизни», «В Англии рабочие не голосуют за коммунистов», «Христианин одинаково не может одобрить ни «кровавого воскресенья» в 1905 году, ни убийства пяти невинных детей в Екатеринбурге в 1918 году». Заключение экспертизы: Левитин является злостным антисоветчиком и должен, подобно некоторым сектантам, находиться в заключении.

А. Э. Левитин-Краснов на все обвинения отвечал: «Ни в чем виновным себя не признаю. В моих произведениях есть лишь правда, одна только правда, ничего, кроме правды. Мой арест лишь подтверждает мои утверждения о наличии у нас в стране беззакония и произвола. Я категорически отказываюсь назвать имена каких бы то ни было лиц, которым я давал читать свои произведения».

В середине января 70 г. следствие было закончено, при подписании ст. 201 присутствовал московский адвокат А. Л. Залеский. Дело было передано в Краснодарский краевой суд и назначено к слушанию в феврале. Однако, краевой суд отказался принять дело и передал его на доследование мотивируя свое решение тем, что обвинение Левитина в клевете не конкретизировано, а также непонятно, какой именно закон и кем был нарушен вследствие подстрекательства Левитина. Суд заявил также, что экспертиза проведена с нарушением юридических норм: не правомочна решать вопрос о наличии в произведениях Левитина клеветы на советский общественный строй — это дело следствия и суда.

Прокуратура Краснодарского края обратилась в Верховный Суд РСФСР «с частным протестом» против решения краевого суда, требуя обязать Краснодарский суд принять к рассмотрению дело Левитина.

Верховный суд РСФСР решением от 9 июня 70 г. отклонил протест и утвердил решение Краснодарского краевого суда.

11 августа А. Э. Левитин-Краснов был освобожден из-под

стражи, но ему было заявлено, что следствие будет продолжено. Изменена лишь мера пресечения *)).

В Москве А. Э. Левитин-Краснов был тепло встречен своими друзьями, верующими и неверующими, и заявил им о верности всем своим убеждениям и неизменности своей идейной позиции.

ОБЫСКИ И АРЕСТЫ ЕВРЕЕВ, ЖЕЛАЮЩИХ ВЫЕХАТЬ В ИЗРАИЛЬ

9 июля в Тбилиси арестованы 2 грузинских еврея — Вениамин Джанашвили и Абрам Дженджихашвили. Они продолжительное время добивались выезда в Израиль. Поводом для ареста послужил инцидент, происшедший 26 января 70 г. в приемной МВД Грузии, куда явилась группа евреев с ходатайством о выезде из СССР и где она была грубо принята майором Кижнадзе. Ведется следствие.

**

В связи с Ленинградским делом о самолете («Хроника» писала о нем в № 14) в ряде городов Союза были проведены обыски и аресты среди евреев.

Ленинград. Кроме уже указанных «Хроникой» № 14, арестованы в июле юрист Г. Вертлиб, 38 лет, инженер Г. Шур, 34 г. — ст. 64 и 70 — 8 июля инженер В. Богуславский, 30 лет — обвинение представлено по ст. 70 и 72 УК РСФСР.

Кишинев. 23 июля 70 г. арестован Александр Гальперин, 24-летний инженер. Одновременно были произведены обыски в 7 еврейских семьях. При обысках изымались книги по еврейской истории, учебники еврейского языка, записи еврейских песен, а также распространяемая киосками Союзпечати газета «Фольксштимме».

В конце июля арестованы Давид Рабинович, 24-х лет, техник, принимал активное участие в еврейской самодеятельности Кишинева; при обыске изъяты записи ролей и стихи на еврейском языке, и еще двое (фамилии не известны). Обвинение по ст. 70 и 72 УК.

Рига. 15 июня у Бориса Мафцера, 26 лет, и Арона Шпильберга (30 лет, имеет 3-летнюю дочь и в настоящее время беременную жену) проведены обыски. Изъяты материалы Самиздата по еврейскому вопросу, книги по еврейской истории, магнитофонные ленты с записями еврейских песен.

*) По последним сведениям, новый суд над Красновым-Левитиным состоится в конце января с./г.

5 августа Б. Мафцер и А. Шпильберг были арестованы. Обвинение предъявлено по ст. 64 и 72.

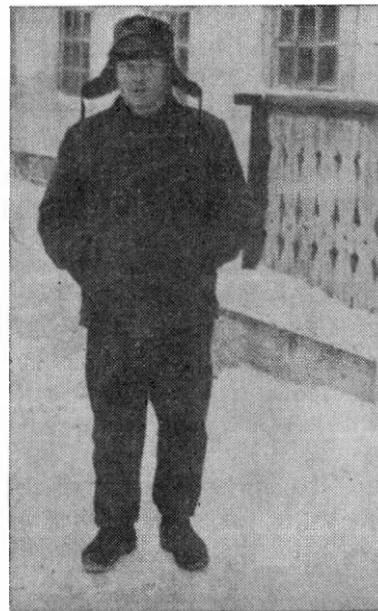
Еще у 18 человек были произведены обыски.

В середине августа прошли обыски в 5 еврейских семьях, которые подавали документы на выезд в Израиль.

*

**

В Москве следователь Ленинградского УКГБ ст. лейтенант Егоров в августе допрашивал в качестве свидетелей ряд лиц по делу о самолете. Одному из свидетелей он заявил: «Что вы защищаете? Их уже ничего не спасет!».

Эдуард Кузнецов, приговоренный к смерти в конце декабря Ленинградским судом за попытку бежать на самолете в Израиль. После международной кампании протестов, Высший суд сменил смертный приговор на 15 лет заключения.

В МОРДОВСКИХ ЛАГЕРЯХ

«Хроника» (14) писала об убийстве Баранова в одном из Мордовских лагерей. Это произошло 3 мая в час дня. Из 12 (психиатрического) корпуса центральной больницы Дубровлага, расположенного рядом с жилой зоной лагеря 385/3-1, выскочил и бросился на запретную зону психически больной Баранов. С вышки по нему открыли стрельбу, было сделано 11 выстрелов из автомата, не менее 5 пуль попали в цель, последние два выстрела были сделаны по неподвижно лежащему раненому, явно с целью добить его.

Это видели и из больницы и из лагеря.

На следующий день 4 мая более 15 человек, в том числе Квачевский, Айдов, Юркевич, Арутюнян, Василян, Экимян, Айрикан, Навасардян, Ашикян, Гандин, Федотов, Лесняк, Белорусский, Васильев, не вышли на работу, объявив трехдневную забастовку протеста против расправы над психически больным человеком.

Прокурору Дубровлага были направлены заявления с требованием срочного расследования и наказания виновных. Айдов и Квачевский обращались к Генеральному прокурору, Юркевич с письмом в ЦК КПСС.

Их троих судили и отправили во Владимирскую тюрьму. Арутюняну и Василян дали по семь суток карцера.

5 мая несколько человек отказались от участия в забастовке, но вечером того же дня умер пожилой латыш Ян Лутбарш, незадолго до того выписанный из больницы с диагнозом «здоров», и забастовка вспыхнула снова, в ней принимали участие более 40 человек.

После этого два солдата-армянина Рубен Давидян и Гензел Дербинян отказались нести вахту на вышках.

*

**

В начале июля 70 г. в лагере ЖХ 385/19 состоялась голодовка протеста против усиленного режима. В ней приняли участие 20 молодых политзаключенных. Степан Затилян (срок 4 года, осужден в 69 г. за армянскую газету «Парос») Василий Кульнин (6 лет, дело УНФ-Укр. Нац. фронт), Николай Драгиш и Николай Тарнавский (7 и 6 лет, марксистская группа в Одессе, осужденные в 65 г.) были отправлены во Владимирскую тюрьму. По этому поводу голодовки протеста были объявлены в двух зонах, где заключенным зачитывался приказ о переводе во Владимир.

*

**

После трехлетнего пребывания во Владимирской тюрьме, в зону 17-А Мордовских лагерей вернулись Михаил Горынь и Михаил Масютка.

*

**

18 августа в Явасе состоялся суд над А. И. Гинзбургом. Он обвинялся в участии в голодовках и отрицательном влиянии на заключенных. 25 августа А. И. Гинзбург был доставлен во Владимирскую тюрьму на первые 4 месяца назначен строгий режим.

*

**

Игорь Юркевич, 1936 г. р. окончил ф-т журналистики МГУ, работал в Петропавловске (Казахстан). Осужден в конце 69 года Петропавловским областным судом за письмо в ЦК КПСС по чешскому вопросу на 4 года лагерей строгого режима. В лагерь 385/3-1 прибыл в начале февраля 70 г.

СОСТАВ ЖЕНСКОГО ПОЛИТЛАГЕРЯ ЖХ 385/3

1. Зарицкая Екатерина Мироновна. Родилась в 1914 г. в городе Коломыя в семье учителя гимназии. Окончила Львовский музыкальный институт им. Лысенко и Львовский политехнический и-т. В 34 г. была арестована за участие в покушении на министра внутр. дел Польши Парецкого, приговорена к 4,5 г. заключения, освободилась в августе 39 г. В марте 40 г. была арестована НКВД с теми же обвинениями, которые ей предъявлялись польскими властями в 34 г. В сентябре 40 г. в тюрьме родился ее сын Богдан. В конце июня 41 г. в краткий период между отступлением советских войск и вступлением немцев была освобождена из Львовской тюрьмы в числе 16 уцелевших. Тогда же ушла в подполье. До 47 года была руководителем Украинского Красного Креста, сотрудничала в журнале «Идея и дело», была связной ОУН. Арестована в 47 г. в г. Ходорив. При аресте отстреливалась, кого-то убила и ранила, была ранена в голову. В тюрьме, придя в себя, раскусила ампулу с цианистым калием, но была спасена. Особым совещанием приговорена к 25 годам лишения свободы. До апреля 69 г. находилась во Владимирской тюрьме.

Ее муж, Мих. Мих. Сорока, находится в лагере ЖХ 385/17 А.

2. Дидык Галина, 1912 г. р., учительница. До начала 47 года — зам. руководителя Красного Креста при УПА, затем разведчица

и связная ОУН. Арестована в апреле 50 г. Дом, где она скрывалась вместе с генералом Романом Шухевичем, был окружен. Шухевич погиб в перестрелке (или застрелился, видя безвыходность положения), а Г. Дидык пыталась покончить с собой, приняв яд. Приговорена к 25 годам. До апреля 69 г. была во Владимирской тюрьме.

3. Гусьяк Дарья, 1924 г. р., связная ОУН, арестована в марте 50 г. приговорена к 25 годам. Во Владимирской тюрьме провела 19 лет.

4. Пальчан Мария, 1927 г. р., связная ОУН, арестована в 58 г., приговорена к 15 годам.

5. Склярова Лидия. Приговорена к 15 годам за участие в попытке захвата самолета с целью уйти за границу.

6. Селиванчик Галина, 1927 г. р. Приговорена к 13 годам за участие в попытке захвата самолета в 69 г. Вместе с ней участвовали ее брат и муж, муж при этом погиб.

7. Кюдене Веруте, 1919 г. р. литовская колхозница. Осуждена в 68 г. на 10 лет за события 20-летней давности (послевоенное нац. сопротивление). Арестована в психиатрической больнице, где она лечилась, по доносу врача, контролировавшего ее бред. До сих пор психически больна.

8. Грошева Надежда Степановна, 59 лет. Арестована в Ташкенте. Осуждена вторично на 10 лет за принадлежность к группе ИПЦ (истинно православная церковь) по ст. 70 — антисоветская пропаганда. Первый приговор был 25, из которых отсидела несколько лет и вышла в 56 году. Окончание срока в октябре 70 г.

9. Варсеева Мариам Митрофановна, 50-52 года. Арестована в Ташкенте. Осуждена на 10 лет, группа ИПЦ. Окончание срока в октябре 70 г.

10. Семенова Мария Павловна, 45 лет. Срок 10 лет, группа ИПЦ. Конец срока в 71 году.

11. Кислячук Евгения Фоминична, около 65 лет. Осуждена на 10 лет вторично за принадлежность к секте «Свидетельница Иеговы». Конец срока в 72 г.

12. Бокарь Вера Ивановна, осуждена за принадлежность к секте «Свидетельница Иеговы» на 7 лет плюс 5 лет ссылки. Конец срока в декабре 70 г.

13. Машкова Валентина, 38 г. р. В политическом лагере вторично. Арестована в августе 66 г. за попытку перейти вместе с

мужем границу. В тюрьме родила дочь. Приговорена Ленгорсудом сначала к 10 годам (прокурор просил 13 лет), после отмены приговора Верховным судом при повторном рассмотрении дела Ленгорсудом в том же составе — к 6 годам (прокурор просил 10).

14. Гайдане Бируте, 1950 г. р., дочь латышской писательницы. Арестована в июне 69 г. за вывешивание национального латышского, красно-бело-красного флага. Осуждена на 1,5 г.

15. Рогалева Елена, 1952 г. р. Арестована в 69 г. в г. Красноярске-45 (спутник Красноярска) и осуждена в конце года вместе с двумя ее ровесницами Петрашко и Потемченко выездной сессией Верх. суда РСФСР по ст. 68, 70, 72 УК РСФСР (антисоветская агитация, пропаганда; распространение листовок, диверсия: поджоги административных зданий — милиции, прокуратуры, суда и особняков «отцов города») — на 5 лет ИТК строгого режима.

16. Бекдуалиева Раиса Ильинична, 45 лет, учительница литературы. Осуждена в марте 70 г. Ужгородским судом на 3 года за письмо зарубежным государственным деятелям.

17. Грюнвальд Наталья Францевна — героиня фильма «Два года над пропастью». Арестована в 40-х годах, приговорена к 25 годам, амнистирована в 56 г., но по личному распоряжению Генерального прокурора Руденко в 62 г. возвращена в лагерь. В предъявленных ей обвинениях виновной себя не признает.

18. Воронцова Вера. Неоднократно судима в последние годы за уголовные преступления. В 58 г. Ленинградским областным судом приговорена к расстрелу за сотрудничество с немцами во время войны (доносила на советских подпольщиков), расстрел заменен в порядке помилования 15 годами. Сейчас в лагере осуществляет надзор за другими заключенными.

19. Недавно помилована 90-летняя «особо опасная государственная преступница», отсидевшая более половины своего 25-летнего срока.

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Лисовская Н. П., кандидат биологических наук, сотрудник И-та Физиологии растений АН СССР. В июле была уволена по сокращению штатов. Основание — персональное письмо 2-х летней давности в защиту А. Марченко.

Милошевич В., научный сотрудник И-та водных проблем АН СССР, в августе уволен по сокращению штатов. Основанием для

сокращения были подписи под письмами протеста, а также выступление в качестве свидетеля на суде И. Габая и В. Джамилева в Ташкенте.

Самсонова Тамара Васильевна, преподавательница философского ф-та МГУ, жена П. М. Егидеса (см. «Хронику» № 14 — кратк. сообщ.). Уволена с работы.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Петр Григорьевич Григоренко по-прежнему содержится в психиатрической больнице в г. Черняховске (см. «Хронику» № 14).

3 июля к нему на свидание поехала жена З. М. Григоренко, сын Андрей и его невеста. Начальник больницы майор Белокопытов в свидании отказал без всякой мотивировки, хотя доктор Бобылев по состоянию здоровья Петра Григорьевича не возражал против свидания. На просьбу хотя бы о пятиминутном свидании для родительского благословения молодых, майор Белокопытов ответил: «Не просите, у меня чувств на работе нет, а только инструкция». На замечание З. М. Григоренко, что ведь эта поездка много стоила, майор сказал: «Я не так вас разорю. И научу как жить». Лишь на второй день была принята передача.

3 августа Андрей Григоренко вместе с женой снова поехал к отцу. Было разрешено свидание на два часа по часу. На просьбу дать свидание на третий день, как всем приезжающим, майор Белокопытов заявил: «Хватит, а то больно густо будет».

П. Г. Григоренко в палате один. Карандаша и бумаги лишен.

*
**

Ларисе Богораз в районном отделении милиции (ст. Чуна Иркутской обл.) заявили, что, хотя у органов надзора к ней нет никаких претензий, она не может быть представлена к условно-досрочному освобождению, так как не изменила своих взглядов и отношения к вводу войск в Чехословакию, а также отказалась участвовать в июньских выборах в Верховный совет. Ей было предложено написать заявление об ошибочности своих взглядов, что послужило бы основанием к освобождению.

Кандидат филологических наук Богораз работает такелажницей (грузчицей). В милиции ей заявили, что ни о какой другой работе, ни тем более о работе по специальности, не может быть и речи.

28 июля по американскому телевидению был показан телефильм (1 ч. 15 м.), с интервью А. Амальрика, В. Буковского и П. Якира, данным ими корреспондентам американской телекомпании Биллу Холу, а также запись на магнитофонной ленте заявления Александра Гинзбурга о положении в лагерях, переданного из лагеря.

А. Амальрик в своем интервью говорит о перспективах развития советского государства. В. Буковский рассказывает о положении в современных лагерях и психиатрических лечебницах специального типа. П. Якир рассказывает о положительных моментах демократизации в нашей стране и борьбой за нее.

Как выяснилось, А. Амальрик, арестованный в мае с. г. (см. «Хронику» № 14), будет проходить по одному делу с Л. Г. Убожко (см. «Хронику» № 13), которого Амальрик не знает. У Л. Убожко при аресте было изъято «Открытое письмо Кузнецову» А. Амальрика.

В день ареста А. Амальрика, 21 мая 70 г., в ряде домов Москвы были произведены обыски. В частности, сотрудники прокуратуры Куйбышевского р-на и органов МВД проводили обыск у Ю. М. Виленского. В начале июня Виленский допрашивался в качестве свидетеля в помещении Прокуратуры РСФСР. Вели допрос И. Кирилкин и Калявин.

**

Уже около 8 месяцев В. Дремлюга находится в новом лагере в Ленске (Якутия). За это время от него получены всего два письма, а он получил одну бандероль. Стало известно о пристрастном отношении к нему лагерной администрации: его неоднократно лишали переписки, необоснованно помещали в изолятор. В конце июля 70 г. В. Дремлюга объявил голодовку, результат которой неизвестен. Физическое состояние его плохое. На запрос адвоката, который хотел выехать к своему подзащитному для составления жалобы по надзору, администрация лагеря не отвечает (посланы 2 телеграммы).

**

В начале года в г. Кишиневе арестован Суслонский, преподаватель языка в школе. Обвиняется по ст. 70 УК РСФСР. Вменяются в вину магнитофонные записи передач Би-Би-Си (о Солженицыне), распространение самиздатской литературы. Главная улика — дневник, который Суслонский давал читать 2-3 свидетелям.

**

3 июля 70 г. у В. Красина, высланного из Москвы «за тунеядство» в Красноярский край (см. «Хронику» № 11), производился обыск по номерному делу. Постановление на обыск подписано ст. следователем Прокуратуры г. Москвы Акимовой Л. С. Дата выписки постановления 30 марта.

На вопрос Красина «по какому делу» и «почему постановление подписано 30 марта?», производившие обыск (люди в штатском и лейтенант зам. коменданта г. Енисейска) отвечали: «Мы и сами не знаем, нам поручено, мы исполнители», «долго добиралось постановление, вот и пришло к вам сегодня».

На обыске изъяты записки П. Г. Григоренко из Ташкентской тюрьмы, наброски Красина о сталинских лагерях, о движении за гражданские права в СССР, записи текущих событий в СССР и ЧССР.

Красин протестовал против изъятия его личных набросков на том основании, что изымаемое не имеет отношения к делу, по которому производится обыск. Обыскивающие отвечали: «Мы не знаем, там разберутся». Свой протест Красин занес в протокол.

После обыска Красина допросили. Его спрашивали, знаком ли он с Горбаневской, Б. И. Цукерманом, А. Амальриком. На все вопросы Красин отвечал: «На все вопросы, связанные с движением за гражданские права, его участниками, документами, отвечать отказываюсь, так как нас преследуют незаконно».

Следователь, проводивший допрос, обещал, что Красин будет привлечен к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний.

*
**

Утром 17 апреля в Тарту в центре города сгорел деревянный пилон с изображением Ленина. Вскоре в другом районе был задержан юноша, признавшийся в поджоге. Он рабочий местной гребеночной фабрики, 1952 г. р. По некоторым сообщениям, судебно-психиатрическая экспертиза признала его невменяемым. Имя юноши неизвестно.

В БЕЛОРУССИИ ЗАКРЫВАЮТСЯ КОСТЕЛЫ

В местечке Новая Руда Гродненской области БССР Исполком решил закрыть костел и переоборудовать его в зернохранилище. Председатель Исполкома Белакова ездила в Москву за разреше-

нием на закрытие костела. Просьбы верующих не закрывать костел были оставлены без внимания.

26 июня 70 г. заместитель Белаковой Захарченко, переодевшись милиционером, с группой милиционеров спрятался в лесу и два часа ждал пока жители уйдут на работу. Затем костел был оцеплен. Захарченко сбил замок, милиционеры собрали церковную утварь и погрузили ее на машину. Видевшие это женщины пытались помешать милиции, но испытав на себе со стороны милиции «физическое воздействие» (женщинам заламывали руки) и отчаявшись помешать увозу церковной утвари, легли под колеса машин. Шофер отказался вести машину, тогда за руль сел Захарченко, а милиционеры стащили женщин с дороги. Машина уехала. Костел был закрыт.

*
**

Летом 69 г. в с. Щучино Гродненской области был закрыт костел. Священник отказался покинуть свою паству.

*
**

В начале августа появилось обращение к рабочим, крестьянам и интеллигенции за подписью «Комитет борьбы за социалистическую демократию». Повод обращения — установление бюста Сталина у Кремлевской стены, рядом с мавзолеем Ленина. Авторы выступают против возрождения сталинизма, с позиций ленинизма.

Призывают: «Отдадим все силы строительству социалистической демократии в нашей стране».

*
**

Сообщаем адреса:

Илья Габай (Москва) г. Кемерово-28 п/я 1614/40 бр. 44.

Владислав Григорьевич Недобора (Харьков) г. Желтые Воды Днепропетровской области п/я 308/28 3-32.

Владимир Владимирович Пономарев (Харьков) — Винницкая область, Песчанский р-н пос. Трудовой ИВ 301 бр. 24.

Аркадий Левин (Харьков) — Ровенская обл. пос. Городище ОР 318-96 «5».

НОВОСТИ САМИЗДАТА

“Открытое письмо Микису Теодоракису” от рабочего Р. Мухамедьярова (Москва).

Указывая на непрекращающиеся в СССР репрессии политического характера, на факты “грубейшего нарушения самых элементарных прав человека в нашей стране”, автор призывает Теодоракиса выступить с протестом против нарушения демократии в Советском Союзе.

Яр. Ясный “Андрей Амальрик как публицист”. Статья оценивает судьбу и творчество А. Амальрика как крупный вклад в новейшую историю “независимого слова в России”.

Современный режим не в силах противопоставить свободному слову ничего, кроме грубых репрессий. Поэтому каждое независимое слово, выступление становится актом мужества и получает высоко нравственное содержание. “Андрей Амальрик... являет собой пример действий свободного литератора и человека в обстановке шантажа, противоправных арестов и фактически тайных судов” — пример, вызывающий удивление со стороны “свободных” западных корреспондентов. Содержание этого примера — высокая степень внутренней свободы, при которой, по словам самого Амальрика, “власть многое может сделать с человеком, но не в силах лишить его моральных ценностей”. В условиях тоталитарного режима, где правит не закон, а обычай, добиться такой свободы столь же трудно, сколь и необходимо. Речь идет не о простом преодолении “рефлекса страха”, но о подлинной независимости и от принудительных норм, и от жупелов любого фасона. Русскому национальному складу вообще присуще априорное некритическое принятие действующих запретов, особенно традиционного запрета “выносить сор из избы”, даже несмотря на общее недовольство этим “сором”. Независимое мышление отрицает всякую некритичность. “Амальрик выносит сор из избы” — и это “единственно перспективный способ действия”, чтобы избавиться от нечистоплотности.

Внутренняя независимость предусматривает высокую степень объективности в суждениях и полемике. Амальрик в своих работах демонстрирует подлинное уважение и терпимость к оппоненту, достоинство, как в отстаивании, так и в ненавязывании своих взглядов.

Взгляд его на будущее — в конечном счете пессимистичен, но этот пессимизм в сочетании с внутренней свободой приводит не к разрушению, а, напротив, к утверждению его личности. Он остается самим собой по отношению к режиму и к различным оппозиционным направлениям, представляя собой одно из них: “Позицию внутренней свободы”.

О статьях Амальрика см. в “Хрониках” №№ 11, 12, 13.

В. Л. Севрук “В силу самого факта”, 208 машинописных листов. Рукопись автобиографического характера. Чтобы попасть в Суворовское училище, из среднеуспевающих становится отличником и в Суворовском он на самом лучшем счету. Но за два месяца до производства в офицеры покидает училище.

Действительную службу начинает рядовым солдатом, но быстро выделяется знанием службы, избирается комсоргом подразделения. За доклад, сделанный не по установленным образцам, лишается увольнитель-

ной. В ответ Севрук объявляет голодовку. Затем его через психиатрическую больницу комиссуют. Таким же образом и при сходных обстоятельствах его “отчисляют” из Вильнюсского Университета. Любопытно медицинское заключение о невменяемости Севрука: “Мания марксизма и правдонскательства”.

Вацлав Леонович Севрук — младший научный сотрудник в секторе социологии отделения философии Института Истории АН ЛССР.

Письмо А. Белинкова конгрессу Пен-Клуба, собравшемуся в Ментоне (Франция), в сентябре 69 года.

В своем письме А. Белинков резко обрушивается на советскую ориентацию западных либеральных интеллигентов и указывает, что нельзя бороться за демократию на Западе, апеллируя к Советскому Союзу. Всякий компромисс, всякое сотрудничество с советским режимом западной интеллигенции Белинков оценивает как предательство общедемократического дела. Надежды на изменение советского режима, на какое-либо смягчение его за счет прихода к власти более молодых, более образованных кадров Белинков считает иллюзиями, самоугариванием.

Единственное, что, по словам Белинкова, можно сделать, это “помешать вытоптать все живое”.

П. И. Якир — Письмо в секретариат международного конгресса историков в Москве от 16 августа 70 г. Письмо посвящается второй годовщине оккупации войсками Варшавского договора Чехословакии.

Автор считает, что важными темами для научных дискуссий Конгресса могли бы, помимо утвержденных, быть: 1. Начальный период второй мировой войны и Советский Союз. 2. Сталин и Гитлер в истории новейшего времени. 3. Человек и государство. Обсуждение этих тем помогло бы лучше понять историю мира за последние 40 лет. Автор обращает внимание на нарушение прав человека в СССР и в качестве примера перечисляет свыше 40 человек, арестованных по политическим мотивам.

“Дедовск. Туда и обратно” Поэма. Стихам предпослан эпиграф — отрывок из воспоминаний маршала Жукова, в котором рассказан случай бессмысленного приказа Сталина, стоившего жизни двум ротам. Поэма посвящена памяти жертв сталинского произвола.

Роальд Мухамедьяров. “Письмо старым товарищам”, август 70 г. Адресовано Ю. Домбровскому, Ю. Дубяге, П. Дудочкину, Е. Герасимову, А. Жигулину, Т. Журавлеву, В. Каверину, Р. Кутую, В. Макакову, Г. Пауткину, Ф. Светлову, А. Тактену, Л. Топчому.

В своем эмоциональном обращении к старым “товарищам” автор пишет, что вместе с бюстом Сталина, поставленным у мавзолея Ленина, возникает и все более активизируется неосталинизм, что особенно видно на политических процессах последних двух лет. Но, пишет автор, в СССР растет и демократическое движение, хотя на сегодня оно еще очень слабо. Понимая, что выбор способа борьбы против произвола зависит от личности человека и от конкретной обстановки, автор призывает начать кампанию за освобождение жертв известных политических

процессов, за пересмотр вообще всех дел политзаключенных. Иначе по-томки не простят бездеятельности и молчания.

А. Вольпин. "Вечную ручку Петру Григорьевичу Григоренко!" — Статья в форме открытого письма А. Солженицыну. Поводом для статьи послужило известие, что П. Г. Григоренко, находящегося в больнице-тюрьме г. Черняховска, лишили возможности писать иначе, как под при-смотром врачей. Автор статьи считает запрещение свободно пользоваться письменными принадлежностями противоправным: "Каждый из нас в пра-ве обращаться с мыслями к потомству". Общество, которое хотя бы на миг забывает об этом, теряет право на те надежды, которые возлагали на него его предки" (1).

Открытое письмо В. Гусарова автору статьи "Человек вернулся" (см. "Литературную газету" от 1 июля 70 г.).

В. Гусаров пишет, что в статье многие проблемы не затрагиваются, автор статьи В. Перельман касается лишь проблемы трудоустройства правонарушителя, затруднений в прописке, бытовых трудностей, но остаются неосвещенными приемы следствия, судьба подельщиков и др.

Письмо написано иронически, в виде памфлета.

Г. Вертлиб и Г. Шур, Ленинград, 28 июля. Письмо на имя Генераль-ного прокурора и в Президиум Верховного Совета по поводу ареста в Ленинграде 15 июля группы евреев — Могилевера, Черноглаза, Корен-блита и др. (см. Хр. № 14). Авторы пишут о невиновности арестованных и просят освободить их. "Дайте им, как и нам, возможность уехать в Израиль".

Письмо десяти евреев от 9 июля 70 г. депутатам 1-й сессии Вер-ховного Совета СССР. Подписавшие письмо обращаются в высший орган государственной власти, исчерпав все возможности, и просят: "Отпусти-те нас с миром. Пока мы есть, мы будем с каждым днем все громче требовать свободы выезда".

Письмо тридцати евреев на Сессию Верховного Совета с просьбой принять закон о репатриации.

"Исход" (Сборник документов), вып. 2, 70 г. Содержит частные и коллективные обращения советских евреев за период в основном мая-июня 70 г., адресованные самым различным общественным и государ-ственным деятелям всего мира и в международные организации. Авторы писем и обращений живут в Риге, Вильнюсе, Минске, Ленинграде, Мо-скве, Киеве и др. городах. Среди адресатов: генеральный секретарь ООН Утан, председатель Президиума Верховного Совета СССР, председатель международной организации Красного Креста, премьер-министр Израиля Гольда Меир, председатель Совета Министров СССР А. И. Косыгин, Ми-нистерство Иностранных дел, Комиссия по Правам Человека ООН, пре-зидиум 14 съезда комсомола, Генеральный прокурор СССР, парламенты стран-участниц Конвенции по ликвидации всех форм расовой дискри-минации.

(1) Напечатано полностью в "Русской Мысли". Париж, 24.-IX.-1970 г.

Письма рассказывают о многочисленных попытках советских евреев добиться возможности выезда к своим родственникам в Израиль. Все попытки оказываются тщетными. Отказы не мотивируются. "Советское правительство не опускается до диалога. Оно молчит".

Особенно трагично звучит заявление четырех евреев из Вильнюса: "Некоторые из нас уже успели состариться, так как подают документы на выезд в Израиль уже более 10 лет".

Некоторые письма кончаются длинным списком лиц, которые доби-ваются возможности соединиться со своими родителями, проживающими в Израиле.

Выпуск содержит также письмо 9 ленинградских евреев от мая 70 г. (среди подписавших Л. Каминский, В. Могилевер, Д. Черноглаз, арес-тованные 15 июня и Г. Вертлиб, арестованный месяц спустя), письмо 37 ленинградцев, написанное накануне 15 июня, письма Г. Вертлиба, Г. Шура, В. Богуславского, переписку Л. Каминского с газетой "Правда" о воспитании детей в соответствии с еврейской традицией.

Выпуск заканчивается письмом Виктора Богуславского (ныне арес-тованного) Генеральному прокурору, в котором он рассказывает о "пре-ступлении", совершенном его товарищами.

"Обыски производились с целью изъятия "орудий преступления". Изъятими "орудиями" оказались письма и открытки от близких и зна-комых из Израиля, а также любые тексты, содержащие слова "еврей" и "еврейский"... В ходе обыска было обнаружено и "оружие" — 7 патронов от малокалиберной тренировочной винтовки в доме Григория Бутмана (Г. Бутман прежде работал следователем в милиции).

Но было обнаружено и более страшное "оружие" — учебники и самоучители языка иврит, присланные по почте, а отчасти, переснятые фотоспособом. Все это вместе с письмами и статьями по еврейской исто-рии, с романами и магнитофонными записями еврейских песен должно было, очевидно, служить неопровержимыми "уликами преступления".

В заключение В. Богуславский восклицает: "Мои товарищи мечтали услышать еврейскую речь из уст детей. Разве это преступление?".

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЕ

В. Г.(ершуни).

В продолжение долгих недель
то ли оттепель, то ли метель
заплетала метелками ветлы,
залепляла туманные стекла.

Загляни, коль печали придут,
в неприветливо-утлый приют,
где оттаявшее поленце
не пленяет надеждой погреться.

Раздели этот холод со мной,
этот жар оболочки земной,
дуновение и дыханье,
спички жаркое полыханье.

Разожги этот меркнувший свет,
слабый отсвет растаявших лет,
слабый привкус вчерашнего рая,
на ветру и навеки сгорая.

Июнь 70.
Бутырская тюрьма.

И. Лаврентьевой.

Вздохнет, всплакнет валторна электрички,
недостижимый миф.
По решке проскользнет сиянье спички,
весь мир на миг затмив.

Вспорхнет и в ночь уносится валторна.
Пути перелистать,
как ноты. О дождливая платформа,
как до тебя достать?

Пустынная, бессонная, пустая,
пустая без меня,
и клочья туч на твой бетон слетают,
как будто письма,

и, хвостиками, точками, крючками
чертя по лужам след,
звенят они скрипичными ключами
ушедшей вслед.

13 июля—10 сент. 70.
Б(утырская) Т(юрьма).

Наталья Горбаневская с сыном

**

Ручей не расцветает,
и не поет форель.
А кто не так считает,
повис на фонаре.

А кто считает звезды,
повисшие в ручье,
уж тот совсем не создан
для жизни. Да зачем,

зачем он их считает?
Петля ему, петля.
Уж воронье слетает.
Прими его, земля.

Он и других погубит,
зарой его скорей!

Но не смолкает солнечный Шуберт,
в ручье золотая поет форель.

10 сент. 70.
БТ

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

М. Г.

В № 95-96, стр. 177, 1970 г. нашел ценный этюд о творчестве Пушкина П. Б. Струве: "Неизъяснимый" и "Непостижный".

Позволяю себе, по связи с темой о Пушкине, предложить Вам краткие выдержки моей статьи, в свое время напечатанной в "Р. М." № 2735, 24.IV.69.

Делаю это в надежде, что кто-либо из "пушкиноведов" откликнется, на поставленный в конце статьи вопрос об авторстве Пушкина — касательно известного всем стихотворения "Отче Наш".

Обращаюсь именно к Вам потому, что эта тема не будет чужда для "Вестника" и потому еще, что "Вестник" давно уже вышел за грани узко-специального сборника, и касается тем, не только узко-богословского, но и обще-религиозного, философского и даже литературного и публицистического характера, продолжая притом оставаться в схемах своего первоначального направления.

Соразмерно этому и интерес к нему начинает расширяться, и это усматривается и в корреспонденциях, и в откликах (и пожеланиях), поступающих, видимо, в Редакцию в большем количестве, чем это печатается...

Так как хотелось бы "воспользоваться" Вашим журналом: может быть, теперь даже издаека, кто-либо, располагая большим "Пушкинским" материалом, откликнется на поставленный вопрос об авторстве самого Пушкина в оспариваемом "Отче Наш"?..

С совершенным к Вам уважением,

"ОТЧЕ НАШ" А. С. ПУШКИНА

В "Сборнике Пушкину" 1799-1899, выпущенном Киевским Педагогическим Обществом к столетнему Пушкинскому юбилею, помещен м. пр. очерк свящ. И. Троицкого. "Религиозный элемент в произведениях А. С. Пушкина", стр. 235-236. Там читаем: "...В связи с этим чудным переложением молитвы Ефрема Сирина ставим следующее неизданное стихотворение Пушкина — переложение "Молитвы Господней" (Примечание — напечатано в первой книжке "Русского Архива" 1881 г.).

Я слышал в келии простой
Старик молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
"Отец людей, Отец небесный,
Да имя вечное Твое
Святится нашими сердцами. (у А. Крылова*) — "устаи")
Да придет Царствие Твое.
Да будет воля Твоя с нами, (у А. К. "Твоя да будет воля с нами")
Как в небесах, так и на земли. (у А. К. "На небесах, и на земли")

*) В статье напечатанной в "Русской Мысли", 24.X.68, под заглавием "Духовный путь Пушкина".

Насущный хлеб нам ниспосли (у А. К. "ниспосли")
 Твоею щедрою рукою.
 И как прощаем мы людей.
 Так нас ничтожных пред Тобою
 Прости, Отец, своих детей. (у А. К. "твоих")
 Не ввергни нас во искушение,
 И от лукавого прельщения (у А. К. "прельщенья")
 Избави нас...
 Перед крестом
 Так он молился. Свет лампы
 Мерцал чуть-чуть издалека...
 А сердце чаяло отрады
 От той молитвы старика.

Далее, непосредственно после этого читаем в тексте Очерка: Г-н Н. Сумцов в своих "этюдах об А. С. Пушкине" относительно принадлежности Пушкину переложения молитвы "Отче Наш", говорит вот что: "молитва эта входила в заграничные издания Пушкина, как известно, весьма неудовлетворительные. Г. С. Чириков впервые напечатал ее в I книге Русск. архив. 1881 г. и предположительно также отнес Пушкину. Г. Ефремов в собрании сочинений Пушкина (Выпуск II, стр. 74-75). 1881 г. т. V, стр. 540, категорически заявил, что эта "Молитва" не принадлежит Пушкину: не имеет за себя никаких данных, и ЗАСОРЯТЬ (ею) издание едва ли кто решится, тем более, что "Молитва" совсем напоминает Феодора Глинку. "Молитву" эту с тех пор забыли (продолжает свящ. И. Троицкий — мое прим. В. Г.), и в новейших изданиях сочинений Пушкина: — Павленкова, Поливанова, Литературного Фонда — ее нет. — На мой взгляд — продолжает о. Троицкий, — "Молитва" эта безусловно Пушкинское стихотворение, и вместо предполагаемого ЗАСОРЕНИЯ внесение ее в собрание сочинений Пушкина даст им новое немаловажное украшение. Эта "Молитва", вероятно, написана одновременно с переложением молитвы Ефрема Сирина. В обеих молитвах обнаруживаются сходные приемы поэтического творчества: обе имеют в начале нечто вроде вступления, обе одинаково гармонируют с настроением Пушкина. Переложение "Отче Наш" воспроизводит излюбленный Пушкиным мотив о ночной лампаде; стоит близко к "Подражаниям Корану".

*
**

"Психологическое" доказательство И. Троицкого в пользу Пушкина — "гармоничностью настроения" Пушкина в сходных приемах поэтического творчества поэта, при переложении им, например, молитвы Ефрема Сирина, что поддерживает и "Сборник" ("вполне принимаем этот взгляд"), едва ли будет убедительно для инакомыслящих, как и Сумцов, Чириков, Ефремов, или, например, некоторых издательств сочинений Пушкина, п. ч. "приятные взгляды" не есть еще фактическая документация...

Прот. Владимир Голунский.

ФАКТЫ БИОГРАФИИ П. Б. СТРУВЕ

М. Г. г. Редактор,

Надеюсь, что вы найдете возможным поместить в ближайшем номере «Вестника» мое письмо с исправлением некоторых ошибок, вкравшихся в статью Н. М. Зернова по поводу столетия со дня рождения П. Б. Струве.

Петр Бернгардович был такой значительной фигурой среди русских мыслителей и политических деятелей, что надо стараться по возможности точно излагать его биографию.

Я делаю эти поправки на основании личных сведений о П. Б., с которым я провел много времени в начале революции.

1) П. Б. не эмигрировал в Германию, а выехал из России с заграничным паспортом. Он вернулся в Россию сразу после манифеста 17 октября 1905 г., думаю, что с тем же паспортом.

2) Моя мать, А. В. Тыркова, не была его сотрудницей за границей. Вряд ли хотя бы одна ее статья была напечатана в «Освобождении». Она не могла провести в его обществе в Германии два года, так как приехала в Штутгарт летом 1904 года, а осенью того же года П. Б. был вынужден покинуть Германию и переехать в Париж. Моя мать тоже переехала в Париж, но Струве не посвящал ее в свои политические дела и планы. Сдружились они уже по возвращении в Россию...

3) П. Б. не «был ответствен за доставку продовольствия» во время Первой Войны. Продовольствия в тот период в больших количествах не доставлялось в Россию, так как в этом не было надобности. Во время войны П. Б. Струве председательствовал в комитете по ограничению торговли и снабжения неприятеля, другими словами по вопросам связанным с блокадой Германии. Этот комитет в Петрограде был отделением межсоюзнического комитета по этим вопросам, находившегося в Лондоне.

4) Нельзя сказать, что П. Б. во время гражданской войны «иногда нелегально приезжал в Москву» с юга России. Он возвратился в Москву из Ростова, после того как город в начале 1918 года был оставлен белыми и захвачен большевиками. В Москве он оставался до августа того же года, когда я увез его на север России, откуда четыре месяца спустя нам удалось перейти финляндскую границу.

5) Утверждение Н. М. Зернова, что «К моменту коммунистической революции Струве был христианином и непримиримым

противником марксистского понимания истории» может создать неверное представление о духовно-интеллектуальной эволюции П. Б. и создать впечатление, что в нем произошел внутренний перелом незадолго до революции. На самом же деле он стал активным противником марксизма уже в молодые годы и его первые статьи против марксизма появились еще в XIX веке.

С совершенным уважением,

Аркадий Борман.

ОТКЛИКИ НА ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР «ВЕСТНИКА» О СУДЬБАХ РОССИИ

В «Русской Мысли» от 17 декабря 1970 года, № 2821, появилась статья под подписью К. Померанцева, подробно разбирающая четыре статьи о судьбах России, напечатанные в 97 номере «Вестника». Приводим здесь несколько выдержек из этой статьи.

Не совсем обычный и исключительно интересный по содержанию последний, 97-й номер «Вестника» РСХД. Он, как предупреждает редакция, «посвящен судьбам России» и включает четыре статьи, полученные из СССР и анализирующие духовное состояние современной России.

Статьи отличаются беспощадной критикой советской интеллигенции, попыткой развенчания «мифа» об избранничестве русского народа и суровым обличением православной Церкви, по-прежнему продолжающей быть безропотной прислужницей государства. Следует приветствовать Редакцию «Вестника», не побоявшуюся опубликовать статьи, идущие не только против представления большинства эмигрантов о духовном состоянии советских людей, но зачастую противоречащих идеям и духовной настроенности самого РСХД. Но ведь не всегда дело заключается в согласии или несогласии с теми или иными высказываниями, но в объективной информации. Успешно бороться за свои идеи может лишь тот, кто знаком с идеями своего противника...

...Я не задавался целью разбирать и анализировать статьи. Мне хотелось лишь вкратце и возможно точнее передать их содержание. Поэтому ограничусь лишь самыми краткими замечаниями.

Если духовное состояние советской интеллигенции не только раздвоено, но поражено еще грехом мессианства — откуда возьмутся те, кто сможет образовать «духовные братства», о которых говорит четвертая статья? в какой Церкви должны образовываться эти братства, если служители православной Церкви, «неспособны благословлять своих прихожан на ставящие социальные цели братства мирян?», если они, эти служители, как и остальная интеллигенция, «служат двум господам»? Статьи об этом ничего не говорят.

Не вся теперешняя интеллигенция такова, какой ее изображают упомянутые статьи: примеры Сахарова, Ростроповича и их друзей, Со-

женицына и его героев показывают другое лицо интеллигенции в трех основных областях культурно-духовной жизни России: науки, музыки, литературы, не говоря уже о Краснояе-Левитине и священниках Эпилмане и Якушине, как раз борющихся против такого «двойного служения».

Наконец, о самой советской интеллигенции: не совсем оправдано ее сравнение со старой русской интеллигенцией. Эта последняя была, если так можно сказать, явлением «отстоявшимся», она создавалась рядом поколений, тогда как интеллигенция советская, по-настоящему появившаяся лишь после Второй мировой войны — явление лишь возникающее, совершенно естественно ищущее опоры в материальном мире. Корни двух интеллигенций различны.

Что же касается ненавистного В. Горскому русского мессианства, то это явление много глубже, чем предполагает его статья. Не отличается ли великий народ от других народов именно сознанием своей ответственности перед Историей, своим отличным от других народов назначением? Отсюда и великие культуры — древнеегипетская, древнееврейская, древнегреческая, германская, французская и т. д. Другое дело, что это сознание может быть гипертрофировано и искажено, но это касается его формы, а не его сущности.

Эти несколько замечаний ни в какой степени не должны умалять интереса статей. С ними обязан ознакомиться всякий, кто интересуется духовным состоянием русских людей в Советском Союзе. В них много горьких истин, тонких наблюдений, справедливого, хоть и жестокого анализа. Но, как все пишущееся, — т. е., дело рук человеческих, — статьи эти не могут претендовать на абсолютную безошибочность. И я только об этом напомнил.

К. Померанцев.

ОБЗОР ЖУРНАЛОВ

«Irenikon» revue trimestrielle, Chevetogne (Belgique), XLIII, 1970, № 1-3.

Редакция католического журнала «Иреникон», издаваемого в бенедиктинском монастыре в Шевтоне, ставит себе целью служение христианскому единству. Практически эта цель осуществляется двумя путями: в каждом номере (журнал выпускается четыре раза в год), дается, во-первых, разнообразный богословский материал, затем насыщенная хроника церковной жизни каждого вероисповедания и важнейших событий в области экуменических отношений.

Хроника эта дается для каждой страны: указываются главные факты из жизни церквей и также все экуменические начинания. Необходимо отметить, что Православию отводится большое место, даже когда речь идет о самых незначительных церковных единицах, не говоря уже о том, что в каждом номере можно найти несколько страниц о церковной жизни в Греции или в СССР. Сведения черпаются из многочисленных газет и журналов, на которые даются необходимые ссылки. Таким образом, для нас, православных, очень ценно то, что мы можем, каждые три месяца, находить в сжатом виде обзор нашей церковной жизни. В

первых трех выпусках 1970 г. упоминаются, например, следующие события: заключение и освобождение Краснова-Левитина, епископские назначения, состоявшиеся в Московской патриархии в декабре 1969 г., кончина и похороны патриарха Алексея, подготовка выборов нового патриарха, провозглашение автокефалии Американской православной Церкви и автономии японской Церкви, внутренние мероприятия в греческой Церкви и вызванные ими разногласия, отрицательное отношение значительной части греческого церковного и общественного мнения к экуменическим вопросам и к эволюции греческой Церкви в рассеянии, поддержка "Русской зарубежной Церкви" греческому расколу Палайомерологитов (старостильников), внешние сношения румынской Церкви и некоторые внутренние ее реформы (создание института викарных епископов), возрождение православного Синайского монастыря, и т. д. Как можно видеть из этого перечисления, редакция "Иреникона" касается вопросов, в частности связанных с отношениями между разными православными церквями и юрисдикциями, которые не вызывают единогласия среди православных. Такой подход мог бы считаться, со стороны католического журнала, дерзновенным, если бы изложение всех церковных событий, даже тех, которые несомненно противны точке зрения редакции, не делалось с совершенной объективностью без малейшего желания извлечь из православных разногласий какое-либо отрицательное суждение о Православии. Например, добросовестность и объективность освещения такого сложного церковного события как провозглашение Американской автокефалии могло бы служить примером многим православным информаторам...

В начале каждого номера, после краткой редакционной статьи, помещаются две пространные богословские статьи. Подписаны они большей частью католическими богословами, но иногда принадлежат перу протестантских или православных специалистов. В обозреваемых здесь трех последних выпусках отметим сперва научное исследование о. ван Парисса о толковании в греческой патрологии IV в. 22-го стиха 8-ой главы из Книги Притчей и, следовательно, об отношении между тремя ипостасями св. Троицы после Никейского собора (№ 3). Другая богословская статья О. Б. Дюпюи посвящена рассмотрению учения второго Ватиканского собора о методах исследования Священного Писания (*Constitutio Dei verbum*); в ней можно проследить важнейшие этапы развития новых методов в толковании Священного Писания за последние 25 лет. Подведя итог работы, проделанной в этой области собором, автор приходит к заключению, что восприятие Священного Писания должно вернуться к тем теориям познания, изложенным греческими Отцами Церкви, которые "как раз по поводу этих проблем открыли много новых путей, которые сегодня забыты, но которые пора было бы снова открыть" (ст. 37).

Наконец, во втором выпуске опубликован интересный документ: итог работы, произведенной совместно богословами Всемирного Совета церквей (протестантами и православными) и представителями Римской Церкви над темой "Соборность и Апостольское преемство". Разумеется, текст этот не является каким-то "богословским компромиссом", составленным представителями разных церквей; цель его — дать итоги богословских исканий, в разных вероисповеданиях, на эту тему. Вероятно, не стоит подчеркивать исключительную важность затронутых на этом сове-

щании вопросов, которые являются краеугольным камнем всех экуменических споров. Статья заканчивается как раз списком всех тех вопросов, которые остались и остаются не разрешенными.

... В краткой заметке нам невозможно дать подробный отчет о содержании всех этих статей. Позволим себе только одно замечание: в то время, как многие западные христианские журналы и газеты все больше и больше поглощены социально-политическими вопросами (которые очень часто представляются в более чем спорном освещении), отрадно видеть, что в католической церкви интерес к живым богословским темам не оскудевает, во всяком случае в некоторых кругах; впрочем, круги эти, большей частью, те же, которые пронесли священный огонь свободной христианской мысли через эпоху торжествующего "интегризма". Мы верим, что теперь, когда настал момент торжествующего "прогрессизма" им удастся сохранить и развить свои духовные сокровища.

Но поиски "единого на потребу" не ограничиваются, на страницах "Иреникона", чисто богословскими статьями. В обозреваемых нами выпусках напечатан очень интересный очерк профессора Лувенского университета А. М. Латуерса "За углубленный смысл человеческого существования". Статья, основанная на тщательном исследовании литературных рассказов и повестей, изданных за последние пять лет в журналах "Юность" и "Знамя", ставит себе задачей показать, что в новейшей советской литературе можно найти отголоски тех вопросов о человеческой природе, о бессмертии, которые сформулировал Достоевский. Резюмировать столь богатый материал нам представляется невозможным, но мы надеемся, пользуясь любезным разрешением автора статьи и редакции журнала, в недалеком будущем напечатать на страницах "Вестника" перевод работы проф. Латуерса.

Во всяком случае нужно с радостью и с благодарностью отметить, что католические монахи придают духовному возрождению в СССР большое значение. Об этом свидетельствует передовица первого выпуска этого года, где говорится, что "многие недалеки от того, чтобы верить, что новые поиски духовных ценностей, происходящие там в настоящий момент, как бы предвещают будущее возрождение нашей (т. е. западной) религиозной мысли..." (стр. 5).

Последний отдел журнала посвящен библиографии и критике книг. Он разбит на две части: первая богословская, вторая историческая. К сожалению, отдел этот не представляет того единства, которое мы до сих пор отмечали: разнообразие материала приводит к тому, что рецензии бывают посвящены книгам неодинакового интереса; к тому же качество заметок далеко не однообразно, так как они принадлежат перу разных рецензентов. Но и тут можно часто найти первоклассную информацию на разные вопросы, касающиеся, в частности, русской церкви.

В. Водов.

"Вестник" русского западно-европейского патриаршего экзархата, № 68/1969, № 69/1970, № 70-71/1970 г.

Журнал верен своему двуязычию. Во французских отделах отметим краткую статью архиеп. Василия об авторитете и Святом Духе (№ 68), историко-каноническую справку епископа Петра о церковном целибате

(№ 69); в № 70-71, помимо документов о даровании автокефалии Американской церкви, переведены статьи митр. Никодима о Халкидонской и нехалкидонской христологии и прот. Л. Воронова о тайных молитвах. Жаль, что редакция не указывает, где были напечатаны оригиналы этих статей.

Русская часть журнала состоит почти целиком из рукописей, полученных из Советской России. Актовые речи доц. Огицкого о Константинопольских соборах 869-70 и 879-880 гг. (№ 68) и архим. Анатолия Кузнецова о Православной иконе (№ 70-71) позволяют судить о достойном уровне богословской науки в Московской Академии. Гораздо больший интерес представляют неофициальные рукописи: продолжается печатание крупного литургического труда епископа-исповедника Афанасия Сахарова о "поминовении усопших", начатое еще в № 67 (68 и 70-71), стихи А. Надеждиной, с которыми читатель "Вестника" хорошо знаком, а так же ее прекрасный очерк о страдальческой жизни архиепископа Рижского Филарета (Лебедева). Отметим еще неизданную страницу преп. Макария Египетского в переводе архиеп. Василия.

«Le Messager Orthodoxe», № 51, III-1970, 92 стр.

Родной французский брат русского "Вестника" РСХД. Этот номер, вышедший одновременно с № 97 "Вестника", содержит почти сплошь оригинальные статьи. Передовица, под подписью Никиты Струве, посвящена двум Нобелевским лауреатам: ушедшему Франсуа Мориаку и восшедшему Александру Солженицыну. Греческий богослов Панаиотис Неллас (род. в 1936) посвятил прекрасный очерк православному учению о Божией Матери в свете теоцентрического гуманизма, который он противопоставляет антропоцентрическому гуманизму. Не менее удачна статья прот. Бориса Бобринского об интеркоммунионе — общении в тайнствах между православными и католиками, от которого православные отказываются из вящего уважения к Евхаристии. Евхаристия не может быть средством воссоединения, а его завершением. Однако, отказ от общения как нормы не означает, что в особых случаях католики не могут быть допущены к причастию за православной литургией. Пространную статью митрополита Георгия Ходра о "технологии и социальной справедливости" трудно передать в двух словах: автор мечтает о диалоге между теми, кто вовлечен в технологические структуры и "людьми созерцания", чтобы первые не обезчеловечивались, а вторые не ограничились негативным отношением к технике. Но автор предупреждает также об опасности, которая грозит христианам раствориться в мире. Архим. А. Семенов в краткой статье напомнил основные вехи христианской антропологии. В связи со столетием со дня рождения Петра Струве дан прекрасный его этюд (кажется, по-русски так и не опубликованный) о сущности социализма. П. Струве выделяет три основоположные идеи: 1. равенство людей, сведенных к политическим атомам, равно поддающимся всякому плану реорганизации (*homunculus*), 2. организация и рационализация всей социоэкономической жизни высшим существом, т. е. общей волей социального целого (*makranthropos*), 3. метод этой абсолютной рационализации, ведущий к обожествлению государства.

В номере 52-ом даны переводы статей Metanoia, О. Алтаева, М. Челнова и письма А. Краснова к Римскому папе.

"Новый Журнал" (ред. Роман Гуль), № 99, Нью-Йорк.

В 99-ом номере "Нового Журнала" обычные разделы: беллетристика, материалы по истории и литературе, и библиографические заметки.

В отдел беллетристики вошло 23 стихотворения, среди которых можно отметить стихи Глеба Глинки ("Новые времена", "Совесть"), отражающие глубокую разочарованность и беспомощность ("Гадкий утенок стал уткой приличной / Гольи король в сумасшедшем доме"). Очень хорошо написан короткий рассказ Ю. Кроткова под названием "Пифагор". Очень удачно в нем выдержан стиль, "языковой уровень". Приятен рассказ художника Мих. Андреевко "Мыши", со свежестью и чувством описывающий "дружбу" со старой мышью и ее последствия. Можно безоговорочно рекомендовать такое чтение для детей, для юношества. Следует еще отметить в этом отделе занимательную "Поездку в Аликанте" Вл. Вейдле.

В отделе материалов напечатаны: письма В. Зайцевой к В. Буниной, дающие живую картину интеллектуальной русской эмиграции во Францию в 30-е годы; несколько писем Горького (20-х годов) к И. А. Добровейну, известному пианисту и дирижеру, где можно найти такие замечания: "В Россию я не уехал, не верьте. Хотя, не скрою, побывать там хочется. Интересно." или "В Риме играют нечто Гречанинова. Без успеха. Рассказывал мне это очень музыкальный русский поп, даже архимандрит. Вот, — с архимандритами беседую. Охо-хо, что скажут в России? Плохо скажут". Затем письма С. В. Рахманинова Сомовым (с 1924 г. до 1942 г.), интересные главным образом для специалиста, изучающего Рахманинова.

Из воспоминаний: "Парижка" Ник. Турова, тюремные воспоминания начала 40-х годов, написанные сдержанно, без какого-либо пафоса, и тем более врезающиеся в память. И интересные парижские и женеvские воспоминания Д. Шуба (1905 г.), о встречах с Засудич, с Лениным, с Мартиновым и т. д. (о Шубе речь идет также в библиографии, где дается лестный отзыв о его недавно появившемся сборнике "Политические деятели России 1850-1920 гг.").

В номере также помещены: статья Ю. Иваска о Бунине, где автор в частности разбирает отношение Бунина к метафизике, статья Ю. Марголина о Льве Шестове под заглавием "Антифилософ", и довольно забавная, если можно так выразиться, статья американского ученого и публициста Б. Д. Вульфа: "Крупская чистит библиотеки".

Е. С.

ВЕСЕННИЙ СЪЕЗД

Больше 60-ти человек собралось к началу съезда, в субботу после обеда. Вечер был посвящен выступлениям молодых.

Георгий Филиппенко поставил вопрос: "Имеет ли христианин свое место в современном мире?" и перечислил те причины, которые позволяют думать, что такого места ему нет: постоянно испытываемое бессилие людей доброй воли против зла, кризис слова (словам больше не верят, не смеют говорить об истине, слово кажется бессильным изменить мир) — скрытые нападки против христианства на западе. Михаил Соллогуб показал каково должно быть место христианина и в частности нашего Движения в современном кризисе. Наша цель и наши средства ничего не имеют общего с политической партией: цель — это проповедь благодати о новом творении. Без Духа Святого нет подлинного изменения, все остается утопией и человеческая воля бессильна. Для нас "модель" общества, это Св. Троица и единственно возможный путь, предпочтение личности коллективу. Нам надлежит жить нашей верой, чтобы вера была творческим источником внутри и вокруг нас.

Всенощная и литургия, отслуженные по-славянски, протекли под знаком Воскресения и исцеления Расслабленного. О. Александр Шмеман, в своей проповеди, повторил для каждого из нас вопрос Христа "хочешь ли исцелиться?". Хотим ли мы исцеления или примирились с нашей расслабленностью? У расслабленного "не было человека". Но у нас есть человек, Христос, который, если мы того захотим, нам скажет "Встань, возьми постель твою и ходи". После пасхального взлета, наша тяжесть особенно чувствуется, но Господня любовь всегда готова нас поднять.

О. Афанасий Евтич (ученик о. Иустина Поповича), которого мы впервые слышали на нашем съезде, начертил главные линии учения ап. Павла о Церкви, показав нам то, о чем мы призваны свидетельствовать перед миром. Он выделил три текста: первое послание к Тимофею III, 14-16 (Церковь как откровение тайны Христа), послание к Ефессянам: начало I — гл. о домостроительстве Божиим и гимн Павла (гл. III). Учение Павла о Церкви, это прежде всего откровение тайны Сына Божьего, пришедшего к нам и воплотившегося, откровение св. Троицы во Христе и откровение нашей личной тайны, т. е. божественного замысла о нас.

Христос — Ангел предвечного совета сосредоточил в себе это откровение. Бог открылся не только в своем Творении, в своем замысле, но и своим воплощением. Воплощение — новое Творение — начало Церкви. Мир пребывает в Сыне Божьем, вне Его — ад. Христос не упраздняет мир, но исполняет и совершает его: все сотворено Христом, для Него, в Нем. В Нем, ставшим человеком, наше человечество не исчезает: мы сосуществуем во Христе, Духом святым. Церковь не просто общество, но реальное соединение в Тело Христово. В каждой церкви Христос предшествует в полноте, и в каждой церкви Тот же Христос (послание к Коринфянам). Христос — это также Его члены, новый мир — церковь. Будучи за Христа, мы тем же за человека. Отвергать часть догмата,

это отрезать себя от тела Христова, это вопрос жизни и смерти. Учение ап. Павла не есть теория, а реальность. Христос воплотился и остается воплощенным. На поставленные вопросы, о. Афанасий ответил, что нельзя предположить мир без Христа, или до Него. Цель творения для ап. Павла это воплощение Христа и обожествление человека. Тут нет места для Премудрости как нового откровения. Христос несет все энергии в себе (см. Рождественские стихиры), софиология обедняет Христа. О. Афанасий также пояснил, что каждая Церковь должна исповедовать полноту веры. Частичное отречение влечет за собой полное отречение от веры. Наконец, Церковь, Тело Христово, нуждается во всех своих членах и иерархичность присуща жизни.

О. Александр Шмеман говорил на тему "Временное и вечное в Церкви". "Ищите прежде всего Царство Божие, и остальное приложится вам". Были эпохи когда Церковь находила ответ на этот призыв: у нас есть пример, лучше сказать икона, первых христианских общин. Был духовный свет в Византии, на св. Руси, в средневековом западе. Этого больше нет, и причина тому то, что не ищут больше Царства Божьего прежде всего. Никакая историческая форма церковной жизни не была совершенна, но пока этим призывом жили, мир был христианским. Церковь освящала все в мире: родину, поскольку она служила Богу, повседневную жизнь, культуру. Христианин знал что "преходит образ мира сего", что он странник. А ныне, христианский мир перестал быть иконой, провозгласил себя самодовлеющим и стал кумиром. Мир отошел от Церкви и теперь сами христиане отходят от нее. Тогда другие заговорили о Царстве Божием, пускай бессознательно. С христианством максимализм вошел в мир. Сейчас максимализмом горят люди, только не христиане. Прыгают на луну, хотя завоевать пространство, хотя абсолютной свободы, абсолютна во всем. Но где абсолют для христианина? Церковь стала некоей духовной буржуазией. Мы можем многое прочесть о спасении души, но не знаем больше, что это за Царствие, которое мы должны искать.

Христианство есть откровение о мире, Церкви, Царствии Божием: это три зависящие друг от друга реальности. Некоторые видят только мир, другие только будущий век, а иные только Церковь без мира и без Царствия. Но надо эти три реальности соединить, не смешивая их. Мы в мире, часть творения, где все предшествует Царству. Церковь, это уже преображенный мир, где все на своем месте в красоте и свете. Христос Крестом и Воскресением показал временность мира. Но в Духе Святом Он открывает вечность. Первые христиане жили в легкости Духа, Царство Божие жило в них, а мы отяжелели, Царство стало для нас чем-то далеким, а землю мы покрыли идолами. В церковной жизни нашим мерилом должно быть не прошлое (Аввакум очень живуч в нас) и не искание модернизма (то, что привлекает людей), но мы должны искать тайного преображения мира. Все, что может быть иконой Царства вечно, остальное преходяще. Клерикализм и демократизм — ереси. Пересматривая нашу жизнь в свете Царства мы увидим то, что вечно.

В общем обсуждении, о. Александр напомнил, что христиане существовали до "христианского мира" и существуют после. Исторические эпохи ничего не меняют в христианской жизни. Нам надо бояться изменить Христу, спрятать его для наших собственных нужд (приход не для "обслуживания духовных нужд прихожан", а для соборного служения

Христу). “Блажен тот, кто не соблазнится о Мне”, повторяет нам Господь в течение всей истории Церкви.

Потом о. Александр попытался дать понять, что такое Царствие: знание Бога, мир и радость в Духе, опыт данный в Церкви. Еще отметил, что не надо противопоставлять активное делание и созерцание, так как дары разные. Не надо увлекаться ни конформизмом, ни неконформизмом, которые оба объединяют, так как в одном и другом есть желание всех сделать одинаковыми. А мы наделены различными дарами и наша настоящая свобода состоит в том, чтобы открыть свой собственный талант и его умножить.

В понедельник, после литургии отслуженной по-французски, о. Илья Мелия говорил на тему “Церковь и Мир”. Он остановился на конкретном присутствии Церкви в современном мире, напомнив о “воцерковлении” жизни, которое является целью нашего Движения и о миссионерском призвании Церкви по отношению ко всему миру. Сейчас часть мира хочет жить без Бога, другая может свободно Его призывать, а третья Его еще не знает. Церковь будет только одним из социологических явлений, если не будет жить Духом Святым. В жизни общины нужны настоящая солидарность и взаимная ответственность, которые требуют от каждого полной зрелости. Но современная информация мешает нам созреть. Церковь должна отвечать на все трудные вопросы нашего мира. Лютеранин Гарнак упрекал Православие в том, что оно ушло от мира. Но православие позволило многим народам выжить среди больших трудностей: в Греции, на Балканах, под Турецким владычеством. Вспомним все развитие России от князя Владимира до XIX века, с ее духовными вождями, ее писателями. Из тупика конца XIX века вышли Соловьев, мыслители — бывшие марксисты, наше Движение. Нам надлежит продолжать этот богатый опыт.

Православие отвечает на все вопросы мира своим опытным, не теоретическим знанием Бога, своим космическим видением спасения, своей антропологией, своими таинствами, в которых материя служит проводником благодати, своей эсхатологией, своим пророческим призванием, обличая неправду (Св. Иоанн Златоуст), вдохновляя культурное творчество, являя непрестанную победу над всем временным и неподвижным. Христианин ни к чему не остается равнодушным, он борется за правду, провозглашая братство людей, он действует уважая каждую личность, ничего не разрушая.

В последней лекции съезда, о. Алексей Князев развил тему об “Авторитете Св. Писания”. Он сперва уяснил понятие авторитета. Св. Писание представляет собой канон нашей веры. На чем основан авторитет Св. Писания? На вере, которая есть доверие, послушание и верность Богу, а также орган познания, так как рано или поздно Бог отвечает верующему и дает ему познать то, что за пределами этого мира. Философский критерий истины, это согласие умов. Для нас это согласие Церкви, которая признает авторитет Св. Писания. В чем этот авторитет? Вера состоит в том, что признается особый дар, данный от Бога авторам Св. Писания. Эту веру в вдохновение Церковь приняла от ветхозаветной Церкви, от Христа, Который ссылался на Св. Писание, от ап. Павла. Она подтверждается опытом Церкви, ее плодами — святыми, которые жили по Св. Писанию.

Зачем надо было Св. Писание? Бог хотел объективного, религиозного опыта. Он послал Пророков и Апостолов, но и Своего Духа. Писание, это гарантия точной и верной передачи Слова Божия. Вдохновение дает возможность с наибольшей верностью передать человеческими словами Слово Божие, которое превышает всякое человеческое понимание.

Из того, что Бог сказал людям, все ли было передано в Св. Писании? Бог открывается, действуя в истории, при определенных обстоятельствах. Христос ничего не написал, он действовал. Апостолы свидетели Его дел. Все в Св. Писании, история, законодательство, поэзия, пророчества, написано по поводу исторических событий и в них заключено все, что Бог хочет дать знать людям.

Какое отношение имеет Св. Писание к “современному человеку”? “Современный человек” ничем не отличается от предыдущих поколений, перед ним стоят те же вопросы греха, смерти, спасения, на которые Бог дал все нужные ответы. Конечно, Св. Писание выражается языком определенной эпохи, его нужно понимать в его историческом контексте. То же можно сказать о выражении догматов. Единственный способ проверить — это “приди и виждь”. В опыте Духа Святого никому не отказано. Бог хочет, чтобы все люди были спасены и пришли к познанию Истины. Это опыт Апостолов и многих после них: нам надо им следовать.

После общего обсуждения, о. Алексей уточнил некоторые свои мысли. Во Христе полнота откровения, но оно превышает отдельного человека и познается опытом всей Церкви. Могут быть новые открытия (о Христе), но не может быть нового откровения.

После этого ясного и твердого утверждения источника нашей веры, Съезд закончился благодарением Богу за эти 3 дня. Лекции дополнили одна другую, развивая тему христианина в мире, в поисках Царствия. Мы питались Словом, Евхаристией, общей трапезой, общими обсуждениями.

Участников было много (около сотни все время, а порой до двухсот), всех возрастов, из Парижа и других стран, а также и инославные друзья.

Е. Г.

ЛАГЕРЬ ДВИЖЕНИЯ

С 5 июля по 15 августа протекал очередной летний лагерь Движения в той же живописнейшей местности, на 1000 м. выше уровня моря, с безграничным видом на горы, на цепь простирающихся в долине озер...

В этом году лагерь был, по общему мнению, из успешных. Большое число участников (150 человек детей, подростков, студентов), хороший подбор (зачастую, дети активных членов или друзей Движения), прекрасная погода, отличный и симпатичнейший повар — способствовали этой удаче.

Самым ценным в лагере является церковная жизнь. Ее возглавляет с неослабевающей энергией прот. Алексей Князев, ректор Богословского института в Париже и председатель местного Движения. Он — духовник лагеря уже больше 20 лет и, вместе с тем, его руководство не носит нисколько печати рутинерства. Многие церковные вопросы получили смелое решение: фактически установлено за каждой воскресной литур-

гней общее причащение. Этому помогает общая исповедь, которая проводится, наряду с частными исповедями, несколько раз за лагерь. Язык молитв чередуется: один день по-славянски, другой — по-французски. Каждый день за вечерней молитвой — проповедь: этим летом проповеди были объединены общей темой, трактующей Церковь как наивысший дар Божий, преодолевающий все наши ограничения и слабости. Если прибавить к этому утренние уроки по Закону Божию, то можно себе представить, какую необыкновенно богатую религиозную зарядку получает участник лагеря.

Динамизму церковной жизни не всегда, к сожалению, соответствует педагогическая и культурная деятельность в отрядах. Были очень удачные общие проявления лагерной жизни: походы, остроумно и талантливо устроенная ярмарка, прекрасный спектакль из русских былин, олимпийские игры, вечер поэзии и т. д. Следует отметить общее веселое, непринужденное, свободное настроение лагерников, ничего ходульного, ничего военного, доброкачественность и жертвенность руководителей, чей труд не вознаграждается.

Единственным слабым, недостаточно развитым местом в лагерной жизни является повседневная отрядная жизнь, лишенная динамики и продуманной педагогики (отчасти из-за многочисленности детей в группах). Особенно это сказывается в уровне языка. Русский язык, увы, почти не слышен. Это было бы не слишком большой бедой, если бы раздавалась хорошая французская речь. Увы, французский язык лагеря крайне скуден, тривиален и зачастую доходит до заборной брани. С этим положением вещей нельзя мириться, так как язык — показатель умственного и духовного уровня. Представляется желательным и возможным, чтобы следующий лагерь позаботился об этой проблеме. Повышение языкового уровня могло бы стать педагогической задачей лагеря. Наряду с богатой религиозной жизнью нужно развивать и педагогические задания. Без них лагерь слишком легко вырождается в приятное времяпрепровождение. На последнем строю у мачты директором лагеря А. Викторовым было сказано, что Движение отличается своей идеологией от колониального лагеря. Хотелось бы, чтобы отличительные черты движенического лагеря конкретнее проявлялись в повседневной отрядной жизни.

Н. С.

ОСЕННИЙ СЪЕЗД

Около 70 человек (большинство из них моложе 30-ти лет) собрались в Бьевре 10 и 11 октября 1970 г. В субботу вечером все разделились на маленькие группы, читали в Новом Завете о вере и вместе обдумывали это чтение. Основной темой была — вера в повседневной жизни. В воскресенье утром все собрались на литургию на французском языке, отслуженную о. Борисом Бобринским, который прочел проповедь о вере. После литургии Оливье Клеману были заданы вопросы, возникшие в разных группах, в частности: что такое вера, нуждается ли в ней современный мир, как жить согласно воле Божией, бывает ли любовь без веры, вера без любви? Ол. Клеман отвечал на наши вопросы со своим обычным искусством, со всей своей верой.

Днем были прочитаны два сообщения о вере в России; на конкретном материале были проанализированы основные побуждения, определяющие возврат к вере: поиски смысла жизни, отказ от материалистической жвачки, возврат к прошлому России, благодатный дар Святого Духа и т. д. Доклады сопровождались оживленными приемами, особенно со стороны тех, кто недавно побывал в Сов. России.

Участник.

ОСЕННИЙ СЪЕЗД ДВИЖЕНИЯ

(отчет "группы старших")

Тема съезда (вера в ежедневной жизни) нас очень заинтересовала, так как это в сущности одна из главных проблем юношества.

Не только доклады, но и общая атмосфера этого съезда нам помогла вырваться из каждодневной серой жизни и выкинуть в христианские и братские отношения, в которых мы не почувствовали себя одинокими.

Что нас больше всего потрясло, это смирение богослужения и глубокое участие в службе молящихся.

Мы поняли на этом съезде через какие трудности должен проходить христианин в нашу эпоху и больше всех верующие в СССР.

Это нас привело к общим и индивидуальным размышлениям и приемам. Впоследствии, под впечатлением съезда мы совершили поездку в монастырь «Provement», чтобы возобновить дух съезда.

Для нас этот съезд не окончился в день отъезда, так же как и размышления, которые нам помогут уточнить поле деятельности нашей группы.

Группа "старших"
(от 15 до 18 лет).

ЗИМНЯЯ РАБОТА

Работа РСХД среди студентов (от 18-ти до... лет) весьма многообразна. Мы собираемся раз в месяц по воскресеньям для литургии (по-французски) и после трапезы устраиваем общую беседу на разные темы (об о. А. Мечеве, о положении Церкви в Греции). Мы также надеемся провести вместе два дня в Покровском монастыре в Бюсси в начале 1971 года.

У нас работает несколько кружков. Кружок "Введение в богословие" собирается в Институте св. Сергия по средам, раз в две недели. О. Борис Бобринский определяет основы истинного познания Бога (догматическое богословие). С Николаем Куломзинным мы изучаем Евангелие от Иоанна (богословие Нового Завета). Между этими двумя лекциями мы собираемся на чашку чая.

По средам, раз в две недели, библейский кружок углубляется в чтение Апостола и Евангелия предыдущего воскресенья или праздника.

Литературный кружок (на тему интеллектуальной и духовной жизни в России и в СССР) организует общие доклады и беседы на французском

языке (первый доклад читал Г. Филиппенко о мыслителях XX века; второй доклад, Оливье Клемана, был посвящен Бердяеву). Этот кружок также изучает на русском языке Г. Федотова, начав со сборника статей "Лицо России"; впоследствии будет разработана библиография этого мыслителя.

Литургический кружок будет посвящен пению и чтению служб.

В Доме РСХД в нашем распоряжении имеются разные журналы православных стран, и экуменические бюллетени. Мы также располагаем обширной библиотекой русских книг.

По будням мы рассеяны по Парижу и окрестностям, где мы живем и работаем. Мы принимаем участие в жизни разных приходов, но собираемся в РСХД для братских встреч в поисках христианской жизни в современном мире. Кроме того, мы поддерживаем связь с друзьями, живущими в провинции и за границей (в Греции, Либане, США — членами Синдесмоса).

Мы собираемся на праздники: Введение во Храм Пресвятой Богородицы — праздник нашего Движения, на Рождество. Мы организуем весенний и осенний съезды. Теперь мы готовимся к летнему лагерю и к путешествию-паломничеству в Грецию летом 1971 года.

Г.

МОЛИТВА О ДВИЖЕНИИ

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
на земли Церковь Твою основавший
и Духа Святого на Святых Твоих
апостолов, от Отца ниспославый,

Призри с небесе на рабы Твоя
во славу Имени Твоего соединившиеся
и благослови их.

Приложи нам веру, воспламени любовью
к братии нашей, даруй нам терпение,
смиреномудрие и кротость, восполни
немошь и скудость нашу во исповедании
Имени Твоего.

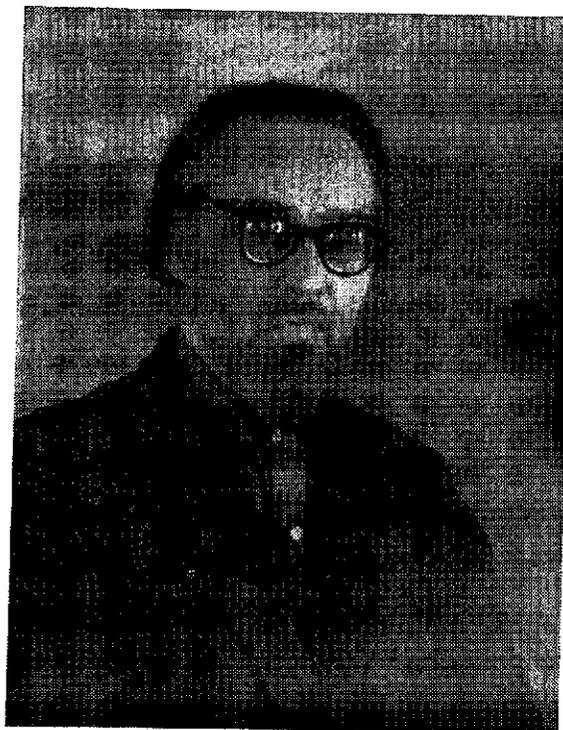
Ниспосли нам Духа Святого,
да прославим в мире сем Церковь Твою,
молитвами Пречистыя Твоея Матери
и всех Твоих святых.

Аминь.

Молитва эта была составлена в самом начале жизни Движения в двадцатых годах митр. Антонием (Храповицким) и предлагается всем движенцам для включения в молитвенное правило.

КОНЧИНА БОРИСА ТАЛАНТОВА

4-го января сего года, в тюремной больнице города Кирова (Вятка), умер от сердчного припадка Борис Владимирович Талантов, автор многочисленных статей о положении Церкви и общества в СССР, часть которых была напечатана в **Вестнике РСХД** и в **Посеве**. За эти смелые статьи, обличающие бесстыдную ложь официального руководства как Церкви, так и государства, Борис Талантов был арестован 12-го июня 1969 года и приговорен к двум годам заключения 3-го сентября. В последнем слове на суде, Борис Талантов подтвердил верность своим убеждениям, простился с близкими, так как, учитывая свой возраст и состояние здоровья, не надеялся выйти на свободу... Так и случилось..

Борис Владимирович Талантов

Родился в 1903 г., скончался в тюрьме
г. Кирова 4 января 1971 г.

(фотография 1968 года)

Борис Талантов родился в 1903 году, в Костромской губернии, в семье священника. Отец и старшие братья, тоже священники, погибли все мученической смертью. Борис Владимирович переселился в Киров, где окончил педагогический институт, затем в нем же преподавал математику... Он мог мирно закончить свой жизненный путь, но потребность защитить Церковь от полного разорения и оградить ее от разлагающей лжи привела его к исповедничеству. Борис Талантов принадлежит к тем немногим смелым и стойким деятелям русской Церкви, не склонившимся перед насилием и неправдой.

Да будет его жертва примером для других!

Приводим здесь текст одного из последних его писем, написанных из тюрьмы одному из друзей.

7 декабря 1970 г.

Дорогой . . .

...Получение Вашего письма... было для меня большой радостью, так как, узнав 2 октября 1969 г. о Вашей беде, я все время беспокоился о Вас и усердно молился Богу, чтобы он разрешил Вас от беды.

Приношу Вам и Вашим друзьям сердечную благодарность за то великое милосердие, которое Вы мне оказали, когда я попал в беду. Искренняя и жертвенная любовь между нами, христианами, есть печать того, что мы ученики Христа. Одно это сознание утешает и ободряет нас, в каком бы положении мы не находились. Мне, как больному старику, конечно, нелегко отбывать заключение. Но здесь я встретился с несколькими истинно верующими заключенными, которые, будучи моложе меня, заботились и помогали мне, как родному отцу. Также и верующие на свободе утешают меня своими письмами, в которых видна искренняя христианская любовь.

С 6 ноября я нахожусь в больнице по поводу болезни сердца. Глазной врач определил на обоих глазах катаракт и сказал, что нужно делать операцию, иначе наступит полная слепота. Но все эти злоключения не сломили мой дух и мою веру: я еще могу писать и читать письма, слава Богу.

Я бодр духом и с благодарностью принимаю от Бога все горькие испытания.

Усердно молюсь Богу о Вашем здоровье и здоровье всех верных христиан.

Да сохранит Вас Господь Бог от всяких бед и напастей и подает радость Свою совершенную.

Ваш друг Борис Талантов.

Библиографическая справка:

Открытое письмо его святейшеству Патриарху Алексею, **Вестник РСХД**. № 82. IV—1966, стр. 3-20.

История как был исключен из семинарии Николай Каменских, **Вестник РСХД**. № 83, I—1967.

Насилием нельзя победить идеи **Посев**. 11, 1968, стр. 53.

Советское общество. **Посев**. 9, 1969, стр. 35.

Идейный разброд, идейные искания. **Посев**. 9, 1969, стр. 42.

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.

	Стр.
Назревающие перемены во вселенском Православии — Прот. И. Мейендорф	1
Понятие спасения в Ветхом Завете — Прот. А. Князев	4
Угли пустынные — Архиеп. Иоанн Шаховской	13
Брак и Евхаристия — Прот. И. Мейендорф	20
О единстве христиан во Христе и Евхаристии — Прот. Г. Сериков. ВОПРОСЫ ЦЕРКВИ	32
Первый Всенародный Собор Православной Церкви в Америке — доклад митр. Иринея	38
Ответ прот. А. Киселеву — Н. Струве	43
Ответ прот. А. Киселеву — В. Водов	45
О церковном устройстве в Западной Европе — К. Андроников	47
Из жизни католической Церкви	
Окружное послание Польского Епископата	52
Материалы к истории Русской Церкви	
Неизданное письмо Ленина в Политбюро	54
Комментарий — Н. Струве	58
Послание Патр. Тихона	61
ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ	
Предсмертное стихотворение Н. Гумилева (Комментарий Н. Струве). Два неизданных стихотворения О. Мандельштама	64
Я пишу сценарий — О. Мандельштам	66
Неизданное стихотворение Б. Пастернака	69
О Солженицыне — А. Шмеман	71
О Солженицыне — А. Шмеман	72
Вокруг Солженицына	
Письмо А. И. Солженицына в Шведскую Академию	88
Телеграмма А. И. Солженицына	89
Письмо Мстислава Ротсировича	90
СУДЬБЫ РОССИИ	
Думать — Лев Венцов (в порядке дискуссии)	93
«Хроника текущих событий» № 15	107
Стихи Горбаневской	148
Письма читателей	
Письмо Прот. В. Голунского (Отче наш — А. Пушкина)	151
Письмо А. Бормана (о биографических данных П. Б. Струве)	153
Отклики на последний номер «Вестника» — К. Померанцев	154
Обзор журналов	
Иреникон — (Водов), Вестник Моск. Патриархии — (Н. Струве), Messenger Orthodoxe, Новый журнал — Е. С.	155
Хроника Движения	
Весенний съезд, Летний лагерь, Осенний съезд, Зимняя работа, Молитва о Движении	160
Кончина В. Талантова	167

	Pages
Vers des changements imminents au sein de l'Orthodoxie universelle — J. Meyendorff	1
La notion du Salut dans l'Ancien Testament — A. Kniazeff	4
«Les charbons ardents» — Archevêque Jean Schakhovskoy	13
Mariage et Eucharistie — Jean Meyendorff	20
L'unité des chrétiens dans le Christ et l'Eucharistie — Georges Serikoff	32
PROBLEMES D'EGLISE	
Premier Concile de l'Eglise Orthodoxe en Amérique (rapport de Mgr Irénée)	38
Réponse à l'archipêtre A. Kisselev — N. Struve	43
A propos de la lettre du P. A. Kisselev — V. Vodoff	45
Organisation de l'Eglise en Europe Occidentale — C. Andronikof. Le vie de l'Eglise Catholique	47
Message de l'Episcopat Polonais	52
DOCUMENTS SUR L'HISTOIRE DE L'EGLISE RUSSE	
Lettre inédite de Lénine adressée au Politbureau	54
Commentaire — N. Struve	58
Message du Patriarche Tikhon	61
LITTERATURE ET VIE	
Dernier poème de N. Goumilév	64
Commentaire — N. Struve	64
Deux poèmes inédits de Mandelstam	66
J'écris un scénario — O. Mandelstam	66
Poème inédit de B. Pasternak	69
A. Soljenitzyne — A. Schmemann	71
Lettre de Soljenitzyne à l'Académie de Suède	72
Télégramme de Soljenitzyne	88
Lettre ouverte de Rostropovitch	89
LES DESTINS DE LA RUSSIE	
«Réfléchir» — L. Ventzov	90
«Chronique des événements actuels»	93
Lettres des lecteurs	
Lettre de P. V. Golounsky	107
Lettre de A. Bormann	151
A propos du dernier numéro du «Messenger»	153
Revue des revues :	
(Irénikon, Messenger du Patriarcat de Moscou, Messenger Orthodoxe, Nouvelle Revue)	154
Chronique de l'A.C.E.R.	155
In memoriam de B.V. Talantov	160
	167

LES ÉDITEURS RÉUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, Paris-5e, France

Tél. : 033-74-46 et 033-43-81

C. C. P. 13313-73 Paris

НОВИНКИ:	Фр.
ПЕРОВ П. — Проблемы философии XX века	7,90
АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (на двух языках: русском и французском) п/р Н. С. Струве, стр. 254.	4,50
ГРОСМАН Василий — Всё течёт	28,60
МАНДЕЛШТАМ Надежда — Воспоминания. стр. 430	40,—
—♦—	
АРСЕНЬЕВ Н. — Православие, католичество и протестантизм	15,—
БЕРДЯЕВ Н. Царство Духа и царство Кесаря	20,—
БУЛГАКОВ прот. С. — Купина Неопалимая (О почитании Божьей Матери)	20,—
БУЛГАКОВ прот. С. — От марксизма к идеализму. Сборник статей.	42,55
ЗЕНЬКОВСКИЙ прот. В. — Апологетика	25,—
ЛОССКИЙ Н. О. — Свобода воли	25,—
ЛОССКИЙ Н. О. — Условия абсолютного добра	20,—
ФРАНК С. — Духовные основы общества	30,—
ШМЕМАН прот. А. — Исторический путь православия	20,—
ХРИСТИАНСТВО, АТЕИЗМ и СОВРЕМЕННОСТЬ. Сборник статей:	9,75
Н. БЕРДЯЕВ — Марксизм и религия.	
Н. БЕРДЯЕВ — Правда и ложь коммунизма.	
В. ИЛЬИН — Материализм и материя.	
С. Л. ФРАНК — Материализм как мировоззрение.	
ЧАСОСЛОВ. Церковно-славянский шрифт, в переплете	30,—
СВЕТЛОВ Э. — Истоки религии	32,50
MARTIN A. — Les croyants en U.R.S.S. (L'église offi- cielle contestée : les persécutions et procès).	24,—
MEYENDORFF Rev. J. — L'église orthodoxe hier et aujourd'hui	15,50
SCHMEMANN Rev. A. — Pour la vie du monde.	12,40
O. CLEMENT — Dialogues avec le Patriarche Athénagoras.	29,—

Каталоги высылаются бесплатно.

ВЕСТНИК

Русского Студенческого Христианского Движения

XXXIV-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

- Во Франции:** Подписную плату просим вносить либо на почтовый счет А.С.Е.Р. Paris. С.С.Р. 2441-04; либо банковским чеком на имя А.С.Е.Р.
Подписная плата на 1971 год: 35 фр., с целью под-
держки — 60 фр.
- В Америке:** Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, U.S.A.
San Francisco: Mrs Olga Raevsky-Hughes, 1418, 24th Ave. San Fran-
cisco, Calif., 94122, U.S.A.
В Америке подписная плата на 1971 год: 8 долларов,
с целью поддержки — 15 долларов.
воздушной почтой — 10 долларов.
- В Англии:** The Centre for the study of religion and communism.
15 Red Hill, Chislehurst, Kent BR 76 DB.
Подписная плата на 1971 год: 2,5 фунта ст.,
с целью поддержки — 5 фунтов ст.
- В Бельгии:** Подписная плата на 1971 год: 350 бельг. фр., с целью
поддержки — 600 бельг. фр.
Просим подписчиков вносить плату прямо на почтовый
счет А.С.Е.Р. Paris С.С.Р. 2441-04, либо банковским
чеком на имя А.С.Е.Р.
- В Германии:** Frau Valentine von Gerlée 2101 Sottorf über/Hamburg.
Harburg. W. Deutschland.
Подписная плата на 1971 год: 30 герм. м., с целью под-
держки — 50 герм. м.
- В Канаде:** Miss E. Troubetzkoy, 4500 de Maisonneuve Blvd. Apt.
23. Montreal 6 P. Que. Canada.
Подписная плата на 1971 год: 7 долл., с целью поддержки
— 15 долларов.
- В Швеции:** Prost S. Timtchenko. — Box. 19027, Stockholm, 19,
Suède.
Подписная плата на 1971 год: 35 шведских крон, с целью
поддержки — 60 шв. кр.

Tous droits de traduction réservés.

ЧИТАЙТЕ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ «ВЕСТНИКА»

В отделе Богословия: статьи — о Георгия Флоровского, о. Иоанна Мейендорфа, о. Александра Шмемана, о. Александра Семенова Тянь-Шанского, К. Е. Андроникова, Н. А. Куломзина, о. Георгия Серикова, о. Бориса Бобринского.

В отделе Литературы: неизданные произведения Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Алексея Ремизова, Даниила Андреева.

В отделе Материалы по истории русской культуры: письма П. Б. Струве, неизданные произведения П. А. Флоренского, Л. П. Карсавина, С. Булгакова, о. В. Зеньковского, Л. А. Зандера и др.

В отделе Западная мысль: переводы из произведений Ж. Бернаноса, Леона Блуа, Ф. Мориака, Ф. Мертона, архиеп. Рамзе, Романо Гуардини, Луи Буйе, Ж. Даниэлу и других.

В отделе Материалы по истории русской церкви: **Собор 1961 года** А. Краснова, послания митр. Кирилла Казанского.

Ряд **неизданных воспоминаний** о русском возрождении, о преследованиях Церкви, о Борисе Пастернаке, Анне Ахматовой, П. Флоренском...

Готовятся в 1971 г. номера посвященные целиком или частично: Ф. Достоевскому (к 150-летию со дня рождения) и о. Сергию Булгакову (к 100-летию со дня рождения).

И в каждом номере большой раздел о **Судьбах России**.

Готовится юбилейный 100-й номер **Вестника**.

Подписывайтесь на «Вестник»! Подписывайте Ваших друзей!